

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

Научный журнал

№ 3(42) 2021

- Лингвистика
- Методика преподавания языков
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

**ACTUAL ISSUES
OF MODERN PHILOLOGY
AND JOURNALISM**

Scientific journal

№ 3(42) 2021

- Linguistics
- Methods of teaching languages
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-70532 от 25.07.2017.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал выходит четыре раза в год.

Подписной индекс "Объединенный каталог. Пресса России" - 34121

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – С.А. Скуридина, доктор филологических наук
Н.Н. Лапынина, кандидат филологических наук

Ответственный секретарь – О.В. Сулемина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Е.А. Акелькина – доктор филологических наук – Омск, Россия; **В.Р. Аминева** – доктор филологических наук – Казань, Россия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Н.Б. Бугакова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **А.Э. Еремеев** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.Л. Каминская** – доктор филологических наук – Новгород, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.М. Кольцова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Э.И. Коптева** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **Н.Н. Коростылева** – доктор социологических наук – Москва, Россия; **Е.В. Косинцева** – доктор филологических наук – Ханты-Мансийск, Россия; **Е.О. Кузьминых** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Д. Лесневска** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **Ю.С. Попова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **С.С. Распопова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.К. Рева** – доктор филологических наук – Пенза, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **Н.В. Цымбалистенко** – доктор филологических наук – Салехард, Россия; **В.И. Шульженко** – доктор филологических наук – Пятигорск, Россия.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Юридический адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д.84

Фактический адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

Адрес редакции: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473)271-50-48.

© ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2021

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal «Actual Issues of Modern Philology and Journalism» is included into the list of leading scientific publications which publishes the results of thesis for the degree of doctor of science and PhD.

The subscription index – 34121 in the united catalog «Press of Russia».

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology

Deputy chief editor – S.A. Skuridina, doctor of philology

N.N. Lapynina, PhD in philology

Executive secretary – O.V. Sulemina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

E.A. Akelkina – doctor of philology – Omsk, Russia; **V.R. Amineva** – doctor of philology – Kazan, Russia; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **N.B. Bugakova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **A.E. Ereemeev** – doctor of philology – Omsk, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.L. Kaminskaya** – doctor of philology – Novgorod, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.M. Koltsova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.I. Kopteva** – doctor of philology – Omsk, Russia; **N.N. Korostyleva** – doctor of sociology – Moscow, Russia; **E.V. Kosintseva** – doctor of philology – Hanty-Mansiysk, Russia; **E.O. Kuzminykh** PhD in philology – Voronezh, Russia; **D. Lesnevskaya** – PhD – Sophia, Bulgaria; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **Yu.S. Popova** - PhD in philology – Voronezh, Russia; **S.S. Raspopova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.K. Reva** – doctor of philology – Penza, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **Tomtogtogkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongol; **N.V. Tsymbalistenko** – doctor of philology – Salekhard, Russia; **V.I. Shulzhenko** – doctor of philology – Pyatigorsk, Russia

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Legislative address of the publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

Factual address of the publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ковалева Л.В.</i> Вступительное слово главного редактора.....	6
Лингвистика	
<i>Милованова А.И.</i> Ключевые зооморфные образы как носители кода культуры во фразеологизмах, выражающих значение через наименование нереального явления.....	7
<i>Ханнанова Д.М.</i> Языковые средства создания образа Лондона в англоязычном кинодискурсе.....	11
Методика преподавания языков	
<i>Белоконева К.А.</i> Типичные языковые ошибки в курсах дистанционного обучения.....	18
<i>Шехватова А.Н.</i> Подготовка иностранных специалистов-медиков к поступлению в ординатуру российских вузов на подготовительном курсе РКИ.....	23
Аспекты изучения художественного текста	
<i>Твердохлеб О.Г.</i> "Грудь" как доминантный телесный ориентир в поэтическом тексте Андрея Белого....	35
<i>Кротова Д.В.</i> Одиночество и трагизм бытия в творчестве Т. Толстой.....	45
<i>Кольцова Л.М., Дмитриева И.И.</i> Русские фольклорные традиции в поэзии Евдокии Петровны Ростопчиной.....	51
Лингвокультурология	
<i>Алексеев А.Б.</i> Особенности языковой личности политика-маргинала.....	55
<i>Бобырева Н.Н., Зорина А.В.</i> Лексические особенности медийного дискурса фигурного катания (на материале новостных статей сайта ISU).....	64
Межкультурная коммуникация	
<i>Бахтина Е.В.</i> Особенности перевода на русский язык эквивалентов глаголов «умереть», используемых в семейных нарративах китайцев	70
Концептология	
<i>Карпенко Л.Б.</i> Языковая концептуализация и сопоставительная фразеология (на основе русского и болгарского фразеологического и паремиологического материала).....	75
Журналистика в историко-теоретическом аспекте	
<i>Булгакова А.А.</i> Создавая новый мир: принципы трансмедийного сторителлинга в новостном дискурсе о пандемии COVID-19.....	82
<i>Учайкина Е.В.</i> Цифровой университет в русском языке в контексте аналоговой и цифровой реальности.....	91
<i>Онуприенко К.А.</i> Трансформация традиционных телевизионных жанров на новых технологических платформах.....	99
Язык СМИ	
<i>Немич Н.Н.</i> Проблемы изучения семантики невыразимого в современном газетном дискурсе.....	109
События, обзоры, рецензии	
<i>Белова А.В.</i> Каталог переписки Антона Павловича и Александра Павловича Чеховых.....	118
К 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского	
<i>Кондратьев А.С., Меринов К.А.</i> Иван Хлестаков, Иван Карамазов и Иван Бездомный: духовный опыт и христианская аксиология.....	133
<i>Скуридина С.А., Бугакова Н.Б.</i> Феноменология камня в художественных текстах Ф.М. Достоевского и А. Платонова: культурно-ономастический аспект.....	140
Правила оформления статей	147

CONTENTS

<i>Kovaleva L.V.</i> Opening remarks of the chief editor	6
Linguistics	
<i>Milovanova A.I.</i> Main zoomorphic images in phraseological units expressing the meaning through the unreal phenomenon	7
<i>Khannanova D.M.</i> Language means of creating an image of London in the English film discourse.....	11
Methods of teaching languages	
<i>Belokoneva K.A.</i> Typical language errors in distance learning courses.....	18
<i>Shekhvatova A.N.</i> Training of foreign medical professionals for RF residency entrance through Russian as a foreign language course.....	23
Literary text: aspects of study	
<i>Tverdokhlebova O.G.</i> «Breast» as a dominant bodily reference point in the poetic text of Andrey Bely.....	35
<i>Krotova D.V.</i> The loneliness and tragedy of being in the work of T. Tolstaya.....	45
<i>Koltsova L.M., Dmitrieva I.I.</i> Russian folk traditions in the poetry of Yvdokia Petrovna Rostopchina.....	51
Language and culture studies	
<i>Alexeyev A.B.</i> Peculiarities of the language personality of the politician-as-marginal.....	55
<i>Bobyreva N.N., Zorina A.V.</i> Lexical features of the figure skating media discourse (based on the ISU website news texts).....	64
Intercultural communication	
<i>Bakhtina E.V.</i> Peculiarities of Russian translation of the verb equivalents "die", used in Chinese family narratives.....	70
Concept studies	
<i>Karpenko L.B.</i> Language conceptualization and comparative phraseology (based on Russian and Bulgarian phraseological and paremiological means).....	75
Journalism in historical and theoretical aspect	
<i>Bulgakova A.A.</i> Creating a new world: transmedia storytelling principles in the COVID-19 pandemic news discourse.....	82
<i>Uchaikina E.V.</i> Digital university in Russian language in the context of analogue and digital reality.....	91
<i>Onuprienko K.A.</i> The transformation of traditional television genres on new technological platforms.....	99
Language of mass media	
<i>Nemich N.N.</i> Problems of studying the semantics of the unexpressible in the contemporary newspaper discourse	109
Events and reviews	
<i>Belova A.V.</i> Catalog of correspondence of Anton Pavlovich and Alexander Pavlovich Chechov.....	118
On the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky	
<i>Kondratiev A.S., Merinov K.A.</i> Ivan Khlestakov, Ivan Karamazov and Ivan Homeless: spiritual experience and Christian axiology.....	133
<i>Skuridina S.A., Bugakova N.B.</i> The phenomenology of stone in the literary texts of F.M. Dostoevsky and A. Platonov: cultural and onomastic aspect.....	140
Layout of the articles	147

Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей сорок второй выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» Воронежского государственного технического университета. Выпуск включает работы, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из следующих разделов: *I – «Лингвистика», II – «Методика преподавания языков», III – «Аспекты изучения художественного текста», IV – «Лингвокультурология», V – «Межкультурная коммуникация», VI – «Концептология», VII – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VIII – «Язык СМИ», IX – «События, обзоры, рецензии».* Отдельно представлен раздел «К 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 18 научных работ.

Раздел «Лингвистика» включает статьи, рассматривающие особенности вербализации культурного кода (А.И. Милованова), специфику языковых средств создания образа города (Д.М. Ханнанова). В разделе «Методика преподавания языков» представлены типичные языковые ошибки в курсах дистанционного обучения (К.А. Белоконева), а также исследуются особенности подготовки иностранных специалистов-медиков к поступлению в ординатуру российских вузов на подготовительном курсе РКИ (А.Н. Шехватова). Раздел «Аспекты изучения художественного текста» содержит статьи, рассматривающие соматические доминанты в поэтическом тексте А. Белого (О.Г. Белоконева), проблему одиночества и трагизм бытия в творчестве Т. Толстой (Д.В. Кротова), выявляющие русские фольклорные традиции в поэзии Е.П. Ростопчиной (Л.М. Кольцова, И.И. Дмитриева). Раздел «Лингвокультурология» содержит работы, которые посвящены анализу языковой личности политика (А.Б. Алексеев) и исследованию лексических особенностей медийного дискурса фигурного катания (Н.Н. Бобырева, А.В. Зорина). В разделе «Межкультурная коммуникация» рассматриваются особенности перевода на русский язык эквивалентов глаголов «умереть», используемых в семейных нарративах китайцев (Е.В. Бахтина). В разделе «Концептология» на материале русской и болгарской фразеологии и паремологии представлены основы языковой концептуализации и сопоставительной фразеологии (Л.Б. Карпенко). Раздел «Журналистика в историко-теоретическом аспекте» включает статьи, анализирующие принципы трансмедийного сторителлинга в новостном дискурсе о пандемии COVID-19 (А.А. Булгакова), особенности функционирования цифрового университета в контексте аналоговой и цифровой реальности (Е.В. Учайкина) и трансформации традиционных телевизионных жанров на новых технологических платформах (К.А. Онуприенко). В разделе «Язык СМИ» рассматриваются проблемы изучения семантики невыразимого в современном газетном дискурсе (Н.Н. Немич). В разделе «События, обзоры, рецензии» представлен каталог переписки братьев Чеховых (А.В. Белова). В раздел «К 200-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского» входят сопоставительные работы, посвященные исследованию образов Ивана Хлестакова, Ивана Карамазова и Ивана Бездомного (А.С. Кондратьев, К.А. Меринов) и феноменологии камня в художественных текстах Ф.М. Достоевского и А. Платонова (С.А. Скуридина, Н.Б. Бугакова).

Содержащиеся в выпуске 3(42) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, методики преподавания, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ. Данное издание может быть интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Ковалева Л.В.

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 811.161.1
10.36622/AQMPJ.2021.45.88.003

*Воронежский государственный
технический университет
ассистент кафедры русского языка и меж-
культурной коммуникации
Милованова А.И.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(915)561-74-82
e-mail: imilov19@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
the department of Russian language
and intercultural communication,
assistant
Milovanova A.I.
Russia, Voronezh, tel. +7 (915) 561-74-82
e-mail: imilov19@mail.ru*

А. И. Милованова

КЛЮЧЕВЫЕ ЗООМОРФНЫЕ ОБРАЗЫ КАК НОСИТЕЛИ КОДА КУЛЬТУРЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ, ВЫРАЖАЮЩИХ ЗНАЧЕНИЕ ЧЕРЕЗ НАИМЕНОВАНИЕ НЕРЕАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ

Особую роль в жизни человека играли и продолжают играть представители животного мира, информацию о которых люди передают из поколения в поколение через такие единицы языка, как фразеологизмы. Примером подобной репрезентации в русском языке могут служить фразеологические обороты, выражающие свое значение через наименование нереального явления и содержащие в своей структуре ключевой компонент-зооним, который достаточно часто заключает особый зооморфный код культуры. В рамках данного исследования был проведен анализ основных зооморфных образов, встречающихся во фразеологических единицах (ФЕ), содержащих в своей структуре наименование нереального явления. Методом сплошной выборки были выявлены фразеологизмы, выражающие свое значение через нереальные явления и содержащие в своей структуре компонент-зооним. Методы классификации и аналогии позволили расформировать фразеологические единицы по группам, основным критерием для выделения которых стало употребление определенного зоонима в данных оборотах. Метод числового подсчета помог вычислить наиболее часто встречающиеся компоненты-зоонимы в ФЕ, которые заключают в себе зооморфный код культуры. Результатом исследования стало определение причин частотности употребления таких компонентов-зоонимов во фразеологизмах, как *кураца, свинья, конь, волк, медведь, воробей* и *ворона*, а также выделение основной культурной информации, которую несут данные зооморфные образы, представленные в анализируемых ФЕ. Так, большой фразеологической активностью данные компоненты обладают ввиду постоянного контакта с человеком, местом обитания, а также стереотипизированных и символических представлений об образах данных животных в сознании русского человека.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологическая единица, зооним, компонент, зооморфный образ, национально-культурная специфика, нереальное явление, код культуры.

A.I. Milovanova

MAIN ZOOMORPHIC IMAGES IN PHRASEOLOGICAL UNITS EXPRESSING THE MEANING THROUGH THE UNREAL PHENOMENON

A special role in human life played and continues to play representatives of the animal world, information about which people betray from generation to generation through such units of language as phraseological units. An example of such a representation in the Russian language can serve as phraseological phrases expressing their meaning through an unreal phenomenon and containing in their structure a zoonim component that often encapsulates a particular zoomorphic culture code. In the framework of this study, an analysis was made of the main zoomorphic images found in phraseological units (FE) containing an unreal phenomenon in their structure. The method of continuous sampling revealed phraseological units expressing their meaning through unreal phenomena and containing a zoonim component in

their structure. Methods of classification and analogy allowed to disband phraseological units into groups, the main criterion for the allocation of which was the use of a certain zoonim in these turnover. The method of numerical calculation helped to compute the most frequently encountered zoonym components in the FE. The result of the study was the determination of the causes of the frequency of use of such zoonym components in phraseological units as chicken, wolf, bear, sparrow and crow, as well as highlighting the main cultural information that these zoomorphic images bear in the analyzed FE. So, these components have a great phrasal activity, in view of constant contact with the person, habitat, as well as stereotyped images of the images of these animals in the minds of the Russian people.

Key words: phraseologism, phraseological unit, zoonym, component, zoomorphic image, cultural specific features, unreal phenomenon, code of culture.

Несомненно, во фразеологизмах человек отражает мир, проводит аналогию между различными явлениями и ситуациями, а также вербализует свои наблюдения за природой, окружающей его. Люди, многие века изучая повадки животных, их внешний вид, характер и особенности жизни, в большинстве случаев пытаются выявить общее, отождествляют их с собой, заключая полученную информацию в особых устойчивых единицах языка.

Одним из основных в изучении фразеологического фонда русского языка является вопрос о национально-культурной специфике единиц данного уровня. Так, использование того или иного компонента в структуре ФЕ, содержащих наименование нереального явления, его частотность, символический смысл, который он включает, ассоциацию, которую он вызывает в сознании носителей языка, являются ярким отражением культурного сознания народа-творца. Именно поэтому интересным объектом для изучения становятся фразеологизмы, в которых в формировании наименования нереального явления большую роль играет зооним, что говорит о степени важности данного компонента в структуре оборотов, а также о важности зооморфного образа, заключенного в нем, как носителя кода культуры. В рамках данной работы под *зоонимом* мы понимаем любые наименования животных, включая собственные и нарицательные. Тем не менее, считает важным отметить, что в настоящем исследовании встречаются исключительно нарицательные имена существительные, обозначающие животных и их производные (например, существительные *волк, собака, кошка, медведь*, а также прилагательные *рыбий, крокодиловы, овечий* и др.).

Так, в большинстве подобных фразеологических единиц встречаются известные для русского человека названия животных, так как среда обитания многих представителей животного мира, упоминающихся во фразеологизмах, – средняя полоса России. Таким образом, русский человек, достаточно часто контактируя с данными животными, наблюдая за их жизнью, выделял основные характерные черты, отражая их в языке.

В большинстве ФЕ в формировании наименования нереального явления участвовали животные, которых человек издавна одомашнил: они живут с ним (*кошка, собака: кот заплакал, чушь собачья*), являются пищей (*курица, свинья: когда свиньи будут с поля шагом идти, курам на смех, когда петух яйцо снесет* и др.) или рабочей силой (*конь/кобыла: бред сивой кобылы, когда мерин окобылеет*) и т.д. Например, среди исследуемых ФЕ самым частотным стал зооним *курица: когда курица запоет по-петушиному, курам на смех, убить курицу, несущую золотые яйца* и т.д., так как разведение кур составляет древнейшую отрасль домашнего хозяйства. Образ курицы издавна является символическим: в сознании русского человека она ассоциируется с плодородием (несет яйца), отмечается демоническое начало (использовалась в жертвоприношениях, в ритуалах, являясь существом «переходных» состояний). Несомненно, все это отразилось как в русской культуре (в сказках, в народных песнях, загадках), так и в языке (пословицы, фразеологизмы).

Свинья, как и курица, с давних времен считается домашним животным, что позволило человеку, довольно часто контактируя с ней, отразить во фразеологии характерные в наивно-языковом представлении черты данного животного. Образ свиньи в сознании русского человека построен на контрасте: так, ассоциируясь с нечистоплотностью и наглостью (*свинья грязь найдет, грязный как свинья, посади свинью за стол, она и ноги на стол*), обжорством (*напиться/нажраться как свинья*), невежеством и ограниченностью (*метать бисер перед свиньями, разбираться как свинья в апельсинах, со свинным рылом в калашный ряд*), она является символом плодovitости и материнства (*супоросная свинья*) [1, с. 91].

Неоднозначен и образ коня (кобылы/мерина) в наивно-языковом представлении русского человека. Так, конь одновременно олицетворяет вечного спутника человека (*допрежь думай о лошади, опосля о себе, от хозяйского глаза и конь добреет*), помощника в хозяйстве (*ломовая лошадь, как ло-*

шадь пахать, жир и покой – худшие враги лошади) и незаменимого соратника в бою, но вместе с тем образ коня ассоциируется с мощью (*лошадиная сила*), необузданностью, свободой (*на ретивую лошадь не кнут, а вожжи*), а также наделяется религиозным смыслом (*там, где находится лошадь, там не бывает нечистой силы*). Несмотря на силу, красоту, пользу данного животного, в языке в большинстве случаев прослеживается негативное отношение к нему, в особенности во фразеологизмах, характеризующих человека, когда в обороте присутствует нереальное явление: лошадь наделяется качествами и психофизиологическими способностями человека (*врет как сивый мерин, глуп как сивый мерин, бред сивой кобылы*).

Среди названий лесных обитателей, которые репрезентируются зоонимами в структуре фразеологизмов, выражающих свое значение через нереальное явление, самой частотной стала лексема *волк*: *волчий билет, волчий закон, волк в овечьей шкуре, морской волк* и т.д.

Образ волка архетипичен, в его основе как о животном лежат этнокультурные представления (языческие, религиозные) [2; с. 181]. Так, безусловно, можно говорить о многослойности данного образа в сознании русского человека. В первую очередь волк представляется как опасный хищник, санитар леса, на основании чего ассоциируется с такими качествами характера, как злоба, жестокость, мудрость и глупость. Двойная роль образа волка и в русском фольклоре: он либо наделен мудростью, умеет разговаривать, помогает герою («Сказка об Иване-царевиче, Жар-птице и сером волке»), либо предстает глупым и жадным («Лисичка-сестричка и серый волк»). Важно отметить и то, что ФЕ «волк в овечьей шкуре» происходит из Библии, что также является подтверждением особой символики образа волка не только в русском языке, в русской культуре, но и во всем мире.

Также среди названий лесных обитателей в анализируемых ФЕ встречается зооним *медведь*, образ которого с давних времен неразрывно связан с Россией: *делить шкуру убитого медведя, медведь на ухо наступил*. Как и предыдущие два образа (*курица, волк*), образ медведя символичен, многослоен, тесно связан с культурой русского народа, архетипичен, «поэтому в религиозных воззрениях и в отражающих эти представления фольклорных произведениях медведь может выступать одновременно носителем нескольких соприкасающихся лейтмотивов» [3; с. 269]. Многогранность образа медведя заключаются в его нескольких ипостасях:

- 1) в сказках либо властный и глупый, либо простодушный хозяин леса;
- 2) является образом, связанным с природными явлениями, праздниками, приметами;
- 3) был тотемным животным у северных народов Руси;
- 4) медведь сравнивался с человеком, олицетворял силу, мощь [4; с. 3–7].

В русской культуре значимость данного образа подтверждается большим количеством сказок, песен, литературных произведений с его участием, а также присутствием в картинах знаменитых российских художников и даже в кинематографе. В языке значимость зоонима *медведь* заключается в ее частотном употреблении в структуре фразеологизмов, пословиц и поговорок. Среди зоонимов, заключающих себе орнитологический код, чаще других встречаются *воробей* и *ворон* в структуре русских фразеологических единиц, выражающих свое значение через нереальное явление: *воробьиная ночь, с воробьиный нос, ворона в павлиньих перьях*. Так, для лексемы *воробей* характерны:

- 1) номинация как видового, (воробей водяной – водяной дрозд), так и родового понятий (вороны и воробьи сидели на ветке);
- 2) локализация рядом с человеком;
- 3) антропоморфизм в связи с отношением к данной птице как к части человеческого микрокосмоса;
- 4) как эталон малой величины (данный образ репрезентируется в ФЕ *с воробьиный нос*) [5; с. 132–134].

Образ ворона также достаточно значим в русской культуре, он не менее символичен, чем образ курицы, волка и медведя. Так, к характерным чертам образа данной птицы можно отнести:

- 1) негативную символику, связанную с перьевым окрасом и громким криком птицы (выражение *черный ворон*, как и *серый волк*, стало устойчивым);
- 2) мотивы хищности, кровожадности, смерти;
- 3) посредничество между тремя мирами (небо, земля и подземное царство);
- 4) способность предсказывать будущее [6; с. 534, 536], [7; с. 124–126], [8; с. 245].

Все вышеперечисленные мотивы находят воплощение в русском языке (в структуре ФЕ, пословиц, поговорок), в народном творчестве (сказки, песни, басни, загадки), а также в литературных произведениях русских писателей и поэтов.

В рамках данного исследования названия животных, естественное место обитания которых выходит за границы нашей страны, встретились лишь в двух фразеологических единицах *светский лев* и *крокодиловы слезы*. Зоонимы *лев* и *крокодил* достаточно редко встречаются среди единиц фразеологического фонда русского языка, что служит свидетельством того, что большей фразеобразовательной активностью обладают названия животных, издавна обитающих рядом с русским человеком, а также участвуют в формировании нереального явления в структуре ФЕ благодаря наделению качеств, психофизиологических и физических возможностей, свойственных человеку.

Библиографический список

1. Томова У.А. Об особенностях наименования свиньи в сказках (по сборнику русских народных сказок А.Н. Афанасьева, с привлечением немецких сказок) // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». №1. 2010. М.: Изд-во МГОУ. С. 89–92.
2. Хазанкович Ю. Г. Архетип «волка» в фольклоре и литературе // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. Филология. Тамбов: Изд-во «Грамота», 2009. №. 4 (72). С. 177–183.
3. Кошкарлова Ю. А. Концепции образа медведя в русской ментальности // Теория и практика общественного развития. 2010. № 2. С. 266–270.
4. Ханджани Л., Паям Б. Образ медведя в русской и персидской культуре и литературе // Филологические науки в России и за рубежом: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2016 г.). СПб.: Свое издательство, 2016. С. 3-7.
5. Чернышова Л. Орнитологический код во фразеологии // Филология. 2007. № 12. С. 132-138.
6. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
7. Тропкина Н.Е., Хань У. Образ ворона в китайской и русской поэзии // Известия Волгоградского ГПУ. Актуальные проблемы литературоведения. 2014. № 7. С. 124–129.
8. Мелетинский Е.М. Ворон // Мифы народов мира: энцикл.: в 2 Т.. М.: Сов. энцикл., 1987. Т. 1. 671 с.

References

1. Tomova U.A. On the peculiarities of the name of a pig in fairy tales (on the collection of Russian folk tales of AN Afanasyev, with the involvement of German fairy tales) // Vestnik MGOU. Series "Russian Philology". №1. 2010. Moscow: Publishing house MGOU. P. 89–92.
2. Khazankovich Y. G. Archetype of the "wolf" in folklore and literature // Bulletin of TSU. Series: The humanities. Philology. Tambov: Publishing House "Literacy", 2009. №. 4 (72). P. 177–183.
3. Koshkarova Yu. A. The concept of the bear's image in the Russian mentality // Theory and practice of social development. 2010. №2. P. 266–270.
4. Khandjani L., Payam B. The image of a bear in Russian and Persian culture and literature // Philological sciences in Russia and abroad: materials IV Intern. scin. Conf. (St. Petersburg, December 2016). SPb.: Its publishing house, 2016. P. 3–7.
5. Chernyshova L. Ornithological code in phraseology // Philology. 2007. №12. P. 132–138.
6. Gura A.V. Symbols of animals in the Slavic folk tradition. M.: Indrik, 1997. 912 p.
7. Tropkina N. E., U Han. The image of a crow in Chinese and Russian poetry // Izvestia Volgogradskogo SPU. Actual problems of literary criticism. 2014. № 7. P. 124–129.
8. Meletinsky E. M. Raven // Myths of the peoples of the world: encycl.: in 2 T.. M.: Sov. encycl., 1987. Vol. 1. 671 p.

УДК 811.1

10.36622/AQMPJ.2021.69.65.004

*Казанский инновационный университет
им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП),
филиал в г. Альметьевск
доцент кафедры иностранных языков
и перевода, кандидат филологических наук
Ханнанова Д.М.
Россия, г. Альметьевск,
тел. +79872609310
e-mail: val_dina@mail.ru*

*Kazan Innovative University named after
V.G. Timiryasov (IEMU), branch in Almet'yevsk
The chair of Foreign Languages and Translation,
PhD, Associate Professor*

*Khannanova D.M.
Russia, Almet'yevsk,
tel. +79872609310
e-mail: val_dina@mail.ru*

Д.М. Ханнанова

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ЛОНДОНА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ КИНОДИСКУРСЕ

Статья посвящена исследованию языковых средств, которые служат основой для формирования образа Лондона в англоязычном кинодискурсе. Анализ лингвистического аспекта кинообраза города проводится на материале художественного фильма Гая Ричи «Шерлок Холмс» („Sherlock Holmes“, 2009) в трех направлениях – понятийном, ассоциативном, ценностно-оценочном и заключается в обращении к семантике реплик киногероев, которые непосредственным или косвенным образом предоставляют реципиенту самую разнообразную информацию о столице Великобритании. В ходе исследования было установлено, что представление о Лондоне в рассматриваемом кинодискурсе сформировано, в первую очередь, знаниями о городе – его значимых локациях и объектах, а также сведениями об образе жизни людей, затрагивающем все значимые сферы жизнедеятельности обитателей города в эпоху правления королевы Виктории. В связи с этим в кинодиалогах широко представлена топонимическая лексика, а также лексика, отражающая жизненный уклад его жителей в таких областях деятельности, как экономика, наука, искусство, образование, медицина, политика и безопасность. Понятийный компонент сосуществует с ассоциативными и символическими характеристиками города, заключенными в метафорах лабиринтного пространства и живого организма. Доминантным компонентом создания портрета Лондона является ценностно-оценочная составляющая, которая представлена двумя полярными позициями – город как благоприятное место для жизни человека и как место неблагоприятное, враждебное для его существования. Благоприятные и неблагоприятные черты Лондона вербализованы в речи как лексемами с положительной или отрицательной коннотацией, так и путем детализации описания указанных сфер жизни города.

Ключевые слова: языковые средства, англоязычный кинодискурс, образ, кинотекст, кинодиалог, семантика

D.M. Khannanova

LANGUAGE MEANS OF CREATING AN IMAGE OF LONDON IN THE ENGLISH FILM DISCOURSE

The article is devoted to the study of the linguistic means that serve as the basis for the formation of the image of London in the English-language film discourse. The analysis of the linguistic aspect of the film image of the city is based on the material of Guy Ritchie's feature film "Sherlock Holmes" (2009) and carried out in three directions – conceptual, associative, value-evaluative and consists in addressing the semantics of the film characters' replicas, which directly or indirectly provide the recipient with a wide variety of information about the capital of Great Britain. In the course of the study, it was found that the idea of London in the considered film discourse is formed, first of all, by knowledge about the city – its significant locations and objects, as well as the way of life of people during the reign of Queen Victoria, affecting all significant spheres of life of the inhabitants of the city. In this regard, toponymical vocabulary is widely represented in film dialogs, as well as vocabulary that reflects the way of life of its inhabitants in such areas of activity as economy, science, art, education, medicine, politics and security. The conceptual component coexists with the associative and symbolic characteristics of the city, contained in the metaphors of the labyrinth space and the living organism. The dominant component of creating a portrait of London is the value-evaluative component, which is represented by two polar positions – the city as a favorable place for human life and as a place unfavorable,

hostile to his existence. The favorable and unfavorable features of London are verbalized in speech both by lexemes with positive or negative connotations, and by detailing the specified areas of the city's life.

Key words: language means, English-language film discourse, image, film text, film dialogue, semantics

Обращение к изображению Лондона как национального символа Великобритании, где вершится история британского народа, отображается политическая, экономическая, культурная и социальная жизнь страны, имеет в искусстве давнюю традицию. Особенно часто к выбору Лондона как места для разворачивающегося действия и раскрытия характеров своих героев прибегали писатели, например, такие как Ч. Диккенс, Р.Л. Стивенсон, Дж. Голсуорси, М. Твен, О. Уайлд, П. Акройд и другие, поскольку в этом городе можно найти «все то, что нужно для создания сложного и интригующего литературного сюжета: прошлое и настоящее, богатство и нищету, закон и преступление, шум и тишину, разноликость, мистику, красоту, романтику» [1; с. 165]. Многие литературные произведения получили свое воплощение на экране как в отечественном, так и зарубежном кинематографе, что позволило визуализировать словесное описание разнообразного и противоречивого феномена столицы Великобритании и представить образ города в соответствии с замыслом уже коллективного автора.

Специфика киноязыка ввиду лидирующих позиций киноискусства среди современных коммуникативных систем по степени влияния на формирование мировоззренческих установок в сознании зрителя в последнее время все чаще становится объектом исследования многих наук, в том числе и лингвистики. Анализу кинофильмов с лингвистической точки зрения посвящено множество работ (А.Н. Зарецкая, Ю.М. Лотман, Г.Г. Слышкин, М.А. Ефремова, Ю.Г. Цивьян [2-6]). Лингвистические исследования киноязыка, как правило, проводятся в рамках понятия кинодискурса, когда вербальная составляющая изучается «в совокупности с невербальными компонентами – аудиовизуальным рядом этого фильма и другими значимыми для смысловой завершенности этого фильма экстралингвистическими факторами» [2; с. 32]. Невербальный компонент «стремительно превращается из вторичного подчиненного источника информации в равноправный компонент текста, не уступающий по значению словесному ряду» [5; с. 4], что, несомненно, отражается на функционировании последнего. В связи с этим изучение кинообраза как объекта, обладающего креолизованной природой, имеет большой потенциал для исследования реализации языковых средств его воплощения, а именно модифицированных способов языковой передачи информации. В этом видится актуальность предпринятого анализа.

Новизна работы заключается в том, что анализ проводится на ранее не изученном кинематографическом материале и сосредоточен исключительно на лингвистической стороне кинодискурса.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в изучение средств создания образа одной из самых известных мировых столиц, представляющей высокую значимость для мировой культуры, а также способствует развитию таких направлений современной науки, как теория дискурса, лингвокультурология и межкультурная коммуникация. *Результаты проведенного анализа могут найти свое применение в теоретических и практических курсах при подготовке специалистов филологических специальностей. Исследование проводилось с использованием методов описания, наблюдения и интерпретации.*

Целью настоящей статьи является обнаружение и анализ языковых средств, служащих для создания и представления кинематографического образа Лондона в англоязычном кинодискурсе на основе одной из экранизаций рассказов о приключениях Шерлока Холмса и доктора Ватсона известного английского писателя Артура Конан Дойля – детективного боевика «Шерлок Холмс», снятого в 2009 году британским кинорежиссером Гаем Ричи.

Поскольку вербальная сторона кинообраза формируется на основе кинотекста (диалоги, реплики, закадровая речь, различного рода надписи), который базируется на одном из основных структурных составляющих кинодискурса – киносценарии [7], основанном, как правило, на материале художественного произведения, возможно предположить, что кинематографический образ будет иметь много общего с образом, созданным писателем: «кинообраз складывается из тех же составляющих, что и литературный образ: портрет, поступки, авторские комментарии, характеристики речи (монолог, диалог), мир вещей, интерьер, пейзаж, внесюжетные элементы (сны, лирические отступления автора, вставные конструкции)» [8; с. 13]. Разница в средствах создания литературного и кинематографического образов заключается в том, что, во-первых, на экране литературный образ подвергается преобразованию и воплощается в соответствии с идеей и видением коллективного автора – сценариста, режиссера, актеров и других участников съемочного процесса, во-вторых, часть компонентов авторского описания в кинодискурсе переходит в невербальную область, функционирующую либо

самостоятельно, либо в совокупности с языковой реализацией. В отношении создания языкового портрета города следует указать также на то, что в кинодискурсе он будет складываться преимущественно не прямым, а опосредованным способом, то есть на основе содержания кинодиалогов киноперсонажей.

Пользуясь методикой А.И. Тарасовой, раскрывающей многослойную структуру художественного концепта [9], кинообраз Лондона также возможно рассматривать в нескольких измерениях: понятийном, ассоциативном и ценностно-оценочном, каждое из которых находит в кинотексте названного фильма свое языковое выражение.

Так, понятийный компонент экранного образа Лондона отражает «результат первичной категоризации мира человеком» [1; с. 166]. Он включает в себя, прежде всего, звучащие в речи героев предметные реалии, связанные с ономастическими единицами, к которым относятся топонимические объекты столицы, это прямая номинация – ойконим *London*, наименования известных городских объектов – урбанонимы и гидронимы: *Scotland Yard, St. James square, Cavendish Place, Queenspark, Woolidge Arsenal, Limehouse Chemical Works, Queenshithe Slaughterhouse, Northwest corner of St. James square, Parlament, the Thames* и др, а также вербализованную топонимическую информацию в виде появляющихся в кадре табличек с названиями улиц и учреждений, вывесок магазинов, заголовков в газетах *Baker Street N. W., Maddison and Haig, London in Terror, Royal Hospital for Veterans* и др. Ономастические единицы идентифицируют физическое пространство разворачивающегося действия, называют значимые для столицы викторианской Великобритании локации.

Ассоциативный компонент образа столицы опирается на символические характеристики города, то есть «те представления и ассоциации, которые возникают у индивида в связи с данным концептом» [там же]. Эта сторона представлена в кинотексте единицами признаковой номинации, в том числе метафорами, характеризующими столицу конца XIX века. Так, в отношении Лондона, как известно, в культуре существует две основные концептуальные метафоры, которые присущи и анализируемому фильму: «Лондон – живой организм» и «Лондон – лабиринт» [1; с. 167]. В первом метафорическом соотношении в языковом выражении наиболее яркое отражение находят такие признаки столицы, как динамичность, связанная с возможностью передвигаться по городу и за его пределами не только в кэбах, но и по главной водной артерии города – реке Темзе и железной дороге: “*She could sit on your back and paddle you up the Thames*” [10]; “*I’m taking you, to either the railway station or the police station*” [10]; “*Will the train be departing on time? The trains been delayed, madam. Shouldn’t be long now though. The train will depart when I tell it too*” [10]. Признаки густонаселенности и шума большей частью репрезентируются в экстралингвистическом контексте. О Лондоне как о живом организме свидетельствует и его персонификация посредством использования глаголов с соответствующим значением, например, Лондон воспринимается как существо, способное дышать и вздыхать от облегчения: “*London will breathe a sigh of relief*” [10], и источающее разного рода запахи: “*I smell gunpowder. The faintest smell of almonds, tell-tale traces of cyanide*” [10].

Другая метафора «Лондон – лабиринт» говорит о том, что уже в Викторианскую эпоху столица была довольно крупным городом и имела разветвленную систему улиц, где можно было легко заблудиться, потеряться или запутать следы, что, безусловно, играло на руку преступному миру. Вспомним эпизод похищения Холмса членами оккультного Ордена Четырех Храмов, когда знаменитый сыщик не мог наблюдать, каким маршрутом его доставили в штаб-квартиру организации, но который он с легкостью восстанавливает по запахам и ощущениям: “*I was admittedly lost for a moment between Charing Cross and Holborn. But I was saved by the bread shop on Saffron Hill. The only baker to use a certain French glaze on their loaves. A Brittany sage. After that the carriage forked left and right, a telltale bump at the Fleet Conduit*” [10]. Как видим, при описании пути перечисление топонимических объектов – названий улиц и районов, перемежается с использованием пассивных конструкций со значением незнания дороги “*I was admittedly lost, I was saved*” [10], обозначениями временной хронологии и направления движения “*After that the carriage forked left and right*” [10].

Наиболее многочисленную и многообразную вербализацию в кинодискурсе фильма имеет ценностно-оценочная составляющая, которую представляют не-ономастические реалии, репрезентирующие в образе столицы социальное пространство города, и которая включает в себя две позиции – «Лондон как благоприятное место» и «Лондон как опасное и враждебное место» для человека [1; с. 167]. Это связано с тем, что в фильме, как и в произведениях А.К. Дойля, действие происходит в Лондоне Викторианской эпохи, о чем свидетельствуют слова инспектора Лейстрейда “*I’ll have you in*

there playing Victoria and Albert” [10], восклицания жителей города “*God, save the Queen*” [10], выбитая револьверными пулями на стене комнаты Холмса патриотическая аббревиатура “«*V.R.*» (*Victoria Regina*)” [10]. С одной стороны, викторианская Англия – это уютный и обустроенный мир с каминами, деревянными лестницами, кэбами, роскошными ресторанами и отелями, театрами и прочим, что считается неизменными атрибутами аристократического Лондона того времени. Об этом мы узнаем из диалога, когда Ватсон приглашает Холмса в ресторан для знакомства со своей невестой Мэри: “*Are you free this evening? - Absolutely. - Dinner? - Wonderful. - The Royal? - My favorite. Eight thirty, the Royale, Wear a jacket. - You wear a jacket*” [10] или, когда Холмс приглашает Ватсона в оперу: *Did you know the opera house is featuring “Don Giovanni”? I could easily procure a couple of tickets if you had any cultural inclinations this evening*” [10]. В этой части анализа мы сталкиваемся с таким понятием как «английскость», которое «включает национальный менталитет англичан, выражает концепт «английского» как совокупность разнообразных культурных составляющих, формирующих национальную уникальность и идентичность англичан» [11; с. 39]. Помимо упомянутой выше любви к светскому времяпрепровождению, «английскость» в атмосфере Викторианского Лондона проявляется в многочисленных репликах, звучащих из уст разных киногероев с предложением попить чай, что свидетельствует о популярности известной английской традиции чаепития, очень быстро прижившейся в Лондоне в то время среди аристократов и людей среднего класса: “*Perhaps a nice cup of tea?*” [10]; “*Thought we might have a little tea party*” [10]; “*Taking tea with the in-laws*” [10]; “*Why I ever believed that I would get to have tea with Mary’s parents?*” [10]. Показательным в отношении «английскости» является также монолог Холмса, знакомящий нас со сферой частного образования, когда мы узнаем, что во время правления королевы Виктории богатые семьи могли позволить себе обучение своих детей на дому. Для этого нанимались гувернантки и, как правило, это были женщины с хорошим образованием, принадлежавшие к среднему классу, но в силу обстоятельств оставшиеся без средств и за ответственное отношение к работе, терпение получавшие поощрение от хозяйки, как в данном случае – возможность поносить ожерелье из драгоценных камней: “*You’re a governess. Your student is a boy of 8. Charlie, huh? Then he’s tall for his age. He flicked ink at you today. There are two drops on your ear in fact. India blue’s nearly impossible to wash off. Anyway a very impetuous act by the boy. But you’re too experienced to react rashly... which is why the lady for whom you work lent you that necklace. Oriental pearls, diamonds, a flawless ruby. Hardly the gems of a governess*” [10]. Из этой же цитаты мы узнаем о трудно смываемых с лица пятнах синих чернил, которыми писали в состоятельных домах и которые привозились из Индии – страны, являющейся в то время колонией Великобритании. «Самая явная категория, вошедшая в понятие «английскости», – деление на классы и титулы» [11; с. 40]. Наличие титула «имеет огромное значение для англичан» [11; с. 40], в речи киногероев отмечается несколько обозначений обращений и титулов, принятых в разных контекстах. К титулованным мужчинам находим обращения *Sir, Lord*: “*I’m Ambassador Standish of America and Lord Coward, the home secretary*” [10]; “*It’s Lord Blackwood, sir*” [10]; “*I do have a parting query, Sir Thomas*” [10]. Сюда же можно отнести и обращение *gentlemen*, которое изначально обозначало мужчину благородного происхождения и было базовым определением аристократа, но впоследствии стало «называть образованного и воспитанного мужчину, почтенного и уравновешенного, чопорного и невозмутимого» [12]: “*I dare say we have the right man, gentlemen*” [10]. К представителям низшего и среднего классов, не имеющих титулов, обращаются как *Mr., Mrs., Ms.* [11; с. 40]: “*But Mr. Holmes here, he’s been making some serious accusations about you and The Order*” [10]. Английскость выражена также путем обращения к творчеству Шекспира, когда Холмс и Ватсон в предвкушении увлекательного расследования произносят слова из его пьесы «Король Генрих»: “*Follow your spirit and upon this charge, cry god for Harry, England and St. George*” [10], которые, в свою очередь, опираются на боевой клич воюющих англичан с упоминанием покровителя Англии – Святого Георгия. Благополучие Лондона связано и с работой социальных служб и учреждений. Так, например, фразы из уст Холмса и Ватсона о том, что спасенную ими от ритуального жертвоприношения девушку, необходимо срочно доставить в госпиталь: “*This woman needs a hospital immediately. Put her in the back of the maria*” [10] свидетельствуют о существовании в городе больниц, лечение в которых было доступно лишь англичанам с деньгами: “*Besides, the girl’s parents hired me, not the Yard*” [10]. На страже интересов жителей города находилась также полиция, в задачи которой входило наведение и поддержание порядка и во главе которой стоял инспектор, раскрывающий сложные дела в связке с сыщиком, в произведениях А.К. Дойля с Холмсом, как мы помним, это был инспектор Лестрейд: “*Congratulations, Lestrade. Bravo, Inspector*” [10]. Однако работа

полицейской не всегда была оперативна и эффективна, о чем и высказывались Холмс с Ватсоном всякий раз, оказавшись на месте преступления, откровенно подшучивая и иронизируя над нерасторопностью и глупостью полицейских: *“Where’s the Inspector? – He’s getting his troops lined up. – That could be all day”* [10]; *“Sir, Inspector Lestrade asks that you come with me at once. – What’s he done now, lost his way to Scotland Yard? Watson, grab a compass”* [10]; *“Your boys have done an excellent job at obliterating any potential evidence. – Yes, but they never miss an opportunity to miss an opportunity”* [10]; *“Lestrade, what of the coffin? – We are in the process of bringing it up. – I see. Hm. Right. At what stage of the process? Contemplative?”* [10].

Лондон как неблагоприятное пространство для человека вербализован в фильме промозглым, мрачным и унылым средневековым городом *“London’s so bleak this time of year”* [10], с грязными ухабистыми улицами и закоулками: *a telltale bump at the Fleet Conduit*, пригодными для всякого рода безобразий, разгула воров и бандитов, снующих повсюду нищих, попрошаек и гадалок: *“Hello, gorgeous. You got something for me?”* [10]; *“Oh she turns fat and has a beard. And what of the warts? Oh. She’s covered in warts”* [10].

Сюда же относятся и распространенные в то время боксерские поединки, напоминающие бои без правил, и уличные драки, которые предваряются внутренними монологами Холмса. Их содержание свидетельствует о высоком уровне изученности анатомии и физиологии человека в то время: *“First, distract target hen block his blind jab. Counter with cross to left cheek. Discombobulate. Dazed, he’ll attempt wild haymaker. Employ elbow block, and body shot. Block feral left. Weaken right jaw. Now fracture. Break cracked ribs. Traumatize so! Ar plexus. Dislocate jaw entirely. Heel kick to diaphragm. In summary, ears ringing, jaw fractured, three ribs cracked, four broken diaphragm hemorrhaging. Physical recovery: six weeks. Full psychological recovery: six months. Capacity to spit at back of head neutralized”* [10]. Хорошие знания физиологии и генетики демонстрирует Холмс и при установлении родства между главой оккультного Ордена и убийцей – лордом Блэквудом: *“Blackwood is your son. You have the same irises, a rare dark green, the diamond shaped hazel flex together with identical outer ears or pinner, which are only past down through direct blood line which makes by necessity either brothers or in this case, more likely father and son”* [10].

Подпольные преступные организации, одной из которых является вышеупомянутый Храм Четырех Орденов, действующий в высших слоях общества и парламенте, также родом из Викторианского Лондона: *“Judging by the sacred ox on your ring. You’re the secret head of the Temple of the Four Orders in who’s headquarters we now sit”* [10]. Его мистические практики обставлялись наподобие театрализованных представлений как, например, обряд жертвоприношения в начале фильма, который предотвращают полиция и сыщик совместными усилиями: *“I re-enacted the ceremony we interrupted at the crypt”* [10]; *“He has a peculiar effect on the inmates. As though, he can get inside their heads. Lord Henry Blackwood, you are sentenced to death for the practice of black magic the unholy murder of five innocent young women and an attempted murder of a sixth”* [10]; *“Blackwood’s method is based on a ritualistic mystical system that’s been employed by the Temple of the Four Orders for centuries”* [10], возгорание американского посла Стэндиша, представленное как возмездие за непокорность и несогласие с идеями лорда, на самом деле явившееся результатом попадания искры на плащ, пропитанный химическим составом, специально пролитым в виде дождя, при спуске курка: *“The death of Standish was a real mystery until you used the same compound, to blow up the wharf. An odourless, tasteless flammable liquid yet it burned with an unusual pink issue. Did Standish mistake it for rain as he entered the temple. All it took was a spark”* [10] или приготовленное противоядие, которое выпили сторонники политики лорда и тем самым спаслись от газового удушения, что должно было заставить поверить всех в справедливость высших сил: *“They didn’t know that you’d given them the antidote. Instead they would have believed it was magic and that you’d harnessed the ultimate power”* [10]. Таким образом, обратной стороной одержимости рациональностью становится ее полная противоположность – иррациональность, мистицизм, ощущение зыбкости вроде бы основательного бытия, что позволяет характеризовать Викторианское общество как общество театра и представления. В мире, где так озабочены приличиями, где за каждой дверцей что-то таится, ничто не является тем, чем кажется [13].

К плодам Викторианской эпохи, имеющим как созидательную, так и разрушительную силу, можно отнести и технологическую лихорадку, царившую по всей стране и особенно в Лондоне, когда были осуществлены десятки научных и технологических открытий. Вот и Шерлок Холмс занимается не только розыскной деятельностью, но и проводит лабораторные эксперименты, что, безусловно,

помогает ему при поимке преступников. Речь Холмса и Ватсона изобилует научными и медицинскими терминами, названиями химических веществ и растительных компонентов: *“Watson, I am in the process of inventing a device that suppresses the sound of a gunshot”* [10]; *“What have you done to Gladstone now? – I was simply testing a new anesthetic”* [10]; *“What started merely as an experiment has brought me to the threshold of monumental discovery. Now if I play, chromatic scale there’s no measurable response. But now, and this is remarkable if I change to atonal clusters. Voila! They fly in counter-clockwise, synchronized concentric circles. As though a regimented flock. Watson this is exceptional. I, using musical theory, have created order out from chaos”* [10]; *“You do know, what you’re drinking is meant for eye surgery”* [10]; *“Potassium and magnesium. Sulfafitric acid. Try to take the ion out of the ink as long as it’s not too burnt. Peculiar. Hydrated rhododendron”* [10]. С другой стороны, имеют место и смертоносные изобретения, к которым относятся новые виды оружия, использующиеся на улицах города наряду с уже привычными пистолетами: *“These components appear to be designed to receive a signal of some sort. Electromagnetic waves? When triggered, the electrodes will send a charge converting the chemical into gas and the gas will travel up that shaft and filter through the ventilation system that leads directly to parliament”* [10]; *“An ancient Egyptian recipe, I believe. A mixture of egg and honey, besides it’d be washed away by the rain. Very clever of Reordan to find a paralytic that was activated by the combination of copper and water”* [10]; *“A chemical weapon, distilled from cyanide and refined in the bellies of swine. It’s a chemical weapon”* [10]; *“Permission to enter the armoury”* [10]; *“A simple rigged bullet in his gun”* [10].

В дискурсе анализируемого фильма Лондон предстает перед нами также в субобразе промышленного титана, относящегося, в первую очередь, к процессам индустриализации страны. Так, проезжая мимо строящегося Тауэрского моста, Холмс обращается к Ватсону со словами гордости за свою страну, занимающую передовые позиции в мировой экономике: *“Look at those towering structures. It’s the first combination of bascule and suspension bridge ever attempted. Most innovative. What an industrious empire. Звучащие названия фабрик и заводов: Woolidge Arsenal. Lime house Chemical Works. Probably be a factory by the river”* [10], упоминание о Темзе как одной из основных транспортных магистралей города: *“Holmes, are you sure that there is no alternative means of water transportation, than that. I guarantee you nobody knows London’s waterways better”* [10] и о рабочих, занятых в угольной отрасли: *“It’s not a butcher. Let me see. Yellow Flame. Green bursts. An industrial worker. Coal. River silt”* [10]; *“More coal, doctor!”* [10] свидетельствуют о бурном развитии промышленности в городе. Как видим, Викторианский Лондон в речи персонажей раскрывается в облике маргинала, находящегося на стыке различных социальных групп и классов, систем, культур, промышленных революций и испытывающего влияние противоречащих друг другу норм и ценностей. Лондон существовал одной ногой еще в средневековье, а другой – в близкой нам современной эпохе. Лондон был одновременно прекрасен и ужасен [13].

Итак, проведенный анализ показал, что языковой портрет Лондона имеет «мозаичную» структуру и складывается из номинативного компонента, метафор и ассоциативных представлений, сосуществующих и накладывающихся друг на друга, что находит свое выражение, прежде всего, на лексическом уровне кинотекста. Образ города репрезентируется посредством речевого взаимодействия киногероев, с использованием топонимов, терминов, разговорно-бытовой, специальной, профессиональной и оценочной лексики, отражающей атмосферу городского пространства и затрагивающей все важные для его обитателей той эпохи сферы жизнедеятельности.

Библиографический список

1. Питолина Н.В. Лондон в художественной картине Артура Конан Дойля // Серия «Социально-гуманитарные науки». № 3. 2016. С. 165-170.
2. Зарецкая А.Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе. Монография. Челябинск: Абрис, 2012. 192 с.
3. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973. 140 с.
4. Слышкин Г.Г., Ефремова М. А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.
5. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000. 125 с.

6. Цивьян Ю.Г. К метасемиотическому описанию повествования в кинематографе: труды по знаковым системам. Тарту: Тартуский ун-т, 1984. Вып. 17. 109 с.
7. Духовная Т.В. Структурные составляющие кинодискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1 (43), ч. 1. 2015. С. 64-66.
8. Соколова Е.К. Литературный художественный образ и кинообраз: Проблема соотношения и взаимовлияния: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 18 с.
9. Тарасова И.А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте: монография М.: Флинта, 2017. 196 с.
10. Sherlock Holmes Script – Dialogue Transcript // URL: http://www.script-orama.com/movie_scripts/s/sherlock-holmes-script-transcript.html (дата обращения 11.01.2021).
11. Аршинова Е.О. Способы выражения английскости в кинодискурсе (на примере телесериала «Аббатство Даунтон») / Вестник Курганского государственного университета. 2019. № 1 (52). С. 38-41.
12. Джентльмен // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Джентльмен> (дата обращения 15.01.2021).
13. Блеск и нищета Викторианского Лондона // URL: <https://zen.yandex.ru/media/unpopularopinion/blesk-i-nisceta-viktorianskogo-londona-5d3fda2b32335400adf1f148> (дата обращения 16.01.2021).

References

1. Pitolina N. V. London in the author's picture of the world of Arthur Conan Doyle // Series "Social and humanitarian sciences". № 3. 2016. P. 165-170.
2. Zaretskaya A. N. Features of the implementation of subtext in the film discourse. Monography. Chelyabinsk: Abris, 2012. 192 p.
3. Lotman Y. M. Semiotics of cinema and problems of cinema aesthetics. Tallinn: Eesti Raamat, 1973. 140 p.
4. Slyshkin G. G., Efremova M. A. Filmtext (experience of linguoculturological analysis). Moscow: Vodoley Publishers, 2004. 153 p.
5. Slyshkin G. G. From text to symbol: linguocultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse. Moscow, 2000. 125 p.
6. Tsivyan Y. G. To the metasemiotic description of narration in cinema: works on sign systems. Tartu: University of Tartu, 1984. Vol. 17. 109 p.
7. Dukhovnaya T. V. Structural components of film discourse // Philological sciences. Questions of theory and practice. № 1 (43). Part 1. 2015. P. 64-66.
8. Sokolova E. K. Literary artistic image and film image: The problem of correlation and mutual influence: autoabstract diss. ... cand. of philol. sciences. M., 2013. 18 p.
9. Tarasova I. A. Poetic idiostyle in the cognitive aspect: monography. M.: Flint, 2017. 196 p.
10. Sherlock Holmes Script – Dialogue Transcript // URL: http://www.script-orama.com/movie_scripts/s/sherlock-holmes-script-transcript.html (Date of access – 10.01.2021).
11. Arshinova E. O. Ways of expressing Englishness in film discourse (on the example of the TV series "Downton Abbey") / Bulletin of the Kurgan State University. 2019. № 1 (52). P. 38-41.
12. Gentleman // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Джентльмен> (Date of access – 15.01.2021).
13. The glitz and misery of Victorian London // URL: <https://zen.yandex.ru/media/unpopularopinion/blesk-i-nisceta-viktorianskogo-londona-5d3fda2b32335400adf1f148> (Date of access – 16.01.2021).

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODS OF TEACHING LANGUAGES

УДК 81.271.1
10.36622/AQMPJ.2021.68.32.005

*Волгоградская академия МВД
кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры русского языка
Белоконева К.А.
Россия, г. Волгоград, +79050611527,
e-mail: belokoneva.ka@gmail.com*

*Volgograd Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
PhD, teacher of the department of russian language
Belokoneva K. A.
Russia, Volgograd, +79050611527,
e-mail: belokoneva.ka@gmail.com*

К.А. Белоконева

ТИПИЧНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ОШИБКИ В КУРСАХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

В статье рассматриваются типичные языковые ошибки, которые допускают авторы при разработке сценариев курсов дистанционного обучения. В связи с массовым переходом на онлайн-обучение вопрос качества курсов становится очень актуальным, образовательные учреждения стремятся к тому, чтобы качество дистанционного обучения не уступало традиционному очному. Цель работы – анализ ошибок в курсах дистанционного обучения. Исследование проводилось на материале курсов, связанных с изучением процессов, которые происходят в российском бизнесе сегодня, тексты для анализа отбирались методом сплошной выборки. Установлено, что такие экстралингвистические факторы, как сжатые сроки сдачи проектов, не всегда высокий уровень грамотности экспертов, а также отсутствие в команде разработчиков корректора, обуславливают появление ошибок в текстах сценариев. За основу классификации ошибок взята типология, связывающая вид ошибки с нарушением определенной нормы языка. Проанализированы орфографические, грамматические, пунктуационные и речевые ошибки, которые чаще всего встречаются в текстах курсов дистанционного обучения, и рассмотрены возможные причины появления языковых ошибок, главной из которых является пренебрежение нормами языка. В работе делается вывод о необходимости уделять больше внимания корректуре текста, так как каждая ошибка отвлекает внимание слушателя и снижает его доверие к разработчику. В конце статьи даны рекомендации по сокращению количества ошибок в курсах дистанционного обучения. Материалы исследования могут быть применены при разработке курсов для онлайн-обучения как в государственных, так и в коммерческих организациях.

Ключевые слова: онлайн-обучение, курсы дистанционного обучения, корректура текста, типичные языковые ошибки, нарушение норм языка.

К.А. Belokoneva

TYPICAL LANGUAGE ERRORS IN DISTANCE LEARNING COURSES

The article discusses the typical language mistakes that authors make when developing scripts for distance learning courses. In connection with the massive transition to online learning, the issue of the quality of courses is becoming very relevant, educational institutions strive to ensure that the quality of distance learning is not inferior to traditional full-time education. The purpose of the work is to analyze errors in distance learning courses. The research was conducted on the basis of courses related to the study of the processes that occur in Russian business today, the texts for analysis were selected by the method of continuous sampling. It has been established that such extralinguistic factors as tight deadlines for project delivery, not always a high level of expert literacy, as well as the absence of a proofreader in the development team cause errors in script texts. The classification of errors is based on the typology, which connects the type of error with a violation of a certain language norm. Spelling, grammatical, punctuation and speech errors, which are most often found in the texts of distance learning courses, are analyzed, and possible reasons for the appearance of language errors are considered, the main one of which is neglect of language norms. The work proves the need

to pay more attention to the proofreading of the text, since each mistake distracts the listener's attention and reduces his trust in the developer. At the end of the article, recommendations are given for reducing the number of errors in distance learning courses. The research materials can be applied in the development of courses for online learning in both government and commercial organizations.

Keywords: online learning, distance learning courses, proofreading, typical language errors, violation of language norms.

В настоящее время заочное обучение с использованием компьютерных технологий приобрело особую актуальность: слушатели могут осваивать новые знания в удобное время без отрыва от основной деятельности; получать знания можно в любом месте; обучение не требует присутствия преподавателя; количество учащихся не ограничено. По данным РИА НОВОСТИ, за последние несколько лет более одного миллиона жителей России прошли онлайн-курсы на зарубежных и отечественных платформах, и количество вовлеченных в процесс онлайн-обучения продолжает расти [1, с. 9]. В связи с этим образовательные учреждения стремятся к тому, чтобы качество дистанционного обучения не уступало традиционному очному.

Практика работы с текстами показывает, что авторы-эксперты, а также методисты, составляющие сценарии, часто сосредоточены на логике и содержании курса, тогда как правописание и литературная правка остаются за пределами их внимания. Такая тенденция обусловлена, прежде всего, экстралингвистическими факторами, среди которых:

- сжатие сроков – время на разработку курса часто ограничено жесткими условиями договора между заказчиком и разработчиком, так как от этого зависит получение прибыли;
- ослабление внешней цензуры, что приводит к смешению разнородных элементов языка – как лексических, так и стилистических;
- усиление глобализации в ключевых областях деятельности, которая является причиной различного рода противоречий в языке;
- падение языковой культуры, которое связано с резким снижением общей культуры людей [2, с. 94].

Однако текст – один из главных инструментов передачи знаний в онлайн-обучении, и каждая ошибка в нем отвлекает на себя внимание слушателей, тем самым подрывая доверие к разработчику. Именно поэтому важнейшим этапом работы над сценарием является его вычитка и корректура, а «корректор – последняя инстанция, интерпретатор пунктуационного и графического оформления текста» [3, с. 214].

Необходимым в работе корректора является умение обнаружить различные типы ошибок и скорректировать их на основе знания норм языка. В современной науке вопрос о типологии ошибок до сих пор является спорным и неоднозначным. За основу исследования мы взяли классификацию С. Н. Цейтлин, которая связывает вид ошибки с нарушением определенной языковой нормы [4, с. 8].

Анализ корпуса текстов (более 200) позволил выявить наиболее распространенные ошибки в сценариях курсов дистанционного обучения:

1. Орфографические:

– неправильное написание сложных заимствованных слов (*мета-целью является повышение уровня престижа компании на рынке образовательных услуг; осуществляет взаимодействие с Управляющей компанией бизнес центра по вопросам обеспечения электро-, тепло- и водоснабжения; для хранения резервных копий используются жесткие диски медиа серверов; онлайн магазины*) [5].

– неверное написание производных предлогов (*в завершении выполните несколько практических заданий по пройденному материалу; давай не будем обсуждать его в его отсутствии; по истечению указанного срока персональные данные подлежат уничтожению*) [5].

– иные орфографические ошибки (*одно и тоже сообщение можно передать по-разному; вы будете точно знать, где лучшие остановится; этот жест демонстрирует желание пойти на встречу, установить контакт, готовность к общению; это простой способ поучаствовать в диалоге, не прерывая его, а как-бы поддерживая, поощряя, подбадривая; каждый из нас по своему излагает свои мысли; в роле Мечтателя вы ничем не ограничены*) [5].

– использование прописной буквы в именах нарицательных (*Вы ответили на все вопросы о Компании правильно, а это значит, что первый зачет сдан и Вы получаете Сертификат; форми-*

рование в **Личном** кабинете **Общества** сообщений обязательного контроля, а также о подозрительных операциях) [6].

2. Грамматические:

– неправильное управление (*отдавать распоряжение на принятие экстренных мер по защите работников; Вы получите ответы по основным организационным вопросам; ключевые подходы, принципы и стратегии к обеспечению непрерывности и восстановления человеческих ресурсов*) [7];

– нанизывание существительных в косвенных падежах (*разрабатываются с целью повышения эффективности реагирования персонала на чрезвычайную ситуацию; перейдите на вкладку, которая содержит инструменты управления отображением элементами окна приложения; производство расчета бухгалтерией в день увольнения на основании данных в IC*) [8].

3. Пунктуационные.

Лишние запяты:

– запятая перед **как** в случае, когда нет сравнения (*обучение, как драйвер роста; эффекты электронного переключения и памяти в низкоразмерных структурах, как основа для разработки элементов нанoeлектроники; важно уметь использовать поведение для повышения уровня доверия к вам, как к эксперту*) [7];

– запятые в конструкциях, которые не являются вводными (*с научной точки зрения, эмоциональный интеллект является способностью точно распознавать свои и чужие чувства; благодаря слушанию, мы можем лучше установить контакт и расположить к себе собеседника*) [7];

– интонационные паузы, которые выделяются запятыми (*для формирования навыка у обучающегося, важно пройти этапы; порою, в общении бывают ситуации, когда собеседник находится в состоянии повышенного эмоционального напряжения; после расчета с покупателем и закрытия денежного ящика, касса снова готова к работе; для снижения психологического напряжения, нужно использовать техники, перечисленные в таблице справа*) [9, с. 80];

– запятые при сложных подчинительных союзах (*для того, чтобы стать «Отличником перед государством», нужно уметь выполнять качественно и в установленные сроки любые официальные поручения и директивы органов власти; для того, чтобы сохранить изменения и закончить работу с корзиной, нажмите F10 ОК*) [7];

– запятая перед одиночным союзом **либо** (*для перехода между слайдами выполняй инструкции, либо нажимай кнопку Далее; нужно поставить рядом с ним отметку в столбце Выбор, либо vybrать все товары; собеседник протягивает вперед в вашу сторону свои руки ладонями вверх, либо просто показывает раскрытые ладони*) [7];

– запятая между подлежащим и сказуемым (*движения большой амплитуды, резкие движения, могут произвольно спровоцировать защитное поведение и желание закончить разговор; оптимистичный – сценарий, основывается на реализации риска с минимальными последствиями*) [7].

Отсутствие запятых:

– запятая при обособленном определении, выраженном причастным оборотом (*приветствуем Вас на курсе посвященном 12 основным принципам корпоративного взаимодействия; жесты и позы, свидетельствующие о нежелании слушать и стремлении закончить беседу достаточно красноречивы; на первый план выступает понимание и отражение чувств, переживаний собеседника, стоящих за его высказываниями и сопереживание партнёру*) [10];

– запятая при обособленном обстоятельстве, выраженном деепричастным оборотом (*психолог Альберт Меграбян, изучая разные средства общения получил удивительные результаты; наблюдая за невербальными сигналами собеседника вы будете точно знать, как проходит ваш разговор; практикуясь таким образом очень быстро вы научитесь лучше понимать себя и других людей; имея знания о средствах общения можно повысить качество взаимодействия используя подстройку к собеседнику*) [10.];

– запятая при придаточном предложении (*от середины, в которой и расположена указанная идея будут расходиться так называемые «лучи»; чтобы полностью понять важность всех трех средств общения важно учесть следующие факторы; соответствие посылов, которые мы передаем через все три канала называется конгруэнтностью; когда речевой аппарат разогрет можно переходить к работе над четкостью речи – над дикцией*) [10].

4. Речевые:

– употребление иностранных слов при существующих аналогах в русском языке (*одним из направлений деятельности является e-learning; наличие заключенных SLA с поставщиками услуг; casual стиль возможен в том случае, если вы весь день работаете в офисе и у вас нет встреч с клиентами*) [11, с. 80];

– употребление слов в неверном значении (*при выборе темы важно обладать экспертизой в теме; приоритеты относительно данного изменения и других текущих изменений расставлены и коммуницированы людям*) [9, с. 81];

– использование однокоренных слов в одном предложении (*направление взгляда показывает направленность внимания собеседника; для эффективной коммуникации наилучшим расположением будет положение, когда глаза собеседников будут находиться на одном уровне; для понимания невербального языка важно осознать его важность и точность в коммуникации*) [8];

– стилистические ошибки – выбор слов, не соответствующих стилю и жанру текста (*это то расстояние, которое соблюдается, когда мы адресуемся к большой группе людей; если мы поддержим эмоцию нашего визави, то вызовем симпатию, побудим его продолжать общение*) [8].

Причиной большинства ошибок является незнание норм современного русского языка или пренебрежение ими. При правописании слов трудности возникают чаще всего с заимствованными словами, нормативное написание которых лишь недавно закрепилось в орфографических словарях. Это связано с тем, что курсы дистанционного обучения для коммерческих организаций направлены на изучение процессов, происходящих в российском бизнесе сегодня. В этой сфере часто используются иностранные термины, аналогов которым в современном русском языке пока нет.

Пунктуационные ошибки обусловлены не только незнанием языковых норм, но и невнимательностью при использовании знаков препинания, например, выделение обособленных членов предложения с одной стороны и отсутствие обособления с другой. Избыточные знаки препинания обусловлены интонационным контуром и инерцией дыхания, когда составитель сценария ставит запятые после каждой паузы. К пунктуационным ошибкам приводит также стремление автора текста уместить как можно больше информации в одно предложение.

Речевые ошибки обусловлены незнанием особенностей жанров и стилей речи, а также мнимой взаимозаменяемостью слов, которая может привести к потере смысла предложения. Использование заимствований, затрудняющих восприятие текста, связано с нарушением коммуникативно-прагматических норм.

Сократить количество ошибок в текстах можно, используя следующие рекомендации:

– всегда проверять по словарю написание сложных слов, особенно терминов, не полагаться на свою интуицию;

– упрощать конструкции, по возможности заменять сложные предложения простыми. Чем сложнее предложение, тем больше вероятность допустить там ошибку;

– перестраивать предложения, если есть сомнения в расстановке знаков препинания;

– взять в команду разработки корректора или пользоваться услугами стороннего специалиста.

Итак, в настоящее время онлайн-обучение становится все более востребованным, заказчики и слушатели курсов дистанционного обучения ждут от разработчиков качественный продукт. Сжатые сроки, пренебрежение нормами современного русского языка, снижение общей речевой культуры – все это приводит к появлению ошибок. Именно поэтому при работе с текстом сценария необходимым этапом является его вычитка и корректура. Важно не только не допускать фактических и логических ошибок, но и стремиться к отсутствию орфографических, грамматических, пунктуационных и речевых ошибок.

Библиографический список:

1. Кравченко М.А. Онлайн-курсы: революция в образовании или успешная PR-кампания? // Педагогика. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019, Том 4, Выпуск 2. С. 9–13.
2. Федотова Т.В. Формирование языковой культуры студентов при изучении курса «Русский язык и культура речи» // Научный вестник ЮИМ №1, 2015. С. 93–98.

3. Гуц Е.Н. Нерегламентированная пунктуация как проблема деятельности корректора // Вестник Челябинского государственного университета. 2011, № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. С. 214–217.
4. Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение / С. Н. Цейтлин. Москва: URSS, 2019. 192 с.
5. Орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС». Режим доступа: <http://orfo.ruslang.ru/>.
6. Мильчин А.Э. Справочник издателя и автора. Режим доступа: <https://orfogrammka.ru>.
7. Розенталь Д.Э. Пунктуация и управление в русском языке. Режим доступа: <https://rus-upravlenie-dict.slovaronline.com/>.
8. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и стилистике. Режим доступа: <http://www.rosental-book.ru/>.
9. Ахапкина Я.Э. Причины и механизмы речевых сбоев на письме // Вопросы образования. 2013 № 3. С. 65–91.
10. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. Москва: АСТ-Пресс, 2020, 432 с.
11. Волков, А. А. Понимание коммуникативной неудачи в современных лингвистических исследованиях // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2012, № 1. С. 78–82.

References

1. Kravchenko M.A. Online courses: revolution in education or successful PR campaign? // Pedagogy. Questions of theory and practice. Tambov: Gramota, 2019, Volume 4, Issue 2. P. 9-13.
2. Fedotova T.V. Formation of language culture of students in the course "Russian language and speech culture" // YUIM scientific Bulletin No. 1, 2015, Pp. 93-98.
3. Guts E.N. Unregulated punctuation as a problem of proofreader's activity // Bulletin of the Chelyabinsk state University. 2011, № 24 (239). Philology. Art criticism. Issue 57. Pp. 214-217.
4. Zeitlin S N. Speech errors and their warning. Moscow: URSS, 2019. 192 p.
5. Spelling academic resource "ACADEMOS". Access mode: <http://orfo.ruslang.ru/>.
6. Milchin A.E. Handbook of the publisher and author. Access mode: <https://orfogrammka.ru> -Stub from the screen.
7. Rosenthal D.E. Punctuation and management in Russian. Access mode: <https://rus-upravlenie-dict.slovaronline.com/>.
8. Rosenthal D.E. Handbook of spelling and stylistics. Access mode: <http://www.rosental-book.ru/>.
9. Agapkina, J. E., the Causes and mechanisms of language failure letter // The issue of education. 2013. № 3. P. 65-91.
10. Rules of Russian spelling and punctuation. Complete academic Handbook / ed. by V. V. Lopatin. - Moscow: AST-Press, 2020, 432 p.
11. Volkov A.A. Understanding of communicative failure in modern linguistic research // Actual problems of Humanities and natural Sciences, 2012, no. 1, Pp. 78-82.

УДК: 614.23:378.225:347.176.2
10.36622/AQMPJ.2021.81.73.006

Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
Шехватова А.Н.,
Санкт-Петербург, 89112627438,
arina_sheh@mail.ru

North-Western State Medical University named after I.I. Mechnikov
PhD, Associate Professor
of the Department of Russian language
Shekhvatova A.N.
St. Petersburg, 89112627438,
arina_sheh@mail.ru

А.Н. Шехватова

ПОДГОТОВКА ИНОСТРАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ-МЕДИКОВ К ПОСТУПЛЕНИЮ В ОРДИНАТУРУ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ НА ПОДГОТОВИТЕЛЬНОМ КУРСЕ РКИ

В статье рассматриваются правила поступления иностранных специалистов-медиков, получивших базовое медицинское образование на родине, в российские медицинские вузы по программам ординатуры и пути языковой подготовки иностранных слушателей подготовительных курсов по русскому языку как иностранному к прохождению вступительных испытаний. Правила поступления в ординатуру российских вузов для иностранных врачей, действующие с 2017 года по настоящее время, предъявляют высокие требования к языковой подготовке будущих ординаторов в части владения русским языком в специальных целях, что необходимо учитывать при составлении программ по русскому языку. Предлагается методика использования тестовых заданий Единой базы оценочных средств, формируемой Министерством здравоохранения РФ для аккредитации специалистов, в практике языковой подготовки слушателей. Объектом исследования послужили более семи тысяч формулировок банка тестовых заданий по специальностям «Лечебное дело» и «Стоматология». Приводятся результаты анализа формулировок банка тестовых заданий по специальностям «Лечебное дело» и «Стоматология» с позиций их стилистической принадлежности и присутствия в них универсальных конструкций научного стиля речи, которые изучаются слушателями на подготовительных курсах РКИ. По результатам проведенного анализа и на основе апробации использования аутентичных материалов тестовых заданий в учебном процессе параллельно с изучением учебных материалов предлагаются рекомендации по их использованию в учебном процессе, приводится обоснование целесообразности такого вида работы. В статье намечаются пути дальнейшего анализа базы тестовых заданий для выявления потенциальных направлений языковой подготовки слушателей.

Ключевые слова: языковая подготовка иностранных специалистов-медиков к поступлению в ординатуру, подготовительные курсы РКИ для иностранных медиков, формирование профессионально-коммуникативной компетенции, профессиональный модуль, профессионально ориентированное обучение, язык специальности в программе РКИ для будущих ординаторов, экзамен в ординатуру для иностранных граждан, Единая база оценочных средств.

A. N. Shekhvatova

TRAINING OF FOREIGN MEDICAL PROFESSIONALS FOR RF RESIDENCY ENTRANCE THROUGH RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE COURSE

The specific objective of this study was to determine the ways of language preparation of foreign students at the Russian language preparatory course for admission to residency. For this purpose, we studied current rules for admission into RF residencies (with Russian as a training language) for foreign medical professionals who got their degrees abroad; then, analyzed difficulties and specificities of the language of entrance exam. The analysis has shown that in order to complete the entrance test, a foreign student needs to possess certification level II (B2) Russian language proficiency in the part of the professional module. At the next stage of the research, we analyzed stylistic peculiarities of the test tasks wordings for "General Medicine" and "Dentistry" specialties. We also considered the presence of general constructions of the scientific style of speech. To assess students' ability to comprehend suggested test tasks (through the criteria given above) we compared their wordings with the wordings of training material. The comparison has shown that the constructions studied in the Russian language course are presented in the wordings of test tasks. Regular use of

examples from the bank of examination test tasks contributes to the development of students' skill of recognizing the studied structures in task wordings, despite their abundance with highly specialized vocabulary.

The author notes that it is advisable to include the material of the entrance test for educational purposes into textbooks on the scientific style of the Russian language, intended for foreign medical specialists.

Keywords: preparatory 'Russian as a Foreign Language' course for foreign doctors, communication competence in professional area, professional module, professionally oriented training, language of the specialty, program of Russian as a Foreign Language for future residents, residency exam for foreigners, Unified base of assessment tools.

В соответствии с Федеральным законом от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1] иностранные граждане имеют право на обучение в российских образовательных организациях, в том числе по программам ординатуры. Различные нормативные документы регулируют право иностранных граждан на обучение по программам ординатуры за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета ([2], [3], международные договоры и межправительственные соглашения Российской Федерации и др.) и по договорам об оказании платных образовательных услуг.

По данным статистического исследования, проведенного Департаментом международного сотрудничества и Центром социологических исследований Министерства науки и высшего образования РФ с октября по декабрь 2018 года, медицинская специализация в 2017/2018 учебном году находилась на втором месте (53,5 тыс. чел. или 20,8% от общего числа иностранных граждан, обучавшихся в вузах РФ в 2017/2018 учебном году на дневном отделении) [4; с.11] по востребованности у иностранных граждан после инженерно-технических специализаций. Авторы статистического исследования отмечают, что «наиболее заметно, по сравнению с предшествовавшим годом (2016/2017 – примечание автора), увеличилось число изучавших медицину (на 7,7 тыс. чел.)» [4; с.11]. Согласно приведенным в исследовании данным количество иностранных граждан, обучающихся в ординатуре российских вузов, с каждым годом растет, если в 2006/2007 учебном году количество иностранных граждан составляло 1233 человека, то в 2017/2018 учебном году достигло 2538 человек, то есть выросло более чем в два раза за 10 лет [4; с.21]. Рост интереса иностранных граждан к продолжению своего медицинского образования в России отразился и на увеличении количества иностранных специалистов-медиков, приезжающих в Россию для изучения русского языка с целью дальнейшего поступления в ординатуру.

В соответствии с приказом Министерства здравоохранения РФ от 11.05.2017 № 212н «Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования – программам ординатуры» [5] иностранные граждане (кроме соотечественников, проживающих за рубежом, и иностранных граждан, поступающих на обучение на основании международных договоров), получившие высшее медицинское или фармацевтическое образование в иностранном государстве, поступают на конкурсной основе и проходят вступительные испытания наравне с гражданами Российской Федерации.

Необходимо отметить, что среди иностранных граждан, участвующих во вступительных испытаниях в ординатуру российских медицинских вузов, наряду с иностранными гражданами, окончившими специалитет российских медицинских вузов и имеющими достаточно высокий уровень РКИ (нормативный период обучения по специальности «Лечебное дело» – 6 лет, «Стоматология» – 5 лет), участвуют иностранные граждане, получившие базовое медицинское образование на родине и прошедшие предварительное обучение по программам языковой подготовки на подготовительных курсах или факультетах. Таким образом, хотя прием на обучение по программам ординатуры осуществляется отдельно на места для приема граждан РФ и иностранных граждан, вступительное испытание в ординатуру проходят поступающие с различным уровнем языковой подготовки, то есть носители языка, иностранцы, окончившие специалитет российских вузов, и иностранцы после 8-10 месячных языковых курсов выполняют однотипные задания без учета их уровня владения русским языком.

Вступительное испытание в ординатуру с 2017 года согласно приказу № 212н [5] проводится в форме тестирования с использованием тестовых заданий, комплектуемых автоматически путем случайной выборки 60 тестовых заданий из Единой базы оценочных средств, формируемой Министерством здравоохранения РФ. На решение тестовых заданий отводится 60 минут, то есть 1 минута на каждое тестовое задание. Минимальное количество баллов, необходимое для успешного прохождения тестирования, составляет 70 баллов (1 балл равен 1%), что соответствует 42 тестовым заданиям.

Анализ правил поступления [6, 7, 8, 9, 10] в ординатуру ведущих государственных петербургских медицинских вузов в 2021 году показал, что лишь некоторые медицинские вузы Петербурга в

качестве вступительных испытаний для иностранных граждан, кроме указанного тестирования или результатов тестирования, проводимого в рамках процедуры аккредитации специалиста и пройденного в предшествующем или текущем году (это актуально для иностранных специалистов, окончивших специалитет российских медицинских вузов), предоставляли возможность учесть результаты тестирования, проводимого университетом самостоятельно в году поступления [9, 10].

Обязательный для поступления в ординатуру уровень РКИ в настоящее время документально не регламентирован на государственном уровне. Некоторые образовательные учреждения на своих сайтах в информационных разделах для поступающих в ординатуру приводят рекомендации к уровню владения русским языком или регламентируют требования к уровню владения русским языком для поступающих в ординатуру локальными нормативными актами. Например, на сайте СЗГМУ им. И. И. Мечникова в разделе, посвященном обучению иностранных граждан в ординатуре, указано, что обучение в ординатуре ведется «только на русском языке» и «обязательным условием обучения в нашем Университете является знание русского языка, позволяющее успешно: усваивать теоретические знания; общаться с преподавателями, коллегами и пациентами; вести медицинскую документацию» [11]. В «Программе вступительных испытаний в ФГБОУ ВО ПСПбГМУ им. И. П. Павлова Минздрава России для иностранных граждан, лиц без гражданства, поступающих по образовательным программам высшего образования - программам ординатуры» указаны сведения, касающиеся вступительных испытаний, включающих письменный экзамен по русскому языку, «в ходе которого проверяется языковая и речевая компетенция будущих ординаторов в сфере профессионально направленного и социокультурного общения» [12] и который является первым этапом вступительных испытаний и допуском ко второму этапу в виде тестирования по специальности. В Программе отмечено, что «иностранцы граждане, лица без гражданства, поступающие в ординатуру в Университет, должны знать русский язык на уровне, который отвечает конечным требованиям Программы по русскому языку для иностранных выпускников, обучавшихся на нефилологических факультетах вузов России» [12].

Очевидно, что хотя документального подтверждения успешной сдачи ТРКИ на данный момент для поступления в ординатуру не требуется, сами условия сдачи вступительного испытания делают невозможным выполнение теста без владения испытуемым соответствующим уровнем языка, особенно с учетом жестких временных ограничений на выполнение теста.

Для прохождения вступительного испытания и дальнейшего обучения в ординатуре российского вуза на русском языке поступающему необходимо помимо достаточных профессиональных знаний по специальности, указанной в дипломе о высшем медицинском образовании, владеть русским языком, в первую очередь в части владения русским языком в специальных целях (профессиональный модуль), в объеме, соответствующем II сертификационному уровню (B2), для достижения которого требуется не менее 1320 академических часов аудиторной работы. Таким образом, при составлении дополнительных общеобразовательных программ по русскому языку для иностранных специалистов-медиков, планирующих поступление в ординатуру российских вузов и дальнейшее обучение на русском языке, необходимо учитывать существующие на данный момент условия поступления иностранных граждан в ординатуру и практическую потребность учащихся в языковой подготовке к выполнению вступительных испытаний в формате тестирования.

Нам представляется справедливым наблюдение авторов исследования, результаты которого представлены в методическом пособии под научной редакцией Л. А. Вербицкой о том, что «свою главную задачу учащийся понимает не как формирование коммуникативной компетенции, а как усвоение изучаемого материала с целью использования этих знаний для решения практических задач» [13; с.135]. В рамках принципа профессиональной направленности обучения, который «подразумевает перспективность в содержании учебных курсов с учётом будущей специальности студента» [14; с.122] и дискурсивно-когнитивного лингводидактического подхода [15; с.62] профессионально-коммуникативная подготовка иностранных специалистов-медиков должна учитывать актуальные потребности учащихся в решении коммуникативных задач в реальных ситуациях профессионального общения, к которым относится и ситуация выполнения теста, проверяющего готовность специалиста к осуществлению профессиональной деятельности [16; с.4]. В проекте «Методических рекомендаций по организации и реализации дополнительных общеобразовательных программ, обеспечивающих подготовку иностранных граждан и лиц без гражданства к освоению профессиональных образовательных программ на русском языке», разработанном в Государственном институте русского языка

им. А.С. Пушкина, отмечено, что «целью образовательной программы является формирование способности и готовности обучающихся продолжить образование на русском языке в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации» [17; с.2]. Условием продолжения образования в ординатуре для подавляющего числа иностранных медиков является успешное прохождение вступительных испытаний, поэтому частной лингвометодической задачей образовательной программы РКИ для будущих ординаторов является языковая подготовка к прохождению вступительных испытаний в актуальном на момент обучения слушателей подготовительных курсов формате.

Для оценки возможности реализации языковой подготовки слушателей подготовительного курса к выполнению вступительных испытаний, определения направлений такой подготовки и этапа, на котором целесообразно приступать к решению данной лингвометодической задачи, был проведен анализ тестов по специальностям «Лечебное дело» [18] и «Стоматология» [19] (далее «тесты»), как наиболее востребованным специальностям среди контингента слушателей подготовительного курса (78% и 22% соответственно) реализуемого в СЗГМУ им. И. И. Мечникова. Банк тестовых заданий по соответствующим специальностям размещен на сайте Методического центра аккредитации специалистов www.fmza.ru в разделе «Первичная аккредитация». Банк тестовых заданий ежегодно обновляется, до 2019 года банк тестовых заданий предыдущих лет размещался на сайте Методического центра в формате pdf-файлов, в 2021 году с актуализированным банком тестовых заданий желающие могли ознакомиться в рамках репетиционного тестирования на сайте Методического центра аккредитации специалистов, доступ к репетиционному экзамену в 2021 году был открыт в конце марта, то есть примерно за 4 месяца до начала вступительных испытаний в ординатуру.

Тесты относятся к объективным (проверяются автоматически с помощью ключа) тестам и содержат однотипные по структуре тестовые задания множественного выбора с единственным правильным ответом, составленные в соответствии с «Требованиями к оценочным средствам для аккредитации специалистов здравоохранения» [20].

Формулировки содержания тестовых заданий преимущественно представляют собой свернутые краткие суждения в повествовательной форме. Требования рекомендуют составителям тестовых заданий ограничиваться предложениями из 7-8 слов, формулировать задания простыми синтаксическими конструкциями и вводить в текст задания не более одного придаточного предложения. Каждое тестовое задание имеет 4 варианта ответа, из которых правильным должен быть один вариант. По окончании каждой попытки репетиционного экзамена предоставляется возможность увидеть правильный вариант ответа, количество попыток не ограничено. Требования к формулировкам заданий, предметно-тематическое содержание тестовых заданий и обусловленная этим терминологическая насыщенность формулировок позволяет определить стилистическую принадлежность предложений-формулировок заданий к научному стилю речи, изучение которого является неотъемлемой частью профессионально-коммуникативной подготовки специалистов-медиков при изучении русского языка как иностранного на подготовительных курсах.

В СЗГМУ им. И. И. Мечникова языковая подготовка иностранных граждан к поступлению в ординатуру ведется в соответствии с Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации № 1304 от 3 октября 2014 года «Об утверждении требований к освоению дополнительных общеобразовательных программ, обеспечивающих подготовку иностранных граждан и лиц без гражданства к освоению профессиональных образовательных программ на русском языке» [21] на подготовительном курсе по дополнительной общеобразовательной программе «Русский язык для иностранных граждан, планирующих обучение в ординатуре и аспирантуре» (далее «Программа»). Работа с данным контингентом учащихся осуществляется в СЗГМУ им. И. И. Мечникова с 2014/2015 учебного года [22; с. 1723], на протяжении нескольких лет шла работа по оптимизации программы обучения [23] и созданию учебных пособий [24], учитывающих коммуникативные потребности и профессиональные интересы контингента обучающихся.

В настоящее время программа рассчитана на 1230 академических часов практических занятий, важным компонентом ее содержания является профессионально-коммуникативная подготовка, включающая обучение языку специальности и изучение научного стиля речи. По результатам освоения дополнительной общеобразовательной программы по русскому языку, в соответствии с утвержденными приказом № 1304 [21] требованиями, иностранные слушатели должны знать универсальные конструкции научного стиля речи и уметь ими пользоваться, должны знать терминологию избранной специальности и уметь ею оперировать. Изучение научного стиля речи основывается на стремлении к

текстоцентрическому подходу к изучению и систематизации языкового материала, поэтому на первое место выходит представление структурных схем предложений с позиции их роли в текстах определенной семантической зоны. Второй основополагающий принцип при обучении русскому языку в специальных целях – последовательное максимальное приближение к аутентичным текстам. Изучение научного стиля речи начинается в конце первого семестра со знакомства с базовой специальной лексикой [25], формирования общих понятий о грамматических конструкциях научного стиля речи [26], грамматических особенностях учебно-научного текста и продолжается на протяжении всего второго семестра, в течение которого формируются и развиваются навыки употребления общенаучной и специальной лексики в устной и письменной речи, навыки компрессии и репродукции научного текста, тезирования, аннотирования и реферирования, параллельно осуществляется языковая подготовка к клинической практике.

Формулировки тестовых заданий вступительного теста в ординатуру по своим характеристикам соответствуют языковому уровню предложений, поэтому было принято решение проанализировать представление в формулировках тестовых заданий классов предложений, построенных на основе грамматических моделей, характерных для научного стиля речи. Основная работа по изучению данных моделей осуществляется на материале учебного пособия «Основы научного стиля речи» [26], созданного на кафедре русского языка СЗГМУ им. И.И. Мечникова для работы с иностранными медиками, планирующими поступление в ординатуру. Целевая аудитория определила выбор тем для текстов, которые являются центральными объектами изучения в каждом разделе в соответствии с текстоцентрическим подходом. Учебный материал в пособии организован по функционально-семантическому принципу, при котором отбор и структурирование материала осуществляется по определенным функционально-семантическим категориям: определение предмета или понятия, качественные характеристики предмета (свойства предмета), классификация предметов, строение предметов, функции предметов, описание процесса. В рамках каждой функционально-семантической категории с точки зрения служения тексту рассматриваются типовые модели предложений, обслуживающие данный сегмент, их формально-грамматическая организация и возможные модификации. На примере перечисленных категорий было проведено сопоставление изучаемого в пособии материала с наполнением формулировок заданий аутентичного теста.

Формат статьи не позволяет привести примеры сопоставления для всех тематических блоков, но в результате проведенного наблюдения отмечено, что большинство изучаемых моделей встречаются в формулировках тестовых заданий и развитие практического навыка их идентификации в структуре предложений-формулировок тестовых заданий является актуальным и практически полезным для учащихся.

Для примера рассмотрим тематический блок «Определение предмета». В данном тематическом блоке в анализируемом учебном пособии [26] представлены типовые модели предложений: «что – это что», «что представляет собой что», «что называется чем», «что называют чем», «что является чем» и их возможные модификации: «что – что», «чем называется что» и т.д. Все они представлены в формулировках тестовых заданий. Отметим, что, хотя в документе «Рекомендации к составлению тестовых заданий и образцы комментария эксперта» [27] отмечено, что «задания на определение понятия не следует предлагать, модель «что – это что» представлена в формулировках заданий для обеих специальностей. В таблице 1 представлены примеры тестовых заданий из тестов по специальностям «Лечебное дело» и «Стоматология» 2018 года и примеры предложений из учебного пособия.

Примеры формулировок по теме «Определение предмета»

Тестовые задания из теста «Лечебное дело»   Тестовые задания из теста «Стоматология»

[T037860] CREST СИНДРОМ – ЭТО

А) кальциноз, синдром Рейно, нарушение моторики пищевода, склеродактилия, телеангиэктазии

Б) кардиомегалия, повышение частоты сердечных сокращений, эзофагит, слип-апноэ, тромбоцитопения

В) цереброваскулит, эозинофилия, синдром Титце

Г) цитопения, ревматоидные узелки, тромбофилия

[T056772] ПОКРЫВНЫЕ ПРОТЕЗЫ – ЭТО

А) съемные протезы, базис которых покрывает оставшиеся в полости рта корни зубов

Б) несъемные протезы

- В) бюгельные протезы с опорно-удерживающей системой фиксации
- Г) съёмные и мостовидные протезы, соединённые замковым креплением

[T001405] АКНЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ВОСПАЛЕНИЕ

- А) сальной железы
- Б) апокринной потовой железы
- В) эккринной потовой железы
- Г) устья волосяного фолликула

[T043449] БРУКСИЗМ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ

- А) непроизвольное скрежетание зубами
- Б) жжение слизистой полости рта
- В) сухость полости рта
- Г) болевой синдром дисфункции ВНЧС

[T001357] ГИПЕРСПЛЕНИЗМОМ НАЗЫВАЮТ

- А) интенсификацию элиминации форменных элементов крови
- Б) увеличение размеров селезенки
- В) расширение диаметра селезеночной вены
- Г) интенсификацию кровоснабжения селезенки [T043530] АРТИКУЛЯЦИЕЙ НАЗЫВАЮТ
- А) всевозможные движения нижней челюсти
- Б) вид смыкания зубов в центральной окклюзии
- В) вид смыкания зубов в передней окклюзии
- Г) вид смыкания зубов в боковой окклюзии

[T007025] БОРЬБА С НАСЕКОМЫМИ В ОЧАГЕ ИНФЕКЦИИ НАЗЫВАЕТСЯ

- А) дезинсекцией
- Б) дератизацией
- В) дезинфекцией
- Г) дезактивацией

[T056761] ПРОЦЕСС РАЗРУШЕНИЯ МЕТАЛЛОВ ПОД ДЕЙСТВИЕМ ХИМИЧЕСКИХ И ЭЛЕКТРОХИМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НАЗЫВАЕТСЯ

- А) коррозией
- Б) стабилизацией
- В) реакцией восстановления
- Г) гальваностегией

[T001142] ОСНОВНЫМ РЕНТГЕНОЛОГИЧЕСКИМ МЕТОДОМ ОБСЛЕДОВАНИЯ БОЛЬНОГО ТУБЕРКУЛЁЗОМ ЯВЛЯЕТСЯ

- А) рентгенография
- Б) бронхография
- В) ангиография
- Г) рентгеноскопия

[T043576] ПРОЯВЛЕНИЕМ САХАРНОГО ДИАБЕТА В ПОЛОСТИ РТА ЯВЛЯЕТСЯ

- А) пародонтит
- Б) сиалоаденит
- В) пульпит
- Г) периодонтит

Примеры из учебного пособия

Профилактика – это комплекс мероприятий по предупреждению болезни.

Операционная представляет собой помещение для хирургических операций.
Процесс выделения пота называют потоотделением.
Процесс освобождения предмета от микробной флоры называется стерилизацией.
Скальпель является медицинским инструментом.

Нужно отметить, что в формулировках тестовых заданий для темы «Определение предмета» используются также конструкции «что считают чем», «под чем понимают что», которые включены в переработанную и дополненную редакцию пособия, которая проходит апробацию в настоящее время. Представляется целесообразным с учетом особенностей восприятия учебного материала взрослым контингентом учащихся, которые предпочитают сразу сформировать системное представление об изучаемом материале и в дальнейшем пошагово его осваивать, в ознакомительном формате вводить все необходимые конструкции (они могут быть представлены в табличной форме) на начальном этапе работы с каждой темой.

Очевидно, что даже с учетом предельной насыщенности предложений узкоспециальной терминологией, конструкции в формулировках тестовых заданий узнаваемы и при условии предварительного знакомства с примерами на занятиях с комментариями преподавателя не должны вызвать затруднений с позиции языкового выражения.

При изучении темы «Определение предмета» слушатели учатся давать определение предмета по определенным моделям и различать/опознавать термин (определяемую часть) и дефиницию (определяющую часть) по типовым признакам, однако в заданиях теста они могут встретить примеры измененных конструкций. Например, в обеих базах присутствуют примеры формулировок, в которых в измененном виде представлена конструкция «что называется чем», причем в базе «Стоматология» количество таких заданий достаточно велико (в таблице 2 приведено по одному примеру различных вариантов изменения конструкции).

Примеры формулировок с измененными конструкциями
по теме «Определение предмета»

Тестовые задание из теста «Лечебное дело» Тестовые задание из теста «Стоматология»

[T013862] РАННЕЕ ВЫЯВЛЕНИЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ В ДОКЛИНИЧЕСКОЙ СТАДИИ ПОСРЕДСТВОМ МАССОВОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ПРАКТИЧЕСКИ ЗДОРОВЫХ ПАЦИЕНТОВ НАЗЫВАЕТСЯ

- А) скрининг
- Б) мониторинг
- В) первичная профилактика
- Г) диспансеризация

[T013867] ОТНОШЕНИЕМ КОЛИЧЕСТВА ВСЕХ ЗАБОЛЕВАНИЙ, ВЫЯВЛЕННЫХ В ДАННОМ ГОДУ, К СРЕДНЕГОДОВОЙ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ, ВЫРАЖЕННОЕ В ПРОМИЛЛЕ, НАЗЫВАЕТСЯ

- А) общая заболеваемость
- Б) первичная заболеваемость
- В) патологическая пораженность
- Г) истощенная заболеваемость

[T002378] ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГИГИЕНИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ПОЛОСТИ РТА, ОБУЧЕНИЕ ПАЦИЕНТА ПРАВИЛЬНОЙ МЕТОДИКЕ ЧИСТКИ ЗУБОВ И САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ЧИСТКА ЗУБОВ ПАЦИЕНТОМ ПОД КОНТРОЛЕМ ВРАЧА НАЗЫВАЕТСЯ

- А) контролируемая чистка зубов
- Б) профессиональная гигиена полости рта
- В) профессиональная чистка зубов
- Г) индивидуальная гигиена полости рта

Демонстрация на занятиях примеров из базы тестовых заданий с измененными конструкциями позволит превентивно снять потенциальные сложности, которые могут возникнуть у учащихся при встрече с

подобными примерами при выполнении теста, что крайне важно в условия жесткого ограничения времени на выполнение каждого задания.

Опыт использования материалов вступительного теста показал, что введение примеров из формулировок тестовых заданий оптимально осуществлять после знакомства с каждым блоком типовых моделей и завершения этапа работы с предтекстовыми заданиями каждого тематического раздела, рациональным представляется продолжать использовать материалы теста на протяжении всего дальнейшего периода работы с учебно-научными и научными текстами [28]. Насыщенность формулировок тестовых заданий узкоспециальной лексикой не позволяет использовать их на начальном этапе изучения типовых моделей. Введение материалов теста позже, на этапе работы с текстами, было бы возвращением к уровню предложений и размывало бы формирование представления о роли и принципах их функционирования в научном тексте. С точки зрения календарно-тематического планирования начало работы с аутентичными материалами тестовых заданий необходимо соотносить с изучением группой грамматических тем и доступности базы репетиционного тестирования, если нет сохраненных материалов базы прошлых лет. Регулярная практика обращения к тестовым заданиям на протяжении последних месяцев учебы на занятиях по русскому языку в период активной самостоятельной подготовки слушателей к вступительным экзаменам в ординатуру в аспекте их профессиональных компетенций может значительно облегчить слушателям сам процесс подготовки и дополнительно мотивировать их к изучению учебных материалов.

Подготовка к коммуникации в учебно-научной, учебно-профессиональной, профессиональной и научно-профессиональной сферах на достаточном для учебы в ординатуре уровне и подготовка к работе с соответствующими этим сферам основными письменными (первичными и вторичными) жанрами медицинского дискурса должна включать знакомство с актуальными на текущий момент доступными образцами экзаменационных материалов в ординатуру, которые в настоящее время представляют собой тестовые задания. Требуется целенаправленная работа по минимизации потенциальных языковых трудностей, с которыми могут столкнуться будущие иностранные ординаторы при выполнении экзаменационного теста, нацеленного на проверку уровня владения предметными компетенциями по медицинским специальностям на русском языке, и которые могут помешать специалисту-медику продемонстрировать свои профессиональные знания в силу недостаточной языковой подготовки. Информационные материалы из разделов для поступающих в ординатуру (программы аттестаций, бланки документов, анкеты [29]), также могут быть источником аутентичных материалов (образцы научного и официально-делового стиля).

Практическая работа с актуальными тестовыми экзаменационными заданиями представляется нам перспективной в русле концепции, признающей приоритетным направлением работу с аутентичными материалами [13; с. 143]. Формулировки тестовых заданий представляют собой неадаптированный аутентичный материал с прогнозируемой, благодаря требованиям к составлению тестовых заданий и самому формату теста, сложностью синтаксических конструкций предложений-формулировок, они выступают источником пополнения словаря узкоспециальной лексики, материалом для закрепления изучаемых на занятиях по русскому языку тем. Работа на занятиях по РКИ с актуальной базой тестовых заданий вступительного испытания в ординатуру имеет не только практическое значение с позиции изучения русского языка, но и решает практическую, актуальную для учащихся задачу знакомства с экзаменационными материалами, что повышает мотивацию учащихся. Знакомство с материалом тестов облегчает процесс погружения в русскоязычное образование, которое слушатели курсов продолжают в ординатуре. Наличие эталона правильного ответа и возможность его определения (увидеть правильный ответ можно по результатам каждой попытки решения репетиционного теста, в pdf-файлах правильный ответ размещен на первом месте под буквой «А») позволяет избежать ошибочных интерпретаций преподавателем-русистом содержания заданий тестов по медицине.

Практика использования материалов тестовых заданий в рамках программы «Русский язык для иностранных граждан, планирующих обучение в ординатуре и аспирантуре», реализуемой в СЗГМУ им. И. И. Мечникова, показала, что целесообразно включать в учебный процесс примеры формулировок экзаменационных тестовых заданий на этапе завершения работы с типовыми моделями предложений и продолжать обращаться к ним в режиме повторения на протяжении всей дальнейшей работы с учебно-научными и научными текстами с момента открытия доступа к материалам репетиционного экзамена, если нет возможности раньше использовать накопленный в предыдущем учебном году материал (в среднем база тестовых заданий ежегодно обновляется на 10-12%).

Использование в учебных целях на занятиях по РКИ материалов вступительных испытаний не ограничивается работой с типовыми моделями предложений, обслуживающими определенные функционально-

семантические категории, актуальным представляется дальнейший анализ базы тестовых заданий для выявления потенциальных направлений языковой подготовки слушателей, которая может быть реализована в рамках дополнительной программы изучения русского языка на подготовительном курсе для специалистов-медиков, планирующих поступление в ординатуру российских вузов. В настоящий момент ведется работа по анализу вариантов представления в формулировках заданий логико-семантических категорий (выражение причинно-следственных отношений, временных отношений, условных отношений и др.).

Эффективность профессионально ориентированного обучения РКИ зависит от удовлетворения коммуникативных потребностей учащихся в актуальных для них ситуациях профессионального общения. Выполнение теста по специальности для специалистов-медиков является типовой ситуацией учебно-профессионального общения, с которой им предстоит встретиться не только на вступительных испытаниях, но и в процессе учебы в ординатуре и при прохождении первого этапа первичной специализированной аккредитации специалистов по окончании ординатуры, поэтому языковая подготовка к выполнению тестов вступительных испытаний в ординатуру является важным этапом профессионально-коммуникативной подготовки иностранных специалистов-медиков на подготовительных курсах по РКИ. При составлении и корректировке программы подготовительного курса и создании учебных пособий по РКИ для выпускников зарубежных медицинских вузов, планирующих поступление в ординатуру российских вузов и обучение в ординатуре на русском языке, необходимо осуществлять регулярный мониторинг изменений правил поступления в ординатуру и оценивать возможность использования доступных экзаменационных материалов в учебном процессе.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://fzrf.su/zakon/ob-obrazovanii-273-fz/st-78.php> (дата обращения: 06.04.2021)
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 08.10.2013 № 891 «Об установлении квоты на образование иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/7126> (дата обращения: 06.04.2021)
3. Федеральный закон от 24 мая 1999 г. N 99-ФЗ "О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом" [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13875> (дата обращения: 06.04.2021)
4. Обучение иностранных граждан в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации: Статистический сборник. Выпуск 16 / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. – М.: Центр социологических исследований, 2019. 208 с.
5. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 11.05.2017 № 212н «Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования – программам ординатуры» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201706080016> (дата обращения: 06.04.2021)
6. «Правала приема в ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова Министерства Здравоохранения РФ на обучение по образовательным программам высшего образования – программам ординатуры в 2021 году» [Электронный ресурс]. URL: <https://szgmu.ru/rus/s/1137> (дата обращения: 06.04.2021)
7. «Правила приема в Санкт-Петербургский государственный университет на обучение по основным образовательным программам ординатуры в 2021 году» [Электронный ресурс]. URL: https://abiturient.spbu.ru/files/2021/ord/pravila_priema_2021.pdf (дата обращения: 06.04.2021)
8. «Порядок приема граждан на обучение по образовательным программам высшего образования – программам ординатуры на 2020-2021 учебный год» ФГБУ ВЦЭРМ им. А. М. Никифорова МЧС России [Электронный ресурс]. URL: <https://nrcerm.ru/education/ordinatura> (дата обращения: 06.04.2021)
9. «Правила приема граждан по образовательным программам высшего образования – программам ординатуры в 2021 году» ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет» [Электронный ресурс]. URL: <https://gpmu.org/education/residents/priem> (дата обращения: 06.04.2021)
10. «Правила приема на обучение по образовательным программам высшего образования по программам ординатуры на 2021/2022 учебный год» ФГБОУ ВО ПСПбГМУ им. И.П. Павлова Минздрава Рос-

сии [Электронный ресурс]. URL: https://www.lspbgmu.ru/images/home/Obrazovanie/pravila_priema/2021 (дата обращения: 06.04.2021)

11. Ординатура. Обучение иностранных граждан [Электронный ресурс]. URL: <https://szgmu.ru/rus/s/154> (дата обращения: 06.04.2021)

12. «Программе вступительных испытаний в ФГБОУ ВО ПСПбГМУ им. И. П. Павлова Минздрава России для иностранных граждан, лиц без гражданства, поступающих по образовательным программам высшего образования - программам ординатуры» [Электронный ресурс]. URL: <http://abit.lspbgmu.ru/admission/other> (дата обращения: 06.04.2021)

13. Практика набора и обучения иностранных абитуриентов в вузах России: методическое пособие / Науч. ред. Л. А. Вербицкая; авт.-сост. Т. В. Васильева, А. А. Жидикин, А. В. Коротышев и др. СПб. : ПО-ПРЯЛ, 2019. 190 с.

14. Сурыгин А. И. Основы теории обучения на неродном для учащихся языке. СПб. : Златоуст, 2000. 233 с.

15. Куриленко В. Б. Непрерывное профессионально ориентированное обучение русскому языку иностранных медиков: теория и практика : монография. Москва : РУДН, 2017. 352 с.

16. Методические рекомендации по оцениванию специалистов здравоохранения при аккредитации (выпуск 1) / сост.: Ж. М. Сизова, В. И. Звонников, М. Б. Чельшкова; отв. ред. Ж. М. Сизова. – М. : Издательство Первого Московского государственного медицинского университета имени И. М. Сеченова, 2016. 44 с.

17. Методические рекомендации по организации и реализации дополнительных общеобразовательных программ, обеспечивающих подготовку иностранных граждан и лиц без гражданства к освоению профессиональных образовательных программ на русском языке [Электронный ресурс]. URL: https://www.pushkin.institute/projects/oppf/OPPF_Metod_rekomendacii_2016.pdf (дата обращения: 06.04.2021)

18. Тестовые задания для первичной аккредитации выпускников, завершающих в 2018 году подготовку по образовательной программе высшего медицинского образования в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом по специальности «Лечебное дело» [Электронный ресурс]. URL: https://fmza.ru/upload/medialibrary/0e0/btz_lechebnoe_delo_2018.pdf (дата обращения: 06.04.2021)

19. Тестовые задания для первичной аккредитации выпускников, завершающих в 2018 году подготовку по образовательной программе высшего медицинского образования в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом по специальности «Стоматология» [Электронный ресурс]. URL: https://fmza.ru/upload/medialibrary/da2/btz_stomatologiya_2018.pdf (дата обращения: 06.04.2021)

20. «Требования к оценочным средствам для аккредитации специалистов здравоохранения» [Электронный ресурс]. URL: https://fmza.ru/upload/medialibrary/37a/trebovaniya-k-os-dlya-akkreditatsii-spetsialistov-zdravookhraniya_2018.pdf (дата обращения: 06.04.2021)

21. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации № 1304 от 3 октября 2014 года «Об утверждении требований к освоению дополнительных общеобразовательных программ, обеспечивающих подготовку иностранных граждан и лиц без гражданства к освоению профессиональных образовательных программ на русском языке» [Электронный ресурс]. URL: http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/pr_mon/03_10_2014_1304 (дата обращения: 06.04.2021)

22. Гирфанова Э.М. Обучение иностранцев-нефилологов русскому языку на последипломном уровне для подготовки кадров высшей квалификации: новые задачи и новые проблемы // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Издательство: Общество преподавателей русского языка и литературы (Санкт-Петербург), 2016. № 5. С. 1723-1728.

23. Гирфанова Э.М. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному в специальных целях на последипломном уровне // Русская словесность в научном, культурном и образовательном пространстве (к 90-летию со дня рождения профессора В. И. Максимова). Материалы докладов и сообщений XXI международной научно-методической конференции. Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна; Ответственный редактор Н.Т. Сви́динская. 2016. С. 325-329.

24. Шехватова А.Н. Формирование профессионально-коммуникативной компетенции в системе обучения русскому языку как иностранному специалистов-медиков на подготовительных курсах // Диалог наук в XXI веке. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Ответств. ред. О.Б. Нигматуллин. Уфа: Автономная некоммерческая организация "Исследовательский центр информационно-правовых технологий", 2017. С. 37-39.

25. Гирфанова Э. М. Слова моей профессии. Рабочая тетрадь : учебно-методическое пособие. СПб. : Изд-во СЗГМУ им. И. И. Мечникова, 2017. 44 с.

26. Шехватова А. Н. Основы научного стиля речи : учебно-методическое пособие. СПб. : Изд-во СЗГМУ им. И. И. Мечникова, 2017. 64 с.

27. «Рекомендации к составлению тестовых заданий и образцы комментария эксперта» [Электронный ресурс]. URL: <https://fmza.ru/metod/instruktsii/mr-otsenochnye-sredstva> (дата обращения: 06.04.2021)

28. Прохоренкова И. В. Введение в научный стиль речи. Часть II: учебно-методическое пособие. СПб. : Изд-во СЗГМУ им. И. И. Мечникова, 2019. 92 с.

29. Например, при заполнении электронных анкет для поступающих в ординатуру в 2020 году слушатели испытывали трудности в выборе правильного пункта, фиксирующего наличие стажа работы, из предложенных формулировок: «Общий стаж работы с СПО от 1 года (не менее 0,5 ставки)», «Общий стаж работы с ВО от 2 лет (1,0 ставка)», «Общий стаж работы с ВО от 1 года до 2 лет (1,0 ставка)», «Общий стаж работы с ВО (сельская местность)», «Я-профессионал».

References

1. Federal Law No. 273-FZ of 29.12.2012 "On Education in the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: <https://fzrf.su/zakon/ob-obrazovanii-273-fz/st-78.php> (accessed: 06.04.2021)

2. Resolution of the Government of the Russian Federation of 08.10.2013 No. 891 "On the establishment of quotas for the education of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation" [Electronic resource]. URL: <http://government.ru/docs/7126> (accessed: 06.04.2021)

3. Federal Law of May 24, 1999 N 99-FZ "On the State policy of the Russian Federation in relation to compatriots abroad" [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13875> (accessed: 06.04.2021)

4. Training of foreign citizens in educational organizations of higher education in the Russian Federation: Statistical collection. Issue 16 / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. - Moscow: Center for Sociological Research, 2019. 208 p.

5. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation of 11.05.2017 No. 212n "On approval of the Procedure for admission to training in educational programs of higher education-residency programs" [Electronic resource]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201706080016> (accessed: 06.04.2021)

6. "The right of admission to the North-Western State Medical University named after I. I. Mechnikov of the Ministry of Health of the Russian Federation for training in educational programs of higher education-residency programs in 2021" [Electronic resource]. URL: <https://szgmu.ru/rus/s/1137> (accessed: 06.04.2021)

7. "Rules of admission to St. Petersburg State University for training in the main educational programs of residency in 2021" [Electronic resource]. URL: https://abiturient.spbu.ru/files/2021/ord/pravila_priema_2021.pdf (accessed: 06.04.2021)

8. "The procedure for admitting citizens to study under educational programs of higher education-residency programs for the 2020-2021 academic year" of the Nikiforov EMERCOM of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <https://nrcerm.ru/education/ordinatura> (accessed: 06.04.2021)

9. "Rules for the admission of citizens for educational programs of higher education-residency programs in 2021" FGBOU VO "Saint-Petersburg State Pediatric Medical University" [Electronic resource]. URL: <https://gpmu.org/education/residents/priem> (accessed: 06.04.2021)

10. "Rules for admission to training in educational programs of higher education under residency programs for the 2021/2022 academic year" of the Pavlov State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: https://www.lspbgmu.ru/images/home/Obrazovanie/pravila_priema/2021 (accessed: 06.04.2021)

11. Residency. Training of foreign citizens [Electronic resource]. URL: <https://szgmu.ru/rus/s/154> (date of reference: 06.04.2021)

12. "The program of entrance tests in the Pavlov State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation for foreign citizens, stateless persons entering the educational program of higher education - residency programs" [Electronic resource]. URL: <http://abit.lspbgmu.ru/admission/other> (accessed: 06.04.2021)

13. The practice of recruiting and training foreign applicants in Russian universities: methodical manual / Scientific ed. by L. A. Verbitskaya; author-comp. by T. V. Vasilyeva, A. A. Zhidikin, A.V. Korotyshev and others. St. Petersburg: ROPRYAL, 2019. 190 p.

14. Surygin A. I. Fundamentals of the theory of teaching in a non-native language for students. St. Petersburg: Zlatoust, 2000. 233 p.
15. Kurylenko V. B. Continuous professionally oriented teaching of the Russian language to foreign doctors: theory and practice: monograph. Moscow: RUDN, 2017. 352 p.
16. Methodological recommendations for the evaluation of healthcare professionals in accreditation (issue 1) / comp.: Zh. M. Sizova, V. I. Zvonnikov, M. B. Chelyshkova; ed. Zh. M. Sizova – - M.: Publishing House of the First Moscow State Medical University named after I. M. Sechenov, 2016. 44 p.
17. Methodological recommendations for the organization and implementation of additional general education programs that provide training for foreign citizens and stateless persons to master professional educational programs in Russian [Electronic resource]. URL: https://www.pushkin.institute/projects/oppf/OPPF_Metod_rekomendacii_2016.pdf (accessed: 06.04.2021)
18. Test tasks for primary accreditation of graduates who complete training in the educational program of higher medical education in accordance with the federal state educational standard for the specialty "Medical Care" in 2018 [Electronic resource]. URL: https://fmza.ru/upload/medialibrary/0e0/btz_lechebnoe_delo_2018.pdf (accessed: 06.04.2021)
19. Test tasks for primary accreditation of graduates who complete training in the educational program of higher medical education in accordance with the federal state educational standard for the specialty "Dentistry" in 2018 [Electronic resource]. URL: https://fmza.ru/upload/medialibrary/da2/btz_stomatologiya_2018.pdf (accessed: 06.04.2021)
20. "Requirements for evaluation tools for accreditation of healthcare professionals" [Electronic resource]. URL: https://fmza.ru/upload/medialibrary/37a/trebovaniya-k-os-dlya-akkreditatsii-spetsialistov-zdravookhraneniya_2018.pdf (accessed: 06.04.2021)
21. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 1304 of October 3, 2014 "On approval of the requirements for the development of additional general education programs that provide training for foreign citizens and stateless persons to master professional educational programs in Russian" [Electronic resource]. URL: http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/pr_mon/03_10_2014_1304 (accessed: 06.04.2021)
22. Girfanova E. M. Training of non-philologists in the Russian language at the postgraduate level for training highly qualified personnel: new tasks and new problems // Dynamics of language and cultural processes in modern Russia Publishing House: Society of Teachers of Russian Language and Literature (St. Petersburg), 2016. No. 5. P. 1723-1728.
- Russian Russian literature in the scientific, cultural and educational space (to the 90th anniversary of the birth of Professor V. I. Maksimov).23. Girfanova E. M. Some problems of teaching the Russian language as a foreign language for special purposes at the postgraduate level // Russkaya slovesnost' v nauchnom, kulturnom i obrazovatelnom prostranstvo (to the 90th anniversary of the birth of Professor V. I. Maksimov). Materials of reports and reports of the XXI International Scientific and Methodological conference. St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design; Executive editor N. T. Svidinskaya. 2016. P. 325-329.
24. Shekhvatova A. N. Formation of professional and communicative competence in the system of teaching Russian as a foreign language to medical specialists at preparatory courses // Dialog of Sciences in the XXI century. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference. Corresponding ed. by O. B. Nigmatullin. Ufa: Autonomous non-profit organization "Research Center of Information and Legal Technologies", 2017. P. 37-39.
25. Girfanova E. M. Words of my profession. Workbook : educational and methodical manual. St. Petersburg: Publishing House of the I. I. Mechnikov NWSMU, 2017. 44 p.
26. Shekhvatova A. N. Fundamentals of the scientific style of speech: an educational and methodological guide. St. Petersburg: Publishing House of the I. I. Mechnikov NWSMU, 2017. 64 p.
27. "Recommendations for the preparation of test tasks and samples of expert comments" [Electronic resource]. URL: <https://fmza.ru/metod/instruktsii/mr-otsenochnye-sredstva> (accessed: 06.04.2021)
28. Prokhorenkova I. V. Introduction to the scientific style of speech. Part II: educational and methodical manual. St. Petersburg: Publishing House of the I. I. Mechnikov NWSMU, 2019. 92 p.
29. For example, when filling out electronic questionnaires for applicants to the residency program in 2020, students experienced difficulties in choosing the right item that records the presence of work experience

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 81.366

10.36622/AQMPJ.2021.71.23.007

*Оренбургский государственный
педагогический университет
канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка
и методики преподавания русского языка*

*Твердохлеб О.Г.
Россия, г. Оренбург, тел. +7(3532) 77-12-48
e-mail: ogtwr@gmail.com*

*Orenburg State Teacher
Training University
The department of Russian language
and methodology of teaching Russian language,
PhD, Associate Professor
Tverdokhle O.G.
Russia, Orenburg, +7(3532) 77-12-48
e-mail: ogtwr@gmail.com*

О.Г. Твердохлеб

«ГРУДЬ» КАК ДОМИНАНТНЫЙ ТЕЛЕСНЫЙ ОРИЕНТИР В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО

В статье предпринята попытка описать и проиллюстрировать функционирование соматической лексики грудь для обозначения пространственных отношений в поэтических текстах лидера символизма Андрея Белого. Проведенный в работе анализ соматической лексики установил авторское понимание иерархии элементов телесного пространства, доминантным ориентиром в котором является «*грудь*». Показано, что в зависимости от того, кому принадлежит часть тела, репрезентированная в поэтическом мире А. Белого соматизмом *грудь* в качестве пространственного маркера, можно выделить 3 неравнозначные по объему группы конструкций. С помощью семантико-синтаксического анализа пространства телесности в поэтическом языке Андрея Белого выявлена асимметрия конечной и начальной точек действия, где ключевым образом является «направленность взгляда творца-наблюдателя на часть тела *грудь* как на конечную точку». На иллюстративном материале показано, что поэт для обозначения пространственных отношений с разной частотой использует доминантную соматическую лексику *грудь* в разнообразных предложно-падежных формах и в разных лексических значениях. Автор приходит к выводу о том, что Андрей Белый в своих поэтических произведениях при живописании телесных локаций: 1) предпочитает репрезентации соматизма *грудь* как 'Верхней части передней стороны туловища, ниже шеи, до живота'; 2) создает особенно яркие поэтические образы, употребляя соматизм *грудь* со значением, свойственным книжной поэтической речи: 'Полость верхней передней части туловища, как область сердечных волнений, эмоциональных переживаний, чувств' и 3) совершенно не употребляет эту лексику как символ женской природы и материнства, свойственный мифологическим и поэтическим воззрениям. Результаты, полученные в работе, могут оказаться интересными для литературоведов, исследующих творчество Андрея Белого. Полученные результаты могут найти применение и в практике составления словаря поэта.

Ключевые слова: идиостиль, Андрей Белый, доминанта, грудь, локативность.

O.G. Tverdokhle

"BREAST" AS A DOMINANT BODILY REFERENCE POINT IN THE POETIC TEXT OF ANDREY BELY

The article attempts to describe and illustrate the functioning of the somatic lexeme chest to denote spatial relations in the poetic texts of the symbolism leader Andrey Bely. The analysis of somatic vocabulary carried out in this work established the author's understanding of the hierarchy of elements of the body space, the dominant reference point of which is the "chest". It is shown that depending on who owns the part of the body represented in the poetic world, A. With breast somaticism as a spatial marker, we can distinguish 3 groups of structures that are not equal in

volume. Using semantic and syntactic analysis of the space of corporeality in the poetic language of Andrey Bely, the asymmetry of the final and initial points of action is revealed, where the key image is "the orientation of the Creator-observer's view of the part of the body as the final point". The illustrative material shows that the poet uses the dominant somatic lexeme chest in various prepositional and case forms and in different lexical meanings to denote spatial relations with different frequency. The author comes to the conclusion that Andrey Bely in his poetic works when painting bodily locations: 1) prefers the representation of somaticism of the chest as 'the Upper part of the front side of the trunk, below the neck, to the abdomen'; 2) creates particularly vivid poetic images, using the somaticism of the chest with the meaning inherent in book poetic speech: 'the Cavity of the upper front part of the trunk, as the area of heart excitement, emotional experiences, feelings' and 3) does not use this lexeme as a symbol of female nature and motherhood, characteristic of mythological and poetic views. The results obtained in this work may be interesting for literary scholars who study the work of Andrei Bely. The results obtained can also be applied in the practice of compiling a poet's dictionary.

Key words: idiostyle, Andrey Bely, dominant, chest, locativity.

Для современной лингвистики актуальны антропологические исследования, когда языковое пространство строится как антропоморфное [1, с. 243], в центре которого находится человек, а Мироздание создано «по его меркам» [2, с. 9]. Поэтому на протяжении нескольких последних десятилетий ([3]; [4]; [5]) и до сегодняшних дней ([6]; [7]; [8]; [9]; [10]; [11]; [12] и др.) наблюдается постоянный интерес лингвистов к соматической лексике (словам, обозначающим части тела, органы, кожный и волосистой покровы), антропоцентричность которых способствует изучению языковой картины мира («наивной анатомии» человека). Объектом нашего исследования также является тематическая группа слов, репрезентирующих части тела при описании пространственных отношений в поэтических текстах крупнейшего русского символиста Андрея Белого.

Языковым материалом для данного исследования послужили поэтические конструкции, включающие названия частей тела человека и животных, выявленные в поэтическом корпусе НКРЯ [13] (пользовательский подкорпус: Андрей Белый, содержащий: 505 документов общим объемом 54 161 слово), который по запросу:

S r:concr & ((pt:partb & pc:hum) | (pt:partb & pc:animal))

выдал: 375 документов общим объемом 1 309 вхождений.

1. Проведенный нами анализ соматической лексики, обнаруженной в НКРЯ, установил авторское понимание иерархии элементов телесного пространства. Андрей Белый в своих поэтических творениях достаточно активно, но с разной степенью частотности использует соматические лексемы в качестве пространственных ориентиров — всего 34 лексемы; почти 200 словоупотреблений. Приведем эти соматизмы в алфавитном порядке (цифры в скобках указывают общее число обнаруженных нами контекстов с этими лексемами в разных предложно-падежных формах с локативным употреблением; жирным шрифтом выделены лексемы с наиболее частотными употреблениями): *бок / бока / боки* (3), *борода* (2), *взгляд* (1), *взор* (1), *глаз / глаза* (11), *голова / головы* (22), ***грудь / груди*** (53), *губы / губки* (3), *душа / души* (5), *живот* (2), *жилы* (1), *зад* (1), *затылок* (1), *зубы* (1), *колена* (2), *ланиты* (1), *лик* (1), *лицо* (13), *лоб / лбы* (7), *лоно* (2), *морщины* (1), *нога / ноги / ножки* (11), *ноздри* (1), *нос* (3), *очи* (7), *палец* (1), *плечо / плечи* (5), *пуп* (1), *ресницы* (1), *рука / руки* (27), *слезы* (1), *уста* (1), *ухо / уши* (9), *чело* (3), *щеки / щечки* (12), *язва* (1). Выявленная степень частотности перечисленных соматизмов отражает «меру сфокусированности внимания» [14, с. 39] поэта на разных частях тела человека, функционирующих в его поэтических текстах в качестве пространственных ориентиров.

В лингвистике соматизмы рассматриваются как неоднородный лексический класс, включающий в себя «части тела», «части частей», «органы», «покровы», «отверстия», «места» и т.д. [15]. В миропозитике А. Белого в локативной позиции обычно представлены конкретные лексемы, называющие материально выраженные, видимые органы и части тела, в частности, **сомонимическая** лексика, включающая в себя номинации частей и областей человеческого тела (*грудь, голова, лицо, щеки, нога, рука, ухо* и др.). Единичными же телесными ориентирами в поэтической Вселенной Андрея Белого становятся такие соматизмы как: *губы, душа, живот, жилы, зад, затылок, зубы, колена, ланиты, лик, лоно, морщины, нос, палец, пуп, ресницы, слезы, уста, чело, язва*. Лексика же остеонимическая (номинация костей), спланхнонимическая (обозначающая внутренние органы), ангионимическая (именования элементов кровеносной системы) и корнонимическая (обозначение волос, ногтей и других роговых образований) практически не используется А. Белым в качестве пространственных ориентиров.

2. Приведенные выше количественные данные свидетельствуют о том, что ключевым пространственным ориентиром в поэтическом мире Андрея Белого является «*грудь*» (53 случая, то есть $\frac{1}{4}$ часть от общего количества всех обнаруженных нами соматизмов, употребленных в качестве пространственного ориентира).

Интересно, что доминантный анализ [16] общего количества всех соматизмов (1 309), зафиксированных нами (по НКРЯ) в поэзии А. Белого, выявил другую доминанту — лексему *рука* (140 словоупотреблений), а лексема *грудь* занимала лишь следующее в этом списке 2-ое место (91 словоупотребление). Сопоставляя эти данные и данные о количестве соматизмов, употребленных поэтом в качестве пространственных ориентиров, обнаруживаем значительный рост числа контекстов с соматизмом *грудь* (53 словоупотребления) по сравнению с контекстами, включающими соматизм *рука* (27 словоупотреблений). Описанные нами данные о количестве соматизмов показаны ниже в приведенной ниже таблице.

Кол-во соматизмов	Лексема <i>грудь</i>	Лексема <i>рука</i>
по НКРЯ	По запросу: грудь S r:concr & ((pt:partb & pc:hum) (pt:partb & pc:animal)): найдено: 69 документов; 91 вхождение	По запросу: рука S r:concr & ((pt:partb & pc:hum) (pt:partb & pc:animal)): найдено: 101 документ 140 вхождений
для обозначения пространственных отношений	53	27

Сведения, приведенные в таблице, безусловно, свидетельствуют о приоритете у автора именно части тела «грудь» при живописании локативных образов в его поэтической Вселенной.

3. Для дальнейшего детального анализа доминантной лексики, используемой поэтом в качестве пространственного ориентира, мы обратились к наиболее полному изданию стихотворений и поэм (в 2-х томах) Андрея Белого [17, с. 183], в котором «целиком воспроизводятся стихотворные книги, появившиеся при жизни автора»; «впервые в России печатается собрание стихотворений «Зовы времен», а также «впервые публикуются некоторые его стихотворения» [17, с. 183]. Методом сплошной выборки из этого издания было получено еще 28 контекстов, в которых *грудь* использована для выражения пространственных отношений. Таким образом, в нашей картотеке оказался 81 контекст с доминантой телесной локации, который и был подвергнут дальнейшему анализу.

4. Согласно физиологической конкретике, связанной с телом, *грудь* в норме: а) визуально является видимой частью тела и б) расположена в верхней части всего тела человека; в) если человек стоит, то его грудь обращена вперед; г) является вместилищем легких и сердца. На физиологических признаках этой части тела основано переносное употребление лексики *грудь* в мифопоэтике и лингвокультуре: по мифопоэтической топографии, *грудь* является одним из главных органов и относится к «одухотворенному верху» [19]; в русской лингвокультуре *грудь* характеризуется как «орган дыхания, вместилище человеческих чувств (гордости, храбрости)» [20, с. 5] и символизирует «огонь в антропоморфной модели Вселенной» [21, с. 186]; в русской фразеологии *грудь* связана с символом мужества и доблести людей, вставших на защиту чего-л. [22]; [23, с. 289-290]; [24, с. 719] и «нередко противопоставляется голове, в значении духовном» [25, с. 410].

Андрей Белый как носитель не только универсальных объективных знаний о теле человека, «культурной и национальной специфики концептуализации и вербализации параметров тела и их значимости в концептуализации и категоризации действительности» [19], но и субъективных знаний о теле (полученных на основе собственного жизненного опыта, в том числе поэтического), при живописании *грудь* в функции пространственного маркера акцентирует свое внимание как на физиологических признаках этой части тела, так и на лингво-культурных коннотациях лексики *грудь*.

5. В зависимости от того, кому принадлежит часть тела, репрезентированная в поэтическом мире А. Белого соматизмом *грудь* в качестве пространственного маркера, можно выделить 3 неравнозначные по объему группы конструкций, в которых доминантная лексема репрезентирует:

1) части тела человека (преобладающее большинство), нередко с указанием принадлежности этой части тела:

а) лирическому «Я», ср., напр., контексты, где указание на автора дается дейктически при помощи:

- притяжательного местоимения (*мой*): *И кто-то темный из провала / Выходит, пересекиши путь, / И острое вонзилось жало / в мою взволнованную грудь...* (Встреча [В. Брюсову, 4] (1909)) [13]; *Дыханьем вечера / В моюдохнула грудь* (Лета [Тристии] (1907)) [13]; *Иных миров знакомое зерно. / В моей груди отражено оно.* (Воспоминание (1914)) [13]; *Скользнули на груди моей, / Свиваясь, лопасти тумана* (Встреча [В. Брюсову, 4] (1909)) [13];

- личного местоимения 1-го лица в форме дательного падежа (*мне*): *Пропылишь мне на грудь кружевами* (Укор [Город] (1908)) [13]; *Мне в грудь ударь мечом разящим.* (Я это знал [Зима] (1908)) [13];

- личного местоимения 1-го лица в предложной форме дательного падежа (*ко мне*): *...нежным снегом, / Слетающим — на грудь ко мне* (Успокоение [Безумие] (1904-1906)) [13]; *...кольцо / Змеи / ... / прыжком сердитым / Ко мне на грудь* (Змея) [17, с. 492];

б) описываемому (-ой) лирическому (-ой) герою (героине), на которого (ую) указывается при помощи:

- притяжательного местоимения (*его, ее*), напр.: *Докучно бьет трещотка / в его пустую грудь* (Шут (1910-1911)) [13]; *Пылали в груди / ее сантименты* (Воспоминание [Прежде и теперь] (1903)) [13];

- личного местоимения 3-го лица в предложной форме дательного падежа (*к нему*): *К нему на грудь слетел* (Не тот) [17, с. 418]; *Склоняясь, береза льет / Волну / Своих кудрей / К нему на грудь.* (Как и всегда [Тристии] (1907)) [13];

- формы родительного падежа имени существительного: *Мог — в грудь — трупа — / Ткнуть — свой — рог...* («Над утесами, подкинутыми в хмури...» [В горах, 4] (1922)) [13];

2) (единично) часть тела животного (*конь*), указание на которого дается при помощи формы родительного падежа имени существительного: *На крутые груди коней кидается / Чахлый куст.* («В веках я спал... Но я ждал, ...» [Голос прошлого, 1] (1911)) [13];

3) (единично) часть окружающего лирического героя пространства (*земля*), указание на которого дается при помощи формы родительного падежа имени существительного: *И я к груди земли приник* (Современникам (1918)) [13]; *...падешь в крови ты / На груди земли* (На откосе [Деревня] (1906)) [13];

6. Семантико-синтаксический анализ пространства телесности в поэтическом языке Андрея Белого выявил асимметрию конечной и начальной точек действия, поскольку ключевым образом в индивидуально-авторской телесной сфере А. Белого является «направленность взгляда творца-наблюдателя на часть тела *грудь* как на конечную точку».

Поэт использует доминантную соматическую лексему *грудь* в разнообразных предложно-падежных формах единственного (абсолютное большинство случаев) и множественного числа (единично) и с разной частотой, а именно:

- в предложно-падежной форме на + вин. (22 случая), ср., напр., поэтические строки с указанной синтаксемой для выражения телесного ориентира направленного действия: *...головку склонивши на грудь* (Прогулка [Просветы] (1904)) [13];

- в + вин. (19 случаев), ср. контекст, где данная форма использована для изображения направления действия внутрь указанной части тела: *Отравлен я; мне ожерельем будь! / Мою печаль / Восторгом ядовитым / Ты осласи и — ввейся в грудь.* («Вы — зори, зори! ясно огневые...» (1909)) [13];

- в / во+ предл. (17 случаев), ср., в частности, случай, где данная форма употреблена для описания местонахождения внутри доминантного для поэта телесного объекта: *Разгулом тех же пламенных закатов / Гори в груди, / Подъявши стаи зарев и набатов...* (А.М. Поццо (1916)) [13];

- на + предл. (12 случаев), напр., для выражения семантики местонахождения на описываемой в нашем исследовании части тела: *На груди моей косматой / Смой мочалом кровь* (В городке [Деревня] (1908)) [13];

• к (ко)+ дат. (6 случаев), напр., для изображения телесного предела действия: *Мой друг запел, к груди прижав / Вдруг зарыдавшую гитару.* (Пир) [17, с. 457];

• из + род. (3 случая), напр., для изображения исходного пункта действия из внутреннего пространства описываемой части тела: *И сердце / ... / Пусть из груди — разорванной темницы — / Летит к Тебе* (Антропософии (1918)) [13];

• с + род. (1 случай), в частности, для изображения отправного телесного пункта действия: *Бывало, сбрасывает повязь / С груди — переливной, родной* (Первое свидание) (Первое свидание (1921)) [13];

• у + род. (1 случай), напр., для изображения места через пограничную близость с описываемым телесным объектом: *Засыпающий там у грудей: — / Там — убогие стаи избенок, / Там — убогие стаи людей.* (Из окна вагона [Россия] (1908)) [13].

7. Разные толковые словари русского языка ([26]; [27] и др.) отмечают многозначность слова «грудь», но наиболее детальное толкование этому слову дает «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова [28, Стб. 629], поэтому именно его материалы мы будем использовать в своем дальнейшем исследовании.

Данные нашей картотеки свидетельствуют, что Андрей Белый для выражения пространственных отношений использует доминантную лексему-соматизм в разных лексических значениях (далее — ЛЗ).

1) Особое место в произведениях поэта при изображении телесной локации занимает *грудь* как ‘Верхняя часть передней стороны туловища, ниже шеи, до живота’ (ЛЗ-1 по: [28, Стб. 629]. А. Белый употребляет соматизм в этом значении наиболее активно (31 раз), используя:

а) предложно-падежную форму «на + вин.» соматизма *грудь* (17 случаев), напр.: *На грудь бурьян, кривой, лихой, / Свой поздний пух — на грудь уронит.* (На скате [Россия] (1906)) [13]; *Кусты, вскипая, мне на грудь / Хаосом листьев изревется* (Прошлому [Тристи] (1907)) [13]; *И на грудь упали пряди / Золотых твоих волос* (Злая страсть) [18, с. 452]. В синтагматической связи с глаголом «кидается» поэт употребляет соматизм *грудь* в форме единственного числа, если соматизм репрезентирует часть тела человека, ср.: *Кидается на грудь, на плечи — / Чертополох, чертополох: (Успокоение (1904)) [13];* в аналогичном примере, где соматизм репрезентирует часть тела животного, употреблена ненормированная индивидуально-авторская форма множественного числа, ср.: *На крутые груди коней кидается / Чахлый куст.* («В веках я спал... Но я ждал, ...» [Голос прошлого, 1] (1911)) [13]. Наш материал свидетельствует, что в разные годы творчества поэт нередко вновь повторяет (хотя и вариативно) созданный ранее (при помощи описанной синтаксемы) поэтический образ, в частности:

- образ «изменения положения части тела» (*склонить*) (6 контекстов), ср.: *Жизнь разогрей / Главу свою владыко сильный / Склонил на старческую грудь* (Фонтан (1901)) [18, с. 445]; *...головку склонивши на грудь* (Прогулка [Просветы] (1904)) [13]; *Склоняя / Головку на грудь — / Не рыдай* (Наши тени (1904-1931)) [18, с. 192]. Ср. также метафорическое изображение: *За годом год течет... / И плещет / Пруд: «Скорей / Ее забудь...» / Склонясь, береза льет / Волну / Своих кудрей / К нему на грудь.* (Как и всегда [Тристи] (1907)) [13];

- образ «расположения на части тела» (*ложиться*) (3 контекста), ср.: *Теневой с зарей ложится / Мне на грудь оконный крест.* («Ночь уходит. Луч денницы...» [Горемыки | Успокоение, 2] (1905)) [13]; *Мне на грудь с зарей ложится / Теневой, оконный крест.* (Заключение) [17, с. 473]; *На грудь и на плечи ложатся седины* (На границе между Перимской и Феотирской церковью) [18, с. 448];

- образ «вертикального перемещения» (*слететь*) (2 контекста), ср. *И кто-то с выси ледяной / (Как сел на трон, венец приявши) / К нему на грудь слетел* (Не тот) [17, с. 418];

б) предложно-падежную форму «на + предл.» (11 случаев), напр.: *На груди, на медных коленях, / На гребенчатом шлеме — пыль* (Близкой (1910-1911)) [13]; *Красы свои нагие / Закрыла на груди* (Старинный дом [Город] (1908)) [13]; *Скользнули на груди моей, / Свиваясь, лопасти тумана* (Встреча [В. Брюсову, 4] (1909)) [13]; *На груди моей косматой / Смой мочалом кровь* (Убийство (1908)) [18, с. 152]. Излюбленный образом поэта становится:

- образ «расположение одной части тела в определенном положении на другой части тела» (*сложить / складывать*) (2 контекста), ср. *Паренек уходит во скитаньице; / Белы-руки сложит / На груди* (Горе [Россия] (1906)) [13]; *Издали / Прошушужаю милой Легким лепетом, / Руки складывая / На груди / ... / Руки складывая / На груди / К милой / Лепетом / Прилечу издали / ... / Руки склады-*

вая / На груди: / «Приходи»! (Приходи [Просветы] (1907)) [13]; *«И — падаю / Я, / Руки / Складывая / На груди!»* (Мое бремя [Исход] (1906-1929)) [13];

в) предложно-падежную форму «к (ко)+ дат.» (3 случая), при чем во всех случаях рисуется один образ:

- образ «давления к части тела» (*прижать*), ср.: *Взволнованно потом прижав / ... / К груди взрыдавшую гитару* (Пир (1905)) [13]; *Братоубийственную руку / Я радостно к груди прижал* (Ответ на посвящение (В. Брюсову) (1909)) [13];

2) Лексеме *грудь* А. Белый употребляет со значением ‘Внутренняя полость, соответствующая этой поверхности туловища’ (Оттенок ЛЗ-1 по: [28, Стб. 629] только для изображения:

- «отрицательного воздействия на тело, повреждения тела», ср.:

а) предложно-падежную форму «в + вин.» соматизма *грудь* (4 случая): *И всадил я ножик вострый / В грудь по рукоять* (Убийство [Деревня] (1908)) [13]; *...ножик свистнул — / В грудь, в живот и в бок.* (Убийство [Деревня] (1908)) [13]; *Мог — в грудь — трупа — / Ткнуть — свой — рог...* («Над утесами, подкинутыми в хмури...» [В горах, 4] (1922)) [13]; *Вонзить / В то, / Что так пахло, / Где угодно, / Как угодно, / в грудь, / в живот / иль зад / Свой рог* (Сказание об Али-Бабе [Белые стихи] (1929)) [13];

б) предложно-падежную форму «в / во+ предл.» (1 случай): *Иль падая, шептать слова Молитвы / «С свинцом в груди...».* (Вещий сон) [17, с. 494]. Отметим, что представленный в этой группе единственный пример является «строчкой Лермонтова» (как указывает А. Белый в своем примечании [17, с. 494]).

3) Свойственное поэтическому стилю употребление лексемы *грудь* со значением: ‘Поверхность, наружные слои земли’ (оттенок переносного ЛЗ-1 по: [28, Стб. 629]) представлено в творчестве А. Белого двумя контекстами, где обнаруживаем:

а) предложно-падежную форму «на + предл.» соматической лексемы *грудь* (1 случай): *...падешь в крови ты / На груди земли* (На откосе [Деревня] (1906)) [13];

б) предложно-падежную форму «к (ко)+ дат.» (1 случай): *И я к груди земли приник* (Современникам (1918)) [13].

4) Употребление соматизма *грудь* со значением: ‘Полость верхней передней части туловища, какместилище легких’ (ЛЗ-2 по: [28, Стб. 629]) для обозначения пространственных отношений (11 контекстов) ожидаемо связано с:

- образами «дыхания», «ветра», «воздуха», ср.:

а) предложно-падежную форму «на + вин.» соматизма *грудь* (2 случая): *На грудь мою / Прохладой хладно плещет, — / На грудь мою Борей.* (Ночь [Тристии] (1907)) [13];

б) предложно-падежную форму «в + вин.» (4 случая): *Ну, не обессудь. / Я бегу, смеживши веки. / Ветер свищет в грудь.* (Убийство [Деревня] (1908)) [13]; *Войдет сквозняк, / Пугливо в грудь ударит* (Сантиментальный романс [Разуверенья] (1908)) [13]; *Дыханьем вечера / В мою дохнула грудь* (Лета [Тристии] (1907)) [13]; *Она сказал мне, / Она дохнула в грудь: / «Тебе идти, тебе...»* (Она) [17, с. 486];

в) предложно-падежную форму «в / во+ предл.» (5 случаев): *В очах ни слез, в груди ни вздоха. / ... / В очах нет слез. В груди нет вздохов.* (Успокоение. Из воспоминаний помешанного) [17, с. 464]; *В надорванной груди — ни вздоха* (Успокоение [Безумие] (1904-1906)) [13]; *В очах — нет слез, в груди — нет вздохов* (В темнице(1904)) [13].

5) Особенно яркие поэтические образы создает А. Белый, употребляя в качестве пространственного маркера соматизм *грудь* со значением, свойственным книжной поэтической речи: ‘Полость верхней передней части туловища, как область сердечных волнений, эмоциональных переживаний, чувств’ (ЛЗ-3 по: [28, Стб. 629]). Все обнаруженные контексты (17 случаев) характеризуются наличием абстрактной лексики, называющей наиболее общие понятия, чувства, состояния, оценки и др., ср. примеры, включающие:

а) предложно-падежную форму «на + вин.» соматической лексемы *грудь* (2 случая): *Как бабочки, сияющие знаки / Летят на грудь ко мне* (К России (1918)) [13]; *А пыльный, полудневный пламень / Немою глыбой голубой / Упал на грудь, как мутный камень, / Непререкаемой судьбой.* («Июльский день: сверкает строго...» (1920)) [13];

б) предложно-падежную форму «в + вин.» (5 случаев); *Бьешь в усталую грудь ты тюльпаном?* (Безумец (1904)) [13]; *Отравлен я; мне ожерельем будь! / Мою печаль / Восторгом ядовитым / Ты ослasti и — ввейся в грудь.* («Вы — зори, зори! ясно огневые...» (1909)) [13]; *И кто-то темный из*

провала / Выходит, пересекиши путь, / И острое вонзилось жало / **в мою взволнованную грудь...** (Встреча [В. Брюсову, 4] (1909)) [13]; **Докучно бьет трещотка / в его пустую грудь** (Шут (1910-1911)) [13]. В строках: **Завтра брызнет пулемет / Там в сотни возмущенных грудей;** / Чугунный грохот изольет, / Рыдая, злая пасть орудий. (Пир [Город] (1905)) [13] контекст допускает и выделение у лексемы *грудь*, употребленной в форме множественного числа, переносного (синекдоха; с части на целое) значения 'люди';

в) предложно-падежную форму «в / во+ предл.» (11 случаев): **Разгулом тех же пламенных закатов / Гори в груди,** / Подъявши стаи зарев и набатов... (А.М. Поццо (1916)) [13]; **Как зарей вечернею, зеленою, — / Как поет восторг, поет в груди!** (Жизнь [Просветы] (1906)) [13]; **В потухнувшей груди!** (Освободи...) [18, с. 236]; **Свирепая, крепкая водка, Огнем разливайся в груди!** (Бурьян [Россия] (1905-1908)) [13]; **Любовь в груди свою — / Оледени, студи!** (Врагам [Разуверенья] (1908)) [13]; **Горе навек поселилось / в груди...** (Старое поколение) [18, с. 424]; **Сердце опять / Рвется в груди...** («Утро. Восток») [18, с. 448]; **В груди всклокочет вольный хохот** («Опять он здесь...») [18, с. 454]; **Иных миров знакомое зерно. / В моей груди отражено оно.** (Воспоминание (1914)) [13]; **Пылали в груди / ее сантименты** (Воспоминание [Прежде и теперь] (1903)) [13]. В стихотворной строке: **Восторги — в воздухе расширенной груди...** («Снег — в вычернь севшая, слезеющая мякоть...») [Летние блески] контекст (содержащий лексему «воздух») позволяет определить у лексемы *грудь* и ЛЗ-2 (по: [28, Стб. 629]);

г) предложно-падежную форму «из + род.» (2 случая): **Топазы сыплются из глаз / ... / И ослепительно взорвется / Из волосатой груди свет.** (Пророк (1922)).

б) Единственная конструкции, где лексема *грудь* употреблена А. Белым в качестве пространственного ориентира со значением: 'Женские груди, бюст' (ЛЗ-4 по: [28, Стб. 629]) в предложно-падежной форме «у + род.»: **Засыпающий там у грудей:** — / Там — убогие стаи избенок, / Там — убогие характеризуется сниженным контекстом, создаваемым грамматически (ненормированной формой множественного числа у соматизма *грудь*; диминутивной формой *избенок*) и лексически (семантикой лексемы *убогий*).

7) Отметим особо, что, если мифологическим и поэтическим воззрениям свойственно связывать понятие *грудь* с «символом женской природы и материнства» [29, с. 563], то в качестве пространственного ориентира у А. Белого описываемый доминантный соматизм в значении: 'Одна из двух молочных желез женщины, образующих округлые возвышения на передней стороне верхней части женского туловища' (ЛЗ-5 по: [28, Стб. 629]) и с оттенком этого значения: 'Женские груди, какместилище молока для кормления грудных детей' совершенно не представлен.

8) В единственном (спорном) случае, где лексема *грудь* в форме с + род.» обнаружена со значением: 'Верхняя передняя часть мужской рубашки, облегающая грудь, манишка' (ЛЗ-6 по: [28, Стб. 629]), контекст позволяет определить и ЛЗ-1, ср.: **Бывало, сбрасывает повязь / С груди — переливной, родной** (Первое свидание) (Первое свидание (1921)) [13].

9) А. Белый употребляет в качестве телесного ориентира лексему *грудь*, входящую в состав фразеологизмов, ср.:

а) предложно-падежную форму «в + вин.» соматизма *грудь* (2 случая), где соматизм символизирует:

- «мужество и доблесть людей, вставших на защиту чего-л.» [5], представлен в конструкциях с глаголами «удар», ср.: **Бил себя в грудь:** / "Не воскреснешь ли ты?" (Ты опять со мной (1902)) [13]; **Пространство черное, ударь, — / Мне в грудь ударь мечом разящим.** (Я это знал [Зима] (1908)) [13];

б) предложно-падежную форму «к (ко)+ дат.» (3 случая), напр.: **Грудь к груди прижав** (Предчувствие [Деревня] (1908)) [13]; **В колокольчиках лиловых, / Грудь к груди прижав** (Убийство (1908)) [18, с. 150], где конструкция *грудь к груди* построена по аналогии с известными фразеологизмами (*грудь в грудь, грудь на грудь, грудь с грудью*) (зафиксированными в: [23, с. 121-122]; [30, с. 289-290]).

В) конструкции из двух поэтических произведений: ... **кольцо / Змеи / ... / прыжком сердитым / Ко мне на грудь, впинаясь жалом в грудь...** / **Обвейся, жаль (восторгом ядовитым / Отравлен я) — мне ожерельем будь!** (Змея) [17, с. 492]; и «Роза» — **мне говорят: жабу прижал я к груди.** (Людские пересуды) [18, с. 471], где обнаруживаются ассоциации с фразеологизмом «*пригреть (отогреть) змею на груди*» (зафиксированным в: [20, с. 246]; [24, с. 719]; [30, с. 289-290]).

Таким образом, проведенный в работе анализ соматической лексики установил авторское понимание иерархии элементов телесного пространства, где доминантным ориентиром является

«*грудь*», являющаяся частью тела лирического героя - человека (преобладающее большинство) либо (единично) частью тела животного или частью окружающего лирического героя пространства.

В результате семантико-синтаксического анализа пространства телесности в поэтическом языке Андрея Белого выявлена асимметрия конечной и начальной точек действия, где ключевым образом является «направленность взгляда творца-наблюдателя на часть тела *грудь* как на конечную точку».

Для обозначения пространственных отношений поэт с разной частотой использует доминантную соматическую лексему *грудь* в разнообразных предложно-падежных формах и в разных лексических значениях, при этом:

1) предпочитает репрезентации соматизма *грудь* как 'Верхней части передней стороны туловища, ниже шеи, до живота';

2) создает особенно яркие поэтические образы, употребляя соматизм *грудь* со значением, свойственным книжной поэтической речи: 'Полость верхней передней части туловища, как область сердечных волнений, эмоциональных переживаний, чувств';

3) совершенно не употребляет эту лексему как символ женской природы и материнства, свойственный мифологическим и поэтическим воззрениям.

Библиографический список

1. Топоров В. И. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227-284.
2. Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир — эпоха Просвещения / Сост. П.С. Гуревич. М.: Политиздат, 1991. 464 с.
3. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с.
4. Шмелёв А.Д. Стрoение человека в русской языковой картине мира Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянских культур, 2002. С. 19-37.
5. Шмелев А.Д. Дух, душа и тело в свете данных русского языка // Константы и переменные русской языковой картины мира // М.: Языки славянских культур, 2012. С. 83-99.
6. Бузюма М.В. Репрезентация качеств характера человека через соматические фразеологические единицы (на материале немецкого языка) // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2018. № 42. С. 88-91.
7. Грозан Н.Ф., Щербачук Л.Ф., Прудникова Т.И. Концептуализация национально-культурных стереотипов сквозь призму украинской соматической фразеологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 11. С. 226-231.
8. Гуляева С.Ю. Оценочная семантика пословиц и поговорок с компонентом - соматизмом «голова» // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 61-8. С. 30-33.
9. Гущина К.Н. Телесный код в ранней лирике В. Нарбута // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 3 (126). С. 169-175.
10. Скляр Е.С. Общая характеристика соматической лексики в ранней поэзии Д. Ревякина // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 145-147.
11. Тубалова И.В., Ван Х. Соматический код в восточнославянских лирических песнях // Русин. 2019. № 56. С. 267-293.
12. Ульянова О.Б. Семантический потенциал соматизмов в диахронии // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 5 (194). С. 51-57.
- 13 Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://search.ruscorpora.ru/> (дата обращения 20.07.2020).
14. Сорокин Ю.А. Антропоцентризм vs антропофилия: доводы в пользу второго понятия // Язык, сознание, коммуникация. М.: Филология, 1998. С. 34-44.
15. Крейдлин Г.Е., Переверзева С.И. Семиотическая концептуализация тела и его частей. I. Классификационные и структурные характеристики соматических объектов // Вопросы филологии. 2010. № 2 (35). С. 42-51.
16. Бобунова М.А. Онежские былины: Частотный словарь. Курск: Изд-во КГУ, 2003. 90 с.
17. Андрей Белый. Стихотворения и поэмы. Т. 1. СПб.; М.: Академический проект, Прогресс-Плеяда, 2006. 640 с.

18. Андрей Белый. Стихотворения и поэмы. Т. 2. СПб.; М: Академический проект, Прогресс-Плеяда, 2006. 654 с.
19. Клевцова О.Б. Концепт «человек телесный»: когнитивное моделирование и переносы (на материале сопоставительного анализа древнерусского и древнеанглийского языков) [Электронный ресурс]: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2007 209 с. URL: <http://www.dslib.net/sravnit-jazykoved/koncept-chelovek-telesnyj-kognitivnoe-modelirovanie-i-perenosy.html> (дата обращения 20.07.2020).
20. Чжэн Гуанцзе. Фразеология тела в русском языке глазами носителя китайской лингвокультуры: автореф. дис... канд филол. наук. М., 2013. 23 с.
21. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. 416 с.
22. Го Синь-и. Телесный код в китайской фразеологии и его русское соответствие: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 23 с.
23. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М.: Рус. яз., 1987. 543 с.
24. Урысон Е.В. Грудь // Активный словарь русского языка / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2014. Т. 2. С. 717-719.
25. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1: А-З: 2-е изд., испр. и доп.: 1880. СПб.; М.: Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа. 723 с.
26. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1988. 750 с.
27. Словарь русского языка: В 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981–1984. [Электронный ресурс]. <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vmas&wi=68111> (дата обращения 20.07.2020).
28. Грудь // Толковый словарь русского языка: В 4 т.: Т. 1: А — Кюрины / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ, 1935. Стб. 629.
29. Кабакова Г.И. Грудь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого. Т. 1. А-Г. М.: Международные отношения, 1995. С. 563-566.
30. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Под ред. А.Н. Тихонова. В 2 т. Т. 1. М.: Флинта: Наука, 2004. 832 с.
31. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.В. Дмитриева. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003 1582 с.

References

1. Toporov V.I. Space and text // Text: semantics and structure. Moscow, Nauka, 1983. Pp. 227-284.
2. Man: Thinkers of the past and present about his life, death and immortality. Ancient world-the age of Enlightenment / Comp. P.S. Gurevich. Moscow, Politizdat, 1991. 464 p.
3. Uryson E. V. Problems of studying the language picture of the world: analogy in semantics. Moscow, Languages of Slavic culture, 2003. 224 p.
4. Shmelev A.D. Russian language model of the world: Materials for the dictionary. The Structure of a person in the Russian language picture of the world. Moscow, Languages of Slavic cultures, 2002. Pp. 19-37.
5. Shmelev A.D. Russian Russian language data in the light of the Spirit, soul and body // Constants and variables of the Russian language picture of the world. Moscow, Languages of Slavic cultures, 2012. Pp. 83-99.
6. Buzyuma M.V. Representation of human character qualities through somatic phraseological units (based on the material of the German language). Foreign languages: linguistic and methodological aspects. 2018. No. 42. Pp. 88-91.
7. Grozyan N.F., Shcherbachuk L.F., Prudnikova T.I. Conceptualization of national-cultural stereotypes through the prism of Ukrainian somatic phraseology // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2019. Vol. 12. No. 11. Pp. 226-231.
8. Gulyaeva S.Yu. Evaluative semantics of Proverbs and sayings with a component-somatism "head" // Trends in the development of science and education. 2020. No. 61-8. Pp. 30-33.

9. Gushchina K.N. the Body code in the early lyrics of V. Narbut // Proceedings of Volgograd state pedagogical University. 2018. no. 3 (126). Pp. 169-175.
10. Sklyar E. S. General characteristics of somatic vocabulary in the early poetry of D. Revyakin // Baltic humanitarian journal. 2019. Vol. 8. No. 1 (26). Pp. 145-147.
11. Tubalova I.V., Van H. Somatic code in East Slavic lyric songs // Rusyns. 2019. No. 56. Pp. 267-293.
12. Ulyanova O. B. Semantic potential of somaticisms in diachrony // Bulletin of the Tomsk state pedagogical University. 2018. No. 5 (194). Pp. 51-57.
13. National corpus of the Russian language [Electronic resource]. URL: <http://search.ruscorpora.ru/> (date of application: 20.07.2020).
14. Sorokin Yu. a. Anthropocentrism vs anthropophilia: arguments in favor of the second concept // Language, consciousness, communication. Moscow, Philology, 1998. Pp. 34-44.
15. Kreidlin G.E., Pereverzeva S.I. Semiotic conceptualization of the body and its parts. I. Classification and structural characteristics of somatic objects // Questions of Philology. 2010. No. 2 (35). Pp. 42-51.
16. Bobunova M.A. Onega byliny: a Frequency dictionary. Kursk: KSU Publishing house, 2003. 90 p.
17. Andrey Bely. Poems and poems. Vol. 1. Saint-Petersburg; Moscow, Academic project, Progress-Pleiad, 2006. 640 p.
18. Andrey Bely. Poems and poems. Vol. 2. Saint-Petersburg; Moscow, Academic project, Progress-Pleiad, 2006. 654 p.
19. Klevtsova O.B. the Concept of "human body": cognitive modeling and transfers (on the material of comparative analysis of the old Russian and old English languages) [Electronic resource]: thesis ... PhD in philology. Tyumen, 2007 209 p. URL: <http://www.dslib.net/sravnit-jazykoved/koncept-chelovek-telesnyj-kognitivnoe-modelirovanie-i-perenosy.html> (date of application: 20.07.2020).
20. Zheng Guangjie. Phraseology of the body in the Russian language through the eyes of a native Chinese linguoculture: abstract of thesis ... PhD in philology. Moscow, 2013, 23 p.
21. Makovsky M.M. Comparative dictionary of mythological symbolism in Indo-European languages: the Image of the world and the worlds of images. Moscow, Humanit. ed. center VLADOS, 1996. 416 p.
22. Guo Xin-I. The body code in Chinese phraseology and its Russian correspondence: abstract of thesis ... PhD in philology. Moscow, 2004, 23 p.
23. Phraseological dictionary of the Russian language / ed. by A.I. Molotkov. Moscow, Rus. yaz., 1987. 543 p.
24. Uryson E. V. Chest // Active dictionary of the Russian language / Ed. Yu. D. Apresyan. Moscow, Languages of Slavic culture, 2014. Vol. 2. Pp. 717-719.
25. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living great Russian language: In 4 vols. Vol. 1: A-Z. 1880. Saint-Petersburg; Moscow, Publishing house of the bookseller-typographer M. O. Wolf. 723 PP.
26. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language / ed. By N.Yu. Shvedova. Moscow, Rus. yaz., 1988. 750 p.
27. Dictionary of the Russian language: In 4 volumes / edited by A. p. Yevgeneva. Moscow: Rus. yaz., 1981-1984. [Electronic resource]. <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068&di=vmas&wi=68111> (date of application: 20.07.2020).
28. Chest // Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 vols: Vol. 1 / Ed. by D.N. Ushakov. Moscow, State in-t " Sov. encikl."; ogiz, 1935. STB. 629.
29. Kabakova G.I. Chest // Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary / edited by N.I. Tolstoy. Vol. 1. A-G. Moscow, International relations, 1995. Pp. 563-566.
30. Phraseological dictionary of modern Russian literary language / ed. by A.N. Tikhonov. In 2 vols. Vol 1. Moscow, Flint: Nauka, 2004. 832 p.
31. Explanatory dictionary of the Russian language / ed. D.V. Dmitriev. Moscow, LLC "Publishing house Astrel": LLC "Publishing house AST", 2003 1582 p.

УДК: 821.161.1
10.36622/AQMPJ.2021.68.35.008

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук
доцент кафедры истории новейшей русской
литературы и современного литературного
процесса
Кротова Д.В.
Россия, г. Москва, тел. +7-495-939-26-42
e-mail: da-kro@yandex.ru*

*Lomonosov Moscow State University
Candidate of philological sciences
Associate professor of Chair of Modern Russian
literature and contemporary literary process
Krotova D.V.
Russia, Moscow, tel. +7-495-939-26-42
e-mail: da-kro@yandex.ru*

Д.В. Кротова

ОДИНОЧЕСТВО И ТРАГИЗМ БЫТИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Т. ТОЛСТОЙ

(Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Шанхайского фонда философии и общественных наук, проект «Направления и школы современной русской литературы» (2019BWY028))

Предметом исследования настоящей статьи является интерпретация темы одиночества в прозе Т. Толстой. Доказывается, что названная тема принадлежит к числу важнейших в творчестве писательницы и играет особенно значимую роль в рассказах 1980-х гг., а также в романе «Кысь» (2000). Цель статьи заключается в выявлении принципиально значимых аспектов трактовки исследуемой темы, характеристике онтологических смыслов в её интерпретации, осмыслении взаимосвязей между темой одиночества и представлением о трагичности человеческого бытия, присущем художественному мышлению Т. Толстой. Опираясь на методы герменевтического и сопоставительного анализа, автор статьи раскрывает ключевые грани понимания писательницей проблемы одиночества: оно становится своего рода универсальной бытийной моделью, поскольку каждый человек в мире так или иначе остается внутренне фатально отдален как от окружающих его людей, так и от понимания собственного «я», а также от постижения неких значимых основ существования. Исследуется свойственная мышлению Толстой корреляция между темой одиночества и мотивом предопределенности судьбы, предзаданности пессимистических онтологических схем. На материале романа «Кысь» аналитически раскрываются параллели между представлениями Т. Толстой о сущности негативных начал человеческого бытия и размышлениями философов-экзистенциалистов (в частности, Ж.-П. Сартра) о природе зла. Доказывается, что, наряду с раскрытием трагической стороны существования, тема одиночества в художественном мышлении Т. Толстой оказывается включена в ряде рассказов и в иной контекст: душевная чистота, добро и свет, благие онтологические начала.

Ключевые слова: современная проза, Т. Толстая, «Кысь», тема одиночества, отчуждение, хаос, идеи экзистенциализма в литературе.

D.V. Krotova

THE LONELINESS AND TRAGEDY OF BEING IN THE WORK OF T. TOLSTAYA

(The research was carried out with the financial support of Shanghai Foundation of Philosophy and Social Sciences, project "Directions and schools of modern Russian literature" (2019BWY028))

The subject of this article is the interpretation of the topic of loneliness in prose by T. Tolstaya. It is proved that this topic is among the most important in the work of the writer and plays a particularly significant role in the stories of the 1980s, as well as in the novel «The Slynx» (2000). The purpose of the article is to identify fundamentally significant aspects of the interpretation of the studied topic, to identify and characterize ontological meanings in its interpretation, to understand the relationships between the topic of loneliness and the idea of the tragedy of human being inherent in the artistic thinking of T. Tolstaya. Relying on methods of hermeneutic and comparative analysis, the author of the article reveals the most substantial facets of the writer's understanding of the problem of loneliness: it becomes a kind of universal life model, since every person in the world in one way or another remains internally fatally distant from both the people around him and from understanding his own self, as well as from comprehension some significant founda-

tions of existence. The correlation characteristic of Tolstaya's thinking between the theme of loneliness and the motive of predestination of fate, preordination of pessimistic ontological schemes is studied. On the material of the novel «The Slynx», parallels are analytically revealed between the ideas of T. Tolstaya about the essence of negative principles of human being and the reflections of existentialists (in particular, Jean-Paul Sartre) about the nature of evil. It is proved that along with the disclosure of the tragic side of existence, the theme of loneliness in the artistic thinking of T. Tolstaya is included in a number of stories in a different context: spiritual purity, kindness and light, good ontological fundamentals.

Key words: modern prose, T. Tolstaya, «The Slynx», the theme of loneliness, alienation, chaos, the ideas of existentialism in literature.

Тема одиночества – одна из важнейших в творчестве Т. Толстой. Наиболее яркое и полное выражение она получила в рассказах 1980-х гг., а также в романе «Кысь» (2000). Названная тема обладает особой значимостью в современной литературе: она подвергается осмыслению в творчестве В. Пелевина («Омон Ра», «Чапаев и Пустота» и др.), А. Варламова («Рождение», «Лох», «Мысленный волк», «Душа моя Павел»), З. Прилепина («Санька», «Обитель»), А. Иванова («Географ глобус пропил») и других авторов.

В прозе Т. Толстой тема одиночества получает многомерное художественное истолкование. Как полагает О.А. Колмакова, «ключевая экзистенциальная проблема одиночества» у Толстой зачастую становится основой «моделирования внутреннего мира персонажа» [1; с. 195]. Задача настоящей статьи – выявить наиболее значимые аспекты трактовки заявленной темы, раскрыть онтологические смыслы в её интерпретации, осмыслить связь между темой одиночества и представлением о трагичности человеческого бытия в художественном мышлении писательницы.

В творчестве Толстой одиночество становится своего рода универсальной онтологической моделью. Человек у Толстой зачастую одинок, непонят, фатально отдалён как от других людей, так и от понимания истинных основ собственного «я», от постижения подлинного смысла своего бытия. Как представляется, возможна параллель с кругом идей творчества В. Пелевина 1990-х годов, выраженном, например, в романе «Омон Ра», герой которого размышляет: «...мы, люди, думал я, вроде бы встречаемся, хохочем, хлопаем друг друга по плечам и расходимся, но в некоем особом измерении, куда иногда испуганно заглядывает наше сознание, мы так же неподвижно висим в пустоте, где нет верха и низа, вчера и завтра, нет надежды приблизиться друг к другу или хоть как-то проявить свою волю и изменить судьбу...» [2; с. 113]. Отчасти сходные закономерности взаимоотношений личности и мира, пусть и выраженные не столь эксцентрично, раскрываются, например, в рассказах Толстой «Круг», «Петерс», «Ночь» и других. Так, в рассказе «Ночь» (1987) главный герой, Алексей Петрович, замкнут сферой собственных ощущений и переживаний, любые его соприкосновения с миром болезненны и чреватые подлинной драмой (если не трагедией), его будто бы отделяет от всего, что его окружает, невидимая пелена, которая не дает ему возможности воспринимать картину мира целостно и объективно. Толстая размышляет здесь не только о главном герое рассказа, страдающем ментальным расстройством, но о положении любого человека в мире, о неких общих основах, определяющих самоощущение личности.

Размышления об одиночестве и невозможности его преодоления лежат и в основе рассказа «Спи спокойно, сынок» (1986). Героями этого произведения являются обычные люди, сознание которых вовсе не расколото болезнью, как у Алексея Петровича. Но, тем не менее, уровень взаимопонимания и гармонии с окружающим миром у них ненамного выше, чем у героя «Ночи». Персонажи этого рассказа – члены одной семьи, внешне их отношения ровны и приветливы, кажется, что в их общении есть место и любви, и пониманию. Но на самом деле за этой внешней вполне благополучной канвой скрывается глубокая драма взаимного отчуждения. Каждый из героев поглощен своим кругом переживаний, сосредоточен исключительно на своей жизни, на собственном внутреннем мире. Так, Сергей, выросший в детдоме и потерявший своих родителей ещё в малолетнем возрасте, постоянно погружён в мысли о том, кто его мать и отец, Сергея преследует острая потребность обрести отсутствующую в его жизни родительскую опору. Любая жизненная коллизия, с которой он сталкивается, любая беседа, в которой он участвует, так или иначе наводят его на размышления о матери, о навсегда потерянной семье. Как отмечает Ю.Ю. Даниленко, «с детства <...> Сергей отчаянно пытается примерить на себя различные модели идентичности: он готов быть сыном учительницы и поварахи, любой прохожей, лишь бы восстановить родовую связь, преодолеть онтологическое одиночество» [3; с. 97]. Сергей мысленно как будто бы остаётся в прошлом и постоянно обдумывает бесчисленные

несостоявшиеся «варианты» своей детской жизни. По справедливому наблюдению Н.Е. Рябцевой и М.В. Топчиевой, в современной литературе зачастую «топос детства не локализован в замкнутом идеальном континууме, не отделен от хаоса повседневности, – напротив, он включен в историко-культурную и социальную реальность и может быть постигнут лишь сквозь неё» [4; с. 59]. При том, что между Сергеем и женой Леночкой, а также тёщей Марьей Максимовной складываются, казалось бы, добрые и тёплые отношения, на самом деле внутренне Сергей одинок, полностью захвачен кругом своих переживаний и потому отгорожен плотной стеной недопонимания даже от самых близких людей. Но и родные Сергея, его жена и теща, тоже глубоко погружены в сферу собственных эмоций и, также как и Сергей, в действительности остаются один на один с миром своих чувств. Марья Максимовна постоянно вспоминает покойного мужа и свою жизнь с ним – и символом утраты этой жизни становится пропавшая роскошная каракулевая шуба, историю кражи которой Марья Максимовна настолько часто рассказывает, что Сергей однажды даже не выдерживает («Я это уже пятый раз слушаю» [5; с. 114]). А жена Леночка, «душой зыбкая и недоступная» [5; с. 106], витает в своих неведомых мирах, и Сергей «ночью лежал без сна, смотрел в ее тихое личико с розовыми тенями у глаз, удивлялся: кто такая?» [5; с. 112]. Это рассказ о глубинном одиночестве личности, не преодолеваемом даже тогда, когда, казалось бы, человек окружен сочувствующими близкими. На самом деле внутренне люди, даже живущие под одной крышей, зачастую предельно далеки друг от друга, траектории их душевных движений почти не соприкасаются. Личность обречена на одиночество и фатальный разрыв между собственными интенциями и миром внешним, даже если последний обращён к человеку в определённый период его жизни своей доброжелательной гранью.

Тема обречённости на непонимание и одиночество находится в центре художественного рассмотрения и в рассказе «Круг» (1987). Проблема одиночества показана здесь в онтологической перспективе, корреспондируя с мотивом предзаданности пессимистических бытийных схем и невозможности избежать роковой предопределённости. Главный герой рассказа, Василий Михайлович, всю жизнь стремился вырваться за пределы скучной повседневности, в своих мечтах он хотел бы начать другую, истинную жизнь, которая заменила бы его нынешнее, «неподлинное» существование: «Он придирчиво выбирал себе возраст, эпоху, внешность; то ему хотелось родиться пламенным южным юношей, то средневековым алхимиком, то дочкой миллионера, то любимым котом вдовы, то персидским царем. Василий Михайлович прикидывал, выбирал, капризничал, ставил условия, ударялся в амбицию, забраковывал все предложенные варианты, требовал гарантий, дулся, уставал, терял ход мысли и, откинувшись в кресле, долго глядел в зеркало на себя – одного-единственного» [5; с. 58]. Жизнь не оправдывает ожиданий, не открывает чего-то самого важного, самого ценного, несмотря на то, что главный герой отчаянно «пытался сойти с рельсов, провертеть дырочку в небосклоне, уйти в нарисованную дверь» [Там же]. Поиски родственной души для Василия Михайловича заканчиваются провалом – герой рассказа в очередной раз лишь констатирует, что «попытка вырваться из системы координат не удалась» [5; с. 59], и невозможно изменить назначенный путь, преодолеть одиночество, разрушить «трехмерность бытия, финал которого все приближался» [5; с. 58].

Порой попытки героев Толстой избавиться от одиночества и изменить предопределённую линию бытия оказываются комическими и одновременно глубоко драматическими. Именно так заявленная коллизия раскрывается, например, в рассказе «Петерс» (1986): Фаина, в которую влюбился главный герой, предстаёт насмешницей, юная Валентина – недостижимой мечтой, а девочка-«ангел», вдруг очутившаяся рядом с Петерсом в ночном клубе, куда тот забрёл в надежде обмануть судьбу, оказалась обыкновенной воровкой. И даже «женщина с большими ногами», на которой он «нечаянно, мимоходом, женился» [5; с. 250], в конце концов оставила его, чтобы «покупать мыло и помешивать в кастрюлях другому» [5; с. 251].

Важнейшие смысловые линии трактовки темы одиночества сконцентрированы в романе Толстой «Кысь» (2000), к анализу онтологических смыслов которого обращались такие учёные, как Т.Т. Давыдова и И.К. Сушила [6], М.М. Голубков [7], Н.П. Беневоленская [8], О.Е. Крыжановская [9], Г.Л. Нефагина [10] и другие.

Тему фатальной разобщённости людей (а также различных общественных структур, культурных кодов и пр.) Толстая называла одной из важнейших в романе: «В конечном счете этот роман о взаимонепонимании всех, о разнице в культурах, о невозможности найти общий язык» [11]. В романе раскрывается мысль о том, что человека окружает, говоря словами Толстой, «экзистенциальный хаос» [12; с. 151], и личность, пытаясь противостоять хаосу поисками родственной души, каких бы то

ни было жизненных опор, в итоге всё равно терпит крах на этом пути. «Экзистенциальный хаос», воплощённый здесь фантастическим образом кыси, проникает в душу человека и поработачивает её. Эта идея раскрывается прежде всего в повествовательной линии Бенедикта, который, более всего на свете страшась кыси, в итоге и становится ею.

Тема внутреннего одиночества Бенедикта (а его образ отражает размышления Толстой о человеке вообще, пусть и в гротесковом ракурсе) сохраняет значимость на протяжении всего романного повествования. Бенедикт порой боится оставаться один, не хочет быть наедине с самим собой, чтобы не стать жертвой Кыси, которая, как кажется герою романа, караулит его и готова в любой момент напасть («Кысь в спину смотрит!!!» [13; с. 98]). Бенедикт нередко стремится быть рядом с другими, поближе к «голубчикам», но при этом некая дистанция всё равно отдаляет его от окружающих. Конечно, его одиночество не отрефлектировано, не осмыслено им самим в духе сложных ментальных и этических представлений носителя книжной культуры; Бенедикт мыслит в простых (и даже порой примитивных) категориях мира «голубчиков», полагая, что он «не ВРАСТЕНИК» («Ну что же – нет так нет, это уж как кому повезло» [13; с. 101]). Вместе с тем, он переживает истинное состояние потерянности и глубокого одиночества, которое прорывается, например, в его внутреннем монологе в главе «Покой», где голос Бенедикта – незлого, но весьма недалекого «голубчика» – обретает иные обертоны, значительно более глубокие, ассоциирующиеся уже не столько с самими персонажем романа, сколько с непосредственным высказыванием автора: «И снежные смерчи поднимутся с темных полей, где ни огонька над головой, ни путника на бездорожье, ни севера, ни юга, только белая тьма да метельная слепота, и понесутся снежные смерчи, и подхватят кысь, и полетит над городком смертная жалоба, и заметет тяжелым сугробом мое слабое, незрячее, захотевшее пожить сердце!..» [13; с. 160].

Мотив метели, раскрытый в процитированном монологе, проходит сквозь весь роман и семантически связан одновременно и с темой одиночества, и с образом кыси – угрожающим деструктивным началом: «Наметет высокие сугробы, засвищет по улочкам, занесет избы по самые окна. Застонут высокие деревья в северных лесах, выйдет из лесу кысь, подступит к городку, завоюет жалобно: кы-ысь! кы-ысь! А над городком снежный ветер бушует, над теремами завивается, далеко разносит дикую жалобу» [13; с. 44]. Символическое наполнение образа кыси, воплощающего в романе разрушительные начала бытия, связывает мышление Толстой с экзистенциалистской традицией. В понимании философов-экзистенциалистов негативные онтологические импульсы имеют не внешний характер, а коренятся в самой человеческой природе (что наиболее ёмко выражено знаменитой формулой Ж.-П. Сартра «Ад – это Другие» [14; с. 111]). Так же и у Толстой кысь оказывается не чужеродным началом, извне вторгающимся в жизнь человека и разрушающим ее, а имманентно присущим внутреннему устройству личности. Не случайно в финале романа «кысью» оказывается сам Бенедикт, который, по словам М.М. Голубкова, превратился «из наивного, доброго, робкого <...> «голубчика» в страшного санитаря, способного в поисках уцелевшей книги ворваться в дом и убить любого» [7; с. 346]. Оказавшись во власти дурных импульсов своей собственной природы, забыв о жалости и сострадании, Бенедикт фактически оборачивается «кысью». Даже слова, сказанные о кыси, которую так боялся Бенедикт («...голодно ей, голодно! Мука ей, мука!» [13; с. 99]), звучат к концу повествования из уст самого главного героя романа («Голодно мне! Мука мне!» [13; с. 308]). Толстая в духе экзистенциалистской традиции размышляет о том, что деструктивные начала коренятся прежде всего в человеческой душе, а вовсе не являют собой некоего «внешнего врага».

Несмотря на отчетливо выраженный критический вектор в представлениях Т.Толстой о человеке и безусловное наличие в её мировоззрении трагических элементов, жизнеощущение писательницы нельзя признать сугубо пессимистическим. Хотя человеческое существование Т.Толстая зачастую показывает пронизанным одиночеством и хаосом, разрушением и забвением, ее художественная система отнюдь не исключает позитивных сторон. Даже в размышлениях на тему одиночества Толстая склонна выявлять не только негативные грани. В произведениях автора одиночество порой настигает людей чистых душой, добрых и альтруистичных, «не вписывающихся» в меркантильный и прагматический окружающий мир. Достаточно вспомнить такие рассказы, как «Соня» (1984), «Самая любимая» (1986), «Вышел месяц из тумана» (1987). Например, главная героиня рассказа «Соня» глубоко одинока (и обретает родственную душу лишь в мире иллюзий), но так происходит именно потому, что она совсем не похожа на других. Это тонкая натура, возвышенная, способная на добро и истинную любовь, в отличие от её окружения – прежде всего от Ады Адольфовны и Льва Адольфовича – людей общительных, великолепно социализированных, но готовых при этом на подлость и жесто-

кость. Героиня рассказа «Самая любимая», Женечка, – одинокая учительница-филолог, человек безграничной доброты, всю свою жизнь посвятивший труду и заботам о других. Наташа из рассказа «Вышел месяц из тумана» – тоже учительница, исключительно светлая натура. Одиноким героям Т.Толстой часто в силу своей чистоты просто не замечают тех отрицательных явлений, которые неизбежно присутствуют в жизни, – меркантильности и расчета, зла и подлости. Нередко, как показывает писательница, именно эти начала и берут верх. Но несмотря на то, что трагизм человеческого бытия Т.Толстая не отрицает, и в её художественном мире отражается представление о том, что судьбу зачастую невозможно изменить и преодолеть некую предначертанную онтологическую стратегию, всё равно жизнь остаётся, как утверждает Т.Толстая в рассказе «Петерс», «прекрасной, прекрасной, прекрасной» [5; с. 252].

Библиографический список

1. Колмакова О.А. Феномен уединенного сознания в прозе Т. Толстой // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. №2 (58). Т. 1. С. 195-198.
2. Пелевин В.О. Омон Ра. М.: Издательство «Э», 2015. 160 с.
3. Даниленко Ю.Ю. Опыт гендерного анализа современного текста (на материале рассказа Татьяны Толстой «Спи спокойно, сынок») // Филологический класс. 2016. №2 (44). С. 96-99.
4. Рябцева Н.Е., Топчиева М.В. Топос детства в современной русской литературе // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2018. №2 (29). С. 54-60.
5. Толстая Т.Н. Ночь: Рассказы. М.: Подкова, 2001. 352 с.
6. Давыдова Т.Т., Сушилина И.К. Современный литературный процесс в России: учебное пособие. М.: МГУП, 2007. 364 с.
7. Голубков М.М. История русской литературной критики XX века: учебное пособие. М.: Юрайт, 2016. 271 с.
8. Беневоленская Н.П. «Кысь» Т. Толстой как идеологический роман // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. №110. С. 132-142.
9. Крыжановская О.Е. Антиутопическая мифопоэтическая картина мира в романе Татьяны Толстой «Кысь»: дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005. 198 с.
10. Нефагина Г.Л. Азбуки Т. Толстой (Жанр и поэтика романа «Кысь») // Научные труды кафедры русской литературы БГУ. Минск: РИВШ, 2002. Вып. 1. С. 122-139. [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/42946?mode=full> (дата обращения: 05.12.2020).
11. Толстая Т. «Опыт взаимной глухоты». Семинар писательницы в Токийском университете, 26 октября 2001 г. Беседа с К. Нумано, Ю. Ёсиока, А. Долиным. [Электронный ресурс]. URL: <https://susi.ru/stol/tolstaya.html> (дата обращения: 14.12.2020).
12. Толстая Т. Писание как прохождение в другую реальность. Интервью // Постмодернисты о посткультуре: Интервью с современными писателями и критиками / Сост., предисл. и ред. С. Ролл. М.: Элинин, 1996. С. 131-154.
13. Толстая Т.Н. Кысь: Роман. М.: Подкова, 2001. 320 с.
14. Сартр Ж.-П. Философские пьесы. М.: Канон, 1996. 384 с.

References

1. Kolmakova O.A. Phenomenon of secluded consciousness in T. Tolstaya's prose // Bulletin of Kemerovo State University. 2014. №2 (58). Vol. 1. P. 195-198.
2. Pelevin V.O. Omon Ra. Moscow, 2015. 160 p.
3. Danilenko J.Yu. Gender analysis of the modern text (on the material of the story «Sleep well, my son» by Tatyana Tolstaya) // Philological Class. 2016. №2 (44). P. 96-99.
4. Ryabtseva N.E., Topchieva M.V. Topos of childhood in modern Russian literature // Actual issues of modern philology and journalism. 2018. №2 (29). P. 54-60.
5. Tolstaya T. Night: Stories. Moscow, 2001. 352 p.
6. Davydova T.T., Sushchilina I.K. Modern literary process in Russia: textbook. Moscow, 2007. 364 p.

7. Golubkov M.M. History of Russian literary criticism of the twentieth century: a textbook. Moscow, 2016. 271 p.
8. Benevolenskaya N.P. "The Slynx" by T. Tolstaya as an ideological novel // Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. 2009. №110. P. 132-142.
9. Kryzhanovskaya O.E. Anti-Utopian mythopoietic view of the world in the novel "The Slynx" by T. Tolstaya: diss. ... candidate of philological sciences. Tambov, 2005. 198 p.
10. Nefagina G.L. T. Tolstaya's alphabets (Genre and poetics of the novel "The Slynx") // Scientific writings of the Department of Russian literature of BSU. Minsk, 2002. Iss. 1. P. 122-139. [Electronic resource]. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/42946?mode=full> (date of application: 05.12.2020).
11. Tolstaya T. "Experience of mutual deafness". Writer's Seminar at the University of Tokyo, October 26, 2001. Conversation with K. Numano, Yu. Yoshioka, A. Dolin. [Electronic resource]. URL: <https://susi.ru/stol/tolstaya.html> (date of application: 14.12.2020).
12. Tolstaya T. Writing as passing to other reality. Postmodernists about post-culture. Interview with modern writers and critics. / Comp., preface and ed. by S. Roll. Moscow, 1998. P. 131-154.
13. Tolstaya T. "The Slynx": novel. Moscow, 2001. 320 p.
14. Sartre J.-P. Philosophical plays. Moscow, 1996. 384 p.

УДК 39
10.36622/AQMPJ.2021.88.83.009

*Воронежский государственный университет
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
Кольцова Л.М.
Россия, г. Воронеж, тел. +79110517091
e-mail: kolzowa@mail.ru*

*Voronezh State University
Doctor of Philology, Professor
of the Department of Russian Language
Koltsova L.M.
Russia, Voronezh, tel. +79009441389
e-mail: kolzowa@mail.ru*

аспирант кафедры русского языка

*Post-graduate student of the Department
of Russian language*

*Дмитриева И.И.
Россия, г. Воронеж, +79507712993
e-mail: Ira.sarabi@yandex.ru*

*Dmitrieva I.I.
Russia, Voronezh, +79507712993
e-mail: Ira.sarabi@yandex.ru*

Л.М. Кольцова, И.И. Дмитриева

РУССКИЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ПОЭЗИИ ЕВДОКИИ ПЕТРОВНЫ РОСТОПЧИНОЙ

В статье представлен обзор традиционных фольклорных образов и художественных приемов в лирических произведениях поэта девятнадцатого века Е.П. Ростопчиной. Для автора народное творчество знакомо и близко, так как она долгое время прожила в имении Анна Бобровского уезда Воронежской губернии. Интерес к народной жизни стал важным источником вдохновения для поэта. Е.П. Ростопчина создала целый цикл стихотворений, пронизанных песенными традициями русского фольклора. Аннинский цикл насчитывает около 46 стихотворений за период с августа 1834-го по сентябрь 1842 г. В статье рассказывается о той повседневной обстановке, в которой у Евдокии Петровны формировался интерес к народному творчеству и происходило осмысление своей личности в контексте русской культуры. Широкое привлечение архивных документов эпистолярного наследия позволило оценить взаимодействие поэта с фольклорной традицией. В поэзии были найдены такие традиционные фольклорные элементы, как устойчивые выражения, постоянные эпитеты, повторы, инверсии, отрицания и гиперболизация. В статье показано соотношение традиционного (фольклорного) и индивидуально-авторского в устройстве поэтического творчества Е.П. Ростопчиной.

Ключевые слова: поэзия, устное народное творчество, фольклор, русские фольклорные традиции, фольклорные образы и символы, художественные приемы, Е.П. Ростопчина.

L.M. Koltsova, I.I. Dmitrieva

RUSSIAN FOLK TRADITIONS IN THE POETRY OF YVDOKIA PETROVNA ROSTOPCHINA

The article provides an overview of traditional folklore images and artistic techniques in the lyric works of the nineteenth century poet E.P. Rostopchina. The author is closely acquainted with folk art, since for a long time she lived in the estate of Anna Bobrovsky district of the Voronezh province. Interest in folk life has become an important source of inspiration for the poet. E.P. Rostopchina has created a whole collection of poems permeated with the song traditions of Russian folklore. Anninsky series includes about 46 poems for the period from August 1834 to September 1842. The article talks about the everyday environment in which Evdokia Petrovna developed an interest in folk art and understood her personality in the context of Russian culture. The widespread involvement of archival documents, epistolary heritage made it possible to evaluate the interaction of the poet with folklore tradition. In poetry, such traditional folk-

loric elements as fixed expressions, constant epithets, repetitions, inversions, negations and exaggeration were found. The article shows the ratio of traditional (folklore) and individual author's in the device poetry of E.P. Rostopchina.

Key words: poetry, folklore, Russian folk traditions, folklore images and symbols, artistic techniques, E.P. Rostopchina.

Воронежский край славен многими литературными именами, среди которых достойное место принадлежит Е.П. Ростопчиной, которая черпала вдохновение и неповторимую образность своей поэзии в тех местах, где её светлая женская душа находила счастливую возможность единения с природой, простой и разумной народной жизнью, русскими сказками и песнями.

Е.П. Ростопчина – поэт, прозаик, драматург, переводчик и просветительница – вошла в историю как ярчайшая представительница золотого века русской поэзии. В письмах она как-то писала: «По-моему, женщина... всегда лучше, т. е. добрее, бескорыстнее, правдивее мужчины, она вступает на трудное поприще жизни с благими намерениями и начатками, со всеми данными к исполнению обязанностей и совершению своего примирительного послания, но ее извращают и развращают недочеты, обиды, разуверения, испытания» [1, с. 157]. Пиита с чутким сердцем и талантливым пером постоянно указывала на связь своих произведений с реалиями жизни, подчеркивая, что не создает художественного образа, не имея на то отправной точки в окружающей действительности.

На формирование языковой картины мира Е.П. Ростопчиной повлияло русское народное творчество. Фольклор наравне с высокой литературой стал важным источником вдохновения для поэтессы. Как и во всей русской литературе начала XIX века, в её поэзии ощущается стремление стать ближе к реальной правде жизни. «Русский дух» поэзии Е.П. обусловлен и той бытовой обстановкой, в которой проходило её становление как творческой личности, и её глубоким осмыслением русской культуры, и способностью воспринять ту духовную энергию, которую излучает русский язык, русское слово... В одном из писем М.П. Погодину Ростопчина делится: «Меня маленькую учили басням! Помню их уроки» [2, с. 264].

Е.П. Ростопчина как деятель русской культуры 20–30-х годов XIX века формировалась в период двойственного отношения к фольклору. «С одной стороны, – отмечает фольклорист М. К. Азадовский, – борцы за необходимость культурного развития страны и народа и пропагандисты научного знания видели в фольклоре собрание суеверных представлений невежественного народа, но с другой стороны, понимали научно-историческое значение фольклора» [3, с. 84].

Перед лингвистами XIX века стояла задача осмысления народных образов и смыслов. А.А. Потехина в своей работе «О некоторых символах в славянской народной поэзии», посвященной изучению славянского фольклора, отмечал, что слово хранит в себе зачатки народной культуры, которые возрождаются при его сопоставлении с другим словом, имеющим сходное основное значение. В ходе лексического развития один из важнейших для народного воззрения признаков в слове мог стираться и заменяться новыми формами. Для исследователя было важно восстановить этот признак и прийти к истинному значению слова. «Та-же потребность возстановлять забываемое собственное значение словъ была одною изъ причинъ образовашия символовъ» [4, с. 1]. Желание правильно понять символы и образы, осмыслить истоки народной культуры, возродить истинные значения слов побуждало языковедов, поэтов, писателей, деятелей науки и культуры, в том числе и Евдокию Петровну, обращаться к фольклору.

Для Е.П. Ростопчиной народное творчество было близко, поскольку она долгое время прожила в провинциальной среде, в имении Анна Бобровского уезда Воронежской губернии. Деревенская тишина, оторванность от светской шумной обстановки балов, без которой Е.П. Ростопчина не представляла себя, настраивали её на меланхолический лад, но давали возможность глубокого понимания народной поэзии и её отражения в художественной литературе: «В глуши и тишине, бедна событиями, но чувствами богата, тянулась жизнь моя» («Село Анна») [2, с. 66]. В это время был создан целый цикл стихотворений, пронизанных песенными традициями русского фольклора. «Аннинский цикл» насчитывает около 46 стихотворений за период с августа 1834-го по сентябрь 1842 г. («Русская песня», «Простонародная песня», «В степи» и т.д.), которые пронизаны мотивами тоски и переживаний за судьбу русского народа.

В своих лучших стихотворениях Е.П. Ростопчина, дворянка по происхождению и графиня по мужу, решительно стирает социальную дистанцию между собой и страдающим народом. Ее поэзия была социально направленной, поистине народной и милосердной по своему духу, перекликаясь с поэзией Николая Алексеевича Некрасова и Ивана Савича Никитина. Многие ее стихотворений отражают специфику фольклора Воронежской губернии. Она жила в одно время с Алексеем Васильевичем Кольцовым и видела те же картины жизни русского народа, что и он, старалась их запечатлеть в своих произведениях. В поэтических строках, воплощающих представления русского человека о мире материальном и духовном, показаны тра-

диционные фольклорные образы необъятного простора родной земли, лазурного неба, неукротимых стихий и тех деталей быта, которые знакомы и дороги простому русскому человеку, мечтающему «о крыльях сокола» и «вольной воле», и в то же время умеющему находить радость и утешение в незатейливой песенке сверчка («Домашний друг»).

Удивительным образом сюжеты её стихотворений перекликаются с днем сегодняшним. То ей открывается «Вид Москвы», где «расчетливым покупщиком// в слепом неведенье, невинно, //стираются следы веков, //следы событий позабытых...» [5, с. 126]. Москва удручает – «пуста для сердца и для взора» («Потерянная весна») [5, с. 144], в которой «жизни нет», которая мертва, и лишь «вещий звук колоколов» является отрадой, потому что он понятен сердцам и «думе умиленной» («Вид Москвы») [5, с. 127]. То вызывают горькую усмешку заботы тех, кто «страхуют жизнь пожитки и именье, /страхуют все, что тлеет и горит», но никогда не застрахуют «ни радости, ни счастья» («Чего нельзя застраховать») [5, с. 274]. В стихотворении «Русским женщинам», рисуя картину железного века с «сосущим людей вампиром роскоши», поэтесса пишет: «По всей Европе все сословья // беднеют нынче с каждым днем» [2, с. 154]. Ростопчина проводит параллель между судьбой крестьянской женщины и женщины-дворянки и находит в их судьбах много общего: под «шторной драпировкой» также льется много женских слез. Источник зла, по мнению поэтессы, кроется в преобладании материального над духовным, а спасение – в обращении с молитвой к Богу.

Е.П. Ростопчина активно занималась благотворительностью, шила одежду для бедных, направляла свои гонорары в младенческие приюты, была попечительницей одного из них в Петербурге. По инициативе пииты ее муж, граф Андрей Федорович Ростопчин, построил в Анне двухэтажную больницу для крестьян. Е.П. Ростопчина хотела «сочувствия мир видимый» сдружить «с неосязаемым умом», так как по ее мнению, сострадание к людям – неперемный спутник совести, высшая отличительная черта человека.

Именно глубокий интерес к жизни народа, осмысление своей личности в контексте русской культуры позволило Е.П. Ростопчиной понять народное творчество и продолжить русские фольклорный традиции. Она перевела многие прозаические сюжеты в стихотворения, в которых проявилось глубокое понимание социальной сущности фольклора, с помощью традиционных фольклорных образов, стилистических черт и художественных приемов:

- устойчивых выражений: «В воду кану я, в пламя брошусь я!» («Простонародная песня») [2, с. 26]; «А поет он, бает, ... были-небылицы, сказочник-певец» («Домашний друг») [5, с. 149-150];

- постоянных эпитетов: «бури лютые», «тучи черные», «солнце красное», «думы мрачные», «очи светлые», «брови соболиные», «ловкий молодец», «родная зазнобушка», «крылья перелетные», «чужая сторона», «заморские страны»;

- повторов: «Дайте крылья мне перелетные, // Дайте волю мне, волю сладкую!» («Простонародная песня») [2, с. 26]; «Что ты, молодость моя, молодость напрасная...» («Русская песня») [5, с. 49];

- инверсий: «И затмилось солнце красное» («Простонародная песня») [2, с. 25]; «Были-небылицы, // Сказки о чертях, // Сплетни о раздорах // Ведьм и домовых, // Вот чем зимний вечер // Сокращает он.» («Домашний друг») [5, с. 150]; «В степи далекой // Течет безмолвно жизнь моя...» («В степи») [5, с. 89];

- отрицаний и гиперболизации: «Не осушатся слезы девицы, // Не воскреснет в ней сердце страстное!» («Простонародная песня») [2, с. 25]; «Нет в светлице огонька, // Нет в душе зазнобушки, // Дорогой заботушки!..» («Русская песня») [5, с. 50]; «Не заглушит воспоминаний // Затишьем мертвым эта степь!..» («В степи») [5, с. 89].

Чаще всего Е.П. Ростопчина использует форму композиции традиционной лирической песни – монолог. С его помощью автор передает мысли и чувства лирического героя. Это могут быть размышления об ушедшей молодости, как например, в «Русской песне»: «Что ты, молодость моя, // Молодость напрасная, // Гаснешь, меркнешь, ясная, // Не порадуешь меня?...» («Русская песня») [5, с. 49]. Эти строки черпаются из традиционной народной поэзии. Подтверждением этого служит своеобразное продолжение с такими же образами и символами в одной из песен уникального «Собрания народных песен» Петра Васильевича Киреевского: «Чем мне тебя, молодость, при старости вспомнить? // Вспомню тебя, молодость, тоскою-кручиною, // Тоскою-кручиною, печалью великою» («Ой молодость, молодость, девичья красота...») [6, с. 29]. В форме монгола представлены воспоминания парня о тайных прогулках с возлюбленной в стихотворении «Голубая душегрейка»: «Помню, помню, как, бывало, // В зимнюю пору, вечерком // Свет-красотка выбегала // Погулять со мной тайком!.. // Ножка, ножка-чародейка, // Глазки девицы-души, // Голубая душегрейка, // Как вы были хороши!..» [2, с. 147]. Также с помощью этой формы выражены излияния чувств девушки к милому в «Простонародной песне»: «Тучи черные собираются, // И затмилось солнце красное; //

Думы мрачные крушат девицу// И волнуют в ней сердце страстное// Скучно девице одиночество,// Она с радостью распростилась,// Ей без милого опостылел свет,// И тоска в душе вкоренилася» [2, с. 25].

Народные традиции проявляются и в песнях, написанных в форме диалога, ярким примером которого является стихотворение «На голос украинской мелодии». Горький плач невесты, провожающей своего жениха на войну, сменяется обещаниями её возлюбленного обязательно вернуться («Я вернусь, возвращусь, жди меня, невеста!») [5, с. 226]. Диалогическая форма композиции значительно усиливает драматизм выражаемого песней лирического содержания, способствует более яркой передаче мыслей и чувств лирического героя. Но в отличие от традиционной семейно-бытовой песни, где наблюдается такая закономерность: речь первого героя имеет второстепенную, подчиненную роль (это, как правило, один или несколько вопросов), а речь второго героя, главного, выражает основное содержание песни, в стихотворениях Ростопчиной главной остается героиня, которая начинает и заканчивает лирическую песню: «Я стою себе сироткой// В поле опустелом,// Вечно жить и умирать мне// Вечно – одинокой!...» [5, с. 227]. Жених не вернулся: «он остался, поселился,// на чужбине дальней!».

Как отмечает известный воронежский фольклорист С.Г. Лазутин, «...замечательной особенностью народной лирической песни является то, что она необыкновенно тесно связана с жизнью народа. За каждым ее лирическим героем, его мыслями и чувствами, как правило, встает большая жизненная тема, отчетливо выступают характерные черты и приметы народной жизни. В подобных традиционных песнях мы всегда видим и те обстоятельства, те жизненные факты и явления, которые вызвали эти переживания героев. Их мысли и чувства народная песня всегда стремится передать не в отвлеченной форме, а наглядно, в связи с конкретными жизненными обстоятельствами» [7, с. 58]. Эти черты и характерны для стихотворений Ростопчиной, где лирическая героиня становится своеобразным двойником автора.

Лирика Е.П. Ростопчиной глубоко народна и вневременна, и во многом это обуславливается тем, что Евдокия Петровна искренне, правдиво и своеобразно воплотила в своей поэзии сущность русского народа и его лучшие поэтические традиции.

Библиографический список

1. Корниенко Н.Г. Преодоление. Черноземный край в судьбах замечательных людей XVIII-XIX веков. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2011. 224 с.
2. Ростопчина Е.П. Талисман: Избранная лирика. Драма. Документы, письма, воспоминания / Сост. В. Афанасьев. М.: Моск. рабочий, 1987. 319 с.
3. Азадовский М. К. История русской фольклористики: В 2 т. М.: Учпедгиз, 1958. Т. 1. 479 с.
4. Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков: Изд-е М. В. Потебня, 1914. 243 с.
5. Ростопчина Е.П. Стихотворения. Проза. Письма. М.: Сов. Россия, 1986. 448 с.
6. Собрание народных песен П. В. Киреевского/ Предисл., послесл., состав. В. И. Калугина; Худож. Н. Г. Барботченко. Тула: Приок. кн. изд-во, 1986. 462 с.
7. Лазутин С.Г. Поэтика русского фольклора: Учеб, пособие для филол. фак. ун-тов. М.: Высш. школа, 1981.221 с.

References

1. Kornienko N.G. Overcoming. The black earth region in the destinies of remarkable people of the 18th-19th centuries. Voronezh: Center for Spiritual Revival of the Black Earth Region, 2011.224 p.
2. Rostopchina E.P. Talisman: Selected Lyrics. Drama. Documents, letters, memoirs / Comp. V. Afanasyev. M.: Mosk. worker, 1987.319 p.
3. Azadovsky M. K. History of Russian folklore: In 2 volumes. Moscow: Uchpedgiz, 1958. T. 1. 479 p.
4. Potebnya A.A. On some symbols in Slavic folk poetry. Kharkov: M.V. Potebnya Publishing House, 1914.243 p.
5. Rostopchina E.P. Poems. Prose. Letters. M.: Sov. Russia, 1986.448 p.
6. Collection of folk songs of P. V. Kireevsky / Preface., Afterword., Composition. V.I. Kalugin; Artist. N.G. Barbotchenko. Tula: Priok. book publishing house, 1986.462 p.
7. Lazutin S.G. Poetics of Russian folklore: Textbook, manual for philology. fac. un-tov. M.: Higher. school, 1981. 221 p.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 811А

10.36622/AQMPJ.2021.95.74.010

*Московский областной филиал РАНХиГС,
Россия, Красногорск,
Преподаватель кафедры «Английский язык»
Алексеев А.Б.,
Россия, г. Красногорск,
тел. 89636414696
e-mail: neuausstatten@mail.ru*

*The Moscow oblast subsidiary of the Russian
Academy of Economy and Public Administration,
Teacher of the chair 'English Language'
Alexeyev A.B.,
Russia, Krasnogorsk,
tel. 89636414696
e-mail: neuausstatten@mail.ru*

А.Б. Алексеев

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОЛИТИКА-МАРГИНАЛА

В последнее время формируется новое научное направление – лингвополитическая персонология – призванное изучать языковую личность (ЯЛ) политика, еще не окончательно обособившееся от политической лингвистики. К сожалению, на данный момент в рамках политической лингвистики отсутствует разработанная типология ЯЛ политика. Несмотря на этот пробел, считаем возможным вести речь о ЯЛ политика-маргинала, или внесистемного политического агента, заимствовав этот термин из политологии. Анализ политического дискурса разных стран – США, ФРГ, Украины, России – показывает, что многие политики, в том числе очень успешные, пользуются стратегией маргинализации, которую можно рассмотреть в том числе в качестве коммуникативной стратегии. Установлено, что, как правило, такая коммуникативная стратегия сопряжена с манипуляциями и может осуществляться несколькими способами, с одной стороны, более или менее универсальными, но с другой, сохраняющими и национальную специфику. Суть изучаемой стратегии – в представлении себя не агентом политического дискурса, внесистемным политиком. Распространенные способы самоидентификации, избираемые политиками-маргиналами, следующие: «Я не политик», «Я нетипичный политик», «Я женщина». В российском политическом дискурсе политики-маргиналы могут пользоваться также формулой «Я против всех», но этот способ политической маргинализации, характерный, по всей видимости, только для российского политического дискурса, заслуживает отдельного рассмотрения.

Ключевые слова: языковая личность, политическая лингвистика, политический дискурс, коммуникативная стратегия, маргинализация, гендерная манипуляция, политеймент.

A.B. Alexeyev

PECULARITIES OF THE LANGUAGE PERSONALITY OF THE POLITICIAN-AS-MARGINAL

A new linguistic discipline has been developing recently, viz. political linguistic personology. This discipline is meant to study the language personality of politician and as such it is not fully separated from political linguistics. Unfortunately, in modern political linguistics there is no advanced classification of types of the language personality of politician. Despite this, we believe it is possible to speak about the language personality of politician-as-marginal having taken this term from the political science. The analysis of the political discourse of different countries – the USA, Germany, the Ukraine, Russia – shows that many politicians, including the ones that are very successful, use the strategy of marginalization. It can be analyzed as a communicative strategy. It has been found out that such a strategy, as a rule, is linked to manipulations and can be realized in different ways, on the one hand, quite universal but, on the other, still retaining the national specifics. The gist of the strategy under consideration is to present oneself as a non-agent of the political discourse, as an anti-system politician. The common forms of self-identification chosen by the politician-as-marginal are as follows: 'I am non-politician', 'I am not your typical politician', and 'I am a woman'. In the Russian political discourse, the politician-as-marginal can also use the formula 'I am against everybody'. However the latter

means of marginalization is so specifically Russian that it deserves to be analyzed in another research

Key words: language personality, political linguistics, political discourse, communicative strategy, marginalization, gender manipulation, politainment.

Теория языковой личности (далее ЯЛ) оформилась благодаря исследованиям, проведенным, прежде всего, в области русской ЯЛ. Несомненная заслуга в ее развитии принадлежит научной школе Ю.Н. Караулова. Ученый и его последователи заложили основу для грамотного лингвистического рассмотрения всех аспектов ЯЛ. Особенно ценным представляется выделение в структуре ЯЛ трех уровней – вербального, лингвокогнитивного и лингвопрагматического [5]. Вербальный уровень – это собственно языковое воплощение личности; он репрезентирован базовыми лексическими и грамматическими единицами. Однако, как известно, язык оказывает влияние на когнитивные процессы, на наше видение окружающей действительности – отсюда возникает возможность обращения через призму языка к внутреннему миру человека, его мыслям, сфере мотиваций, интересов, целей.

Исследователи феномена ЯЛ постоянно расширяют область своих научных поисков – они ведут речь, например, о вторичной ЯЛ, гендерной ЯЛ, диалектной ЯЛ, маргинальной ЯЛ горожанина, элитарной ЯЛ и т.д. [10, с. 20–21]. Таким образом, уже сейчас существует много работ, посвященных различным типам ЯЛ – и разработка типологии ЯЛ остается одной из наиболее актуальных лингвистических проблем.

Базовое разграничение – между индивидуальной ЯЛ и коллективной ЯЛ, или лингвоперсоной и лингвоперсоной [Там же, с. 281] – восходит к диалектической трактовке универсального и индивидуального в языке. Лингвоперсона – конкретный носитель языка, обладающий уникальными, неповторимыми языковыми способностями. Лингвоперсона – гипотетический, типичный, наиболее распространенный носитель языка, представитель общества, характеризующийся усредненными, особенно заметными свойствами. Изучение лингвоперсоны предполагает освещение профессиональных, гендерных, национально-культурных и возрастных особенностей ЯЛ.

Науку, занимающуюся рассмотрением, на самом деле, очень сложного, многогранного феномена ЯЛ, называют лингвоперсонологией [Там же, с. 281]. Профессор А.П. Чудинов и его ученики предлагают выделить лингвополитическую персонологию, понимая под ней одно из новых направлений политической лингвистики [7]. Наша статья написана в рамках именно лингвополитической персонологии, и ее актуальность определяется в первую очередь необходимостью разработки теоретических положений и методологического аппарата этого пока еще подраздела политической лингвистики с тем, чтобы в будущем данная дисциплина могла существовать самостоятельно. Конечно, нельзя не отметить и то, что изучение политического дискурса было всегда неизменно востребованным, поскольку, как точно замечает В.А. Борисенко и ее коллеги, политическая коммуникация имеет витальную значимость для современного общества: через нее структурируются все социальные процессы и явления [2, с. 5].

Язык политики уже достаточно хорошо изучен, но он подвержен постоянным – большим или меньшим – изменениям. В XXI в., например, можно наблюдать то, что в политическом дискурсе возрастает удельный вес невежливой, непolitкорректной лексики – и это отнюдь не случайно – это необходимо лингвистам объяснить. Политический дискурс все чаще превращается в своеобразный политеймент (от англ. слов *politics* – политика и *entertainment* – развлечение), т.е. политическое развлечение, зрелище, шоу, что является новацией. И таких новых особенностей политической коммуникации – немало, – а значит, теория политической лингвистики должна непрерывно развиваться, увеличивая свой экспланаторный потенциал.

ЯЛ политика исследована значительно менее чем язык политики. Одним из важных аспектов лингвополитической персонологии можно считать разработку типологии ЯЛ политика. По имеющимся у нас данным, работ в данной области почти нет. Правда, мы уже пытались в какой-то мере восполнить этот пробел, предложив следующую классификацию ЯЛ политического деятеля: политик-манипулятор, политик-мифотворец, политик-алармист, политик-агрессор, политик-джентльмен (политик-леди), политик-маргинал [1]. Эта статья посвящена ЯЛ политика-маргинала.

Феномен политической маргинальности рассматривается редко даже политологами. Нам известно лишь одно диссертационное исследование, написанное на эту тему. В своей работе А.М. Вафин подчеркивает, что «Политическая маргинальность – малоизученный феномен современной политической науки» [3, с. 3]. Как замечает автор, все внимание ученых до последнего времени было сконцентрировано на социальных аспектах маргинальности.

Термин «маргинал» был предложен Р. Парком – одним из классиков науки об обществе. Р. Парк не трактовал явление маргинальности в негативном ключе, отмечая, что маргинал живет между различными социальными классами, культурами и т.п., но вопреки этой традиции, долгое время маргиналов даже в науке рассматривали исключительно как изгоев, социально неустраиваемых людей, в своем крайнем проявлении – люмпенов.

По определению А.М. Вафина, политик-маргинал – это «внесистемный политический агент». При этом исследователь обращает внимание на ситуативный статус политика-маргинала, т.е. один и тот же субъект политики может выступать и как представитель системы, и как политик-маргинал в зависимости от ситуации [Там же].

Российский философ А.Ю. Ашкерев тоже обращает внимание на то обстоятельство, что часто политиками-маргиналами становятся люди, долгое время принадлежавшие мажоритарной партии, политическим элитам, т.е. те, кто, по идее, были неотъемлемой частью политической системы, ее главными бенефициарами. Тем не менее, используя политическую стратегию маргинализации, они стараются выйти из системы, снять с себя всякую ответственность за политический курс, проводниками которого они были, потому что таким способом они хотят вновь обеспечить себе обладание властью [6, с. 19]. По мнению исследователя, «...маргинализация... является политической стратегией со своими маленькими и большими хитростями – иногда очень выгодной стратегией. Она, например, не предполагает ответственности, не связана с рутинной деятельностью... В итоге маргиналом оказывается не просто тот, кто не может быть никем другим, но тот, кто находит в этой возможности определенное удобство» [Там же]. И далее: «Эстетизация маргинальности как политического юродства связана с тем, что кому-то просто не предоставили клубного членства „во власти“ (или лишили этого клубного членства)» [Там же].

Полагаем, что стратегия маргинализации, как она описывается А.Ю. Ашкеревым, является по существу манипулятивной коммуникативной стратегией, ибо политика и язык в принципе неразрывно связаны, а основная деятельность политика – это речевая. Не стоит понимать речевую деятельность заведомо в негативном ключе, будто бы много говорящий человек не способен выполнять работу – эта ложная оппозиция «говорить – работать», к сожалению, закрепились в обыденном языковом сознании людей. Она еще более усиливается политиками-маргиналами. Так, Д. Трамп в ходе президентской кампании 2015–2016 гг. неоднократно заявлял, что его противники – сенаторы, губернаторы и т.д. – «много говорят, ничего не делают»: ‘All talk, no action’.

I don't want to say politicians all talk, no action. But a lot of what we talked about is words and it will be forgotten very quickly (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Dkom8nLdqpU>)

Перевод: Я не хочу сказать, политики много говорят, ничего не делают. Но многое из того, о чем мы говорим здесь, будет очень скоро забыто.

Обратим внимание на типичный для Д. Трампа способ манипуляции: кандидат заявляет, он не хочет сказать, что его коллеги ничего не делают, но тем самым он произносит как раз именно это! Такая манипуляция особенно эффективна, если политик желает оскорбить кого-то: она позволяет оратору издеваться над нормами политкорректности, и часто создает лудический (от лат. *ludo* – играю) эффект, что соотносится со становлением пространства политеймента.

TRUMP: *We have a president who doesn't have a clue. I would say he's incompetent, but I don't want to do that because that's not nice* (<https://www.youtube.com/watch?v=2rU4W3yfd58>)

Перевод: У нас – президент, у которого нет ключа к разгадке. Я бы сказал, что он некомпетентен, но я не буду так говорить – это невежливо.

Или: TRUMP: *...Bush, just to put an end to that, because I don't want to mention him: he is a very nice person, very low-energy, but very nice* (<https://www.youtube.com/watch?v=-5ErVH-Vn3E>).

Перевод: ...Буш – просто, чтобы положить этому конец, поскольку я не хочу упоминать о нем: он очень приятный человек, очень флегматичный, но очень приятный –

Или: TRUMP: *Jeb Bush ... who was a very low-key person, very low-key person, I wanna be low-key because it is nicer than saying low-energy* (https://www.youtube.com/watch?v=UeGfbkGMq_8)

Перевод: Джеб Буш ... который был очень флегматичным, очень флегматичным – и я хочу сказать – флегматичный – потому что это вежливее, чем говорить неэнергичный.

«Я не хочу говорить», «Я не хочу упоминать» и т.д., – сообщает о своих намерениях Д. Трамп, – но тем самым он говорит и упоминает как раз то, что не «желает», причем подает мысль сразу несколько раз – в эвфемистическом и дисфемистическом вариантах (ср. «президент – у которого нет ключа к разгадке» – «некомпетентный президент»; «флегматичный» – «неэнергичный»). Употребление эвфемизмов и лексем с

дисфемистическим значением ведет, если воспользоваться словами С.Е. Эрлиха, к «конфликту двух смысловых оболочек» [9, с. 65], способствует манипуляции.

Говорение не противоречит действию. Напротив, классики марксизма утверждали: язык возник благодаря труду, он был необходим для развития человека. Современные ученые указывают на креативную функцию языка – слова, по их мнению, обладают созидательной силой, они способны сами по себе менять мир [8, с. 31], [4, с. 5]. Это положение особенно важно для критической лингвистики [11, р. 248].

Конечно, наивно бы было требовать от политиков всегда следовать логически правильным и философски выверенным принципам. Однако почему же Д. Трамп придерживался мнения, что его коллеги только говорят, и ничего не делают? Простая дискредитация?

Вся риторика Д. Трампа, впрочем, как и ряда других кандидатов-республиканцев, вращалась вокруг идеи «Я (мы) не-политики» (неологизм «не-политик» образован нами по аналогии с англ. *non-politician*). Приведем примеры, многие из которых содержат элементы явной манипуляции, основанной на использовании многозначности слов «политик», «политика»:

CRUZ: *If you are fed up with Washington, if you're looking for anyone to **stand up to career politicians in both parties**. I'm the only one on this stage who's done that over and over again* (<https://www.youtube.com/watch?v=Dkom8nLdqpU>)

Перевод: *Если вы устали от Вашингтона, если вы ищете кого-нибудь, кто может **бросить вызов политикам-карьеристам** обеих Партий... Я единственный на этой сцене, кто неоднократно боролся с ними.*

Кандидат использует понятие «политик-карьерист», причем себя (а Т. Круз был тогда сенатором) он считает противником Вашингтона.

TRUMP: *I've actually been in politics all my life, although I've been on that side as opposed to this side. **I'm now a politician for about three months*** (<https://www.youtube.com/watch?v=Dkom8nLdqpU>)

Перевод: *Я был на самом деле в политике всю жизнь, хотя я всегда был по ту сторону политики. **Я стал политиком три месяца назад.***

С помощью манипуляции Д. Трамп противопоставляет выражения «быть в политике» и «быть политиком». Кандидат прагматически выделяет основную идею, на основании которой он маргинализируется, создает себе имидж внесистемного, антисистемного политика, не-политика.

TRUMP: *I left private business for public life. Do you believe I'm in public life – can you believe this? **Am I a politician? I hope not.** Because I understand that our country is in bad shape and needs to be turned around fast* (<https://www.youtube.com/watch?v=4OwggVdiU18>).

Перевод: *Я бросил личный бизнес ради общественной деятельности. Вы верите, можете ли вы поверить, что я общественный деятель? **Неужели я политик? Надеюсь – нет.** Потому что я понимаю, что в нашей стране все плохо, и это надо исправить в ближайшее время.*

Ведя с избирателем как бы диалог, задавая аудитории вопросы, и сам же отвечая на них, бизнесмен утверждает: он не-политик.

Д. Трамп противопоставлял себя системе, называл аутсайдером.

TRUMP: *The **system** wasn't meant for me as an **outsider** who built a great company* (https://www.youtube.com/watch?v=sLZIEDF_bUk)

Перевод: ***Эта система** создавалась не для меня, **аутсайдера**, который построил прекрасную компанию.*

Лексема «аутсайдер» встречалась в речах и коллег Д. Трампа, и в большинстве случаев она употреблялась в положительном значении.

CHRISTIE: *As far as being an **outsider** is concerned, as far as being that kind of concern, let me tell this, Jake, I am Republican in New Jersey. I wake up every morning with the democratic legislature who is **trying to beat my head in and fight me** because I am trying to bring conservative change to a state that needed it desperately* (<https://www.youtube.com/watch?v=Dkom8nLdqpU>)

Перевод: *Если же речь идет о том, кто из нас **аутсайдер**, если речь идет об этом, позвольте мне сказать, Джек, что я республиканец в Нью-Джерси. Каждое утро я просыпаюсь с мыслью о том, что сенаторы-демократы хотят **победить меня и борются со мной**, поскольку я пытаюсь изменить штат, сделать его консервативным, и это как раз то, что было нужно для Нью-Джерси.*

К. Кристи изображает себя не только аутсайдером, но и борцом с политической системой.

Можно говорить о нескольких способах осуществления коммуникативной стратегии маргинализации. Один из наиболее эффективных способов выражается уже упомянутой формулой «Я не-политик»: в

обществе сложился стереотип о том, что политики – коррумпированные, нечестные, неискренние люди, и внесистемные (и даже вполне системные!) кандидаты проводят выгодное для них сравнение себя с «типичными» политиками. Этот тренд дает о себе знать не только в политическом дискурсе США, но и в русскоязычном пространстве политики.

ЗЕЛЕНСКИЙ: *У меня есть юридическое образование – и это плюс. Но у меня нет опыта работы в политике и это – жирный плюс [смех]. Хотя многие считают, что это минус* (<https://www.youtube.com/watch?v=RD2Wf9itjIw>)

В. Зеленский, на тот момент один из кандидатов в президенты Украины, признал, что у него нет политического опыта – с точки зрения традиционной логики, серьезный недостаток для человека, претендующего на такой высокий и ответственный пост. Однако для политика, стремящегося предстать в образе внесистемного агента политики, – это действительно плюс.

Отметим, что В. Зеленский активно обращался к развлекающей стороне политики. В вышеприведенном высказывании можно наблюдать эффект обманутого ожидания: оратор строит фразу, как будто он хочет согласиться с тем, что отсутствие политического опыта – серьезный минус, – вместо этого звучит совсем другая мысль.

Людический эффект в сочетании с дискредитацией может достигаться также с помощью риторических вопросов и парадоксальных, нестандартных ответов на них.

ЗЕЛЕНСКИЙ: *Дальше вопрос: можно ли стать президентом и не воровать? Вопрос риторический. Пока никто не пробовал [аплодисменты]. Есть другой вопрос: можно ли воровать, но так, чтобы никто не заметил? Все пробовали, ни у кого не получилось [смех]* (<https://www.youtube.com/watch?v=RD2Wf9itjIw>)

Обратим внимание на параллельные конструкции (можно ли ... можно ли...), являющиеся весьма характерными для языка политики.

Тяготение к самоидентификации в качестве политиков-маргиналов – пусть этот политологический термин не употребителен в политических дискуссиях – заметно в среде ультраправых деятелей ФРГ. Особенно часто о своей аполитичности говорят члены партии АдГ (Альтернатива для Германии – Alternative für Deutschland) – сегодня самой крупной оппозиционной фракции в немецком Бундестаге.

WEIDEL: *Es ist schon wirklich mühsam sich wirklich geschlagene anderthalb Stunde – oder war es fast zwei Stunden? – sich die Plattitüden anzuhören. Und ich bin wirklich in der Politik gegangen zusammen auch mit allen meinen Kollegen wie viele tausende von Mitgliedern in AFD. Wir sind in der Politik gegangen aus der Mitte der Gesellschaft, aus der Arbeitnehmerpositionen, **wir sind keine Berufspolitiker**. Warum? Weil uns die Hutschnur irgendwann gerissen ist und darum gibt es auch AFD...* (<https://www.youtube.com/watch?v=4luVIvFR-eg>)

Перевод: *На самом деле, слушать битые полтора часа, почти два часа, банальности – нелегко. Я пришла в политику, как и все мои коллеги, как тысячи членов нашей партии из самой гущи немецкого общества, из рабочих, – мы не профессиональные политики. Почему мы занялись политикой? Потому что в какой-то момент нас взяли за горло, и по этой самой причине возникла АФД – Альтернатива для Германии.*

А. Вайдель – один из лидеров АдГ – рассказывает о том, насколько скучны и банальны выступления политиков из других партий. Далее оратор утверждает, что она и все другие члены АдГ пришли в политику из сравнительно низких социальных слоев населения, – представители АдГ – это типичные немцы, рабочие, служащие, но никак не профессиональные политики (Berufspolitiker). Они возмущены происходящим в стране.

Фактически отрекаясь от статуса политика, А. Вайдель дискредитирует немецких государственных деятелей на основании их некомпетентности и вытекающей отсюда неспособности добиться положительных результатов ни в одной сфере.

WEIDEL: *Es ist ein' komplett politisierte, ideologisierte Debatte und das Ergebnis ist immer gleich, wenn **Politiker am Werke sind, die keine Ahnung haben**, dann verheißt das nie was Gutes, sehr geehrte Damen und Herren.* (<https://www.youtube.com/watch?v=4luVIvFR-eg>)

Перевод: *Это политизированные, идеологизированные дебаты, и результат всегда один и тот же, когда за дело берутся политики, не имеющие малейшего понятия. Уважаемые дамы и господа, из этого никогда ничего хорошего не выходит.*

Заметим, что выражение 'keine Ahnung haben' (не иметь малейшего представления), использованное А. Вайдель, на английский может переводиться как 'have no clue'. Последнее – употреблялось Д. Грампом. Возможно – совпадение, – но не вызывает сомнения, что коммуникативная стратегия маргинализации бы-

ла взята на вооружение представителями АдГ, стремившимся предстать перед немецким избирателем в свете не-политиков.

Не всегда государственный деятель может отказаться от своего статуса политика. Тогда, используя манипуляцию, кандидат может сказать, что он/она «нетипичный» политик.

PAUL: ***I'm a different kind of Republican.** I've introduced a five-year balanced budget. I've introduced the largest tax cut in our history. I stood for ten and a half hours on the Senate floor to defend your right to be left alone. ... **I'm a different kind of Republican*** (<https://www.youtube.com/watch?v=2rU4W3yfd58>)

Перевод: *Я другой республиканец. Я предложил бюджет на 5 лет. Я предложил самое большое снижение налогов за всю историю нашей страны. Я стоял более десяти часов перед Сенатом, чтобы защитить ваше право на неприкосновенность. ... Я другой республиканец.*

Речь Р. Пола построена на приеме известном литературоведам как симплока: оратор начинает и заканчивает свое выступление одной и той же фразой «Я другой республиканец». Тем самым говорящий подчеркивает особую значимость идеи, передаваемой этими словами: он встает в оппозицию системе и даже своей собственной партии.

Порой стратегия маргинализации по принципу «Я нетипичный политик» может и не принести успеха: кандидату необходимо объяснить, пусть даже искажая логику, почему он/она не-политик или нетипичный политик. В ходе президентской кампании 2015–2016 гг. Х. Клинтон, заявляя, что она неестественный политик, имела в арсенале только один аргумент: «Я женщина». Это было тоже своеобразной маргинализацией – в ретроспективе можно сказать не очень удачной, поскольку кандидат совместила, по сути, два различных способа маргинализации «Я не-политик» и «Я женщина». Характеризуя себя в качестве неестественного политика, Х. Клинтон, к сожалению, только усиливала негативные стереотипы о государственных деятелях, а хотела она того или нет, именно в образе сенатора, госсекретаря ее видело большинство американцев.

CLINTON: ***I am not a natural politician,** in case you haven't noticed, like my husband or President Obama* (<https://www.youtube.com/watch?v=OqgTFA1HnUM>)

Перевод: *Если вы не заметили, я не естественный политик, я не мой муж, я не президент Обама.*

Гендерные манипуляции, конечно, имели определенное положительное воздействие на американцев, о чем в следующем примере свидетельствуют аплодисменты аудитории:

CLINTON: *Well, look, I've got to just jump in here because, honestly, Senator Sanders is the only person who I think would characterize me, **a woman running to be the first woman president,** as exemplifying the establishment. And I've got to tell you that it is... **[applause]** ...it is really quite amusing to me* (<https://www.nytimes.com/2016/02/05/us/politics/transcript-of-the-democratic-presidential-debate.html>)

Перевод: *Послушайте, я должна возразить, поскольку, давайте будем честными, сенатор Сандерс – единственный человек, который, как мне кажется, может назвать меня, женщину, стремящуюся стать первой женщиной-президентом, представительницей политического истеблишмента. И я должна вам напомнить вам об этом... [овацши] ...меня все это забавляет.*

Кстати, Х. Клинтон даже характеризовала себя в качестве аутсайдера на основании того, что она женщина.

CLINTON: *I can't imagine anyone being more of an **outsider** than **the first woman President.** I mean really, let us think about this now* (<https://www.youtube.com/watch?v=sXH0zFhCdCU>)

Перевод: *Я не могу себе представить, что кто-то больший аутсайдер, чем первая женщина-президент. Я имею в виду, давайте только задумаемся об этом.*

Употребляя лексику «аутсайдер» в позитивном смысле, Х. Клинтон невольно способствовала популяризации Д. Трампа, который, как известно, говорил о себе как об аутсайдере, внесистемном кандидате, – и у него для этого было больше оснований, хотя, конечно, его главным оружием тоже являлась манипуляция.

На митингах Д. Трампа лексемы «не-политик», «аутсайдер» гармонично сочетались с призывами к переменам.

Kellyanne CONWAY: *So if you consider yourself **a change-maker,** an **outsider,** a **non-politician,** if you are sick of empty promises and lousy results ...*

(<https://www.youtube.com/watch?v=Dj1LOTNNHTg>)

Перевод: *Таким образом, если вы считаете себя людьми, изменяющими мир, аутсайдерами, не-политиками, если вы устали от пустых обещаний и никудышных результатов...*

К. Конузэй – сторонница Д. Трампа – обращаясь к собравшимся на митинг, проводит параллели между Д. Трампом и людьми, поддерживающими его: все они аутсайдеры, не-политики, все они устали и хотят перемен. Лексемы ‘change-maker’, ‘outsider’, ‘non-politician’ – контекстуальные синонимы. Оратор употребила и слово со сниженной стилистической окраской (lousy – досл. «вшивые», в нашем переводе – «никудышные»).

Д. Трамп неоднократно использовал слово ‘change’ в своих речах.

TRUMP: *Politicians are all talk, no action. You've seen where they've taken you to. ... We need a change. We need a very big change. We're going to make our country great again* (<https://www.youtube.com/watch?v=Nyl4xIVS-jw>)

Перевод: *Политики много говорят, ничего не делают. Вы видите, к чему они вас привели... Нам нужны перемены. Нам нужны очень большие перемены. Мы снова сделаем страну великой.*

Или: TRUMP: *We are on the cusp of an incredible historic change that transfers power from a failed political establishment and returns that power to our families, communities and citizens – to you* (<https://www.youtube.com/watch?v=icy4GyUHjqM>)

Перевод: *Мы на пороге невероятных, исторических изменений, которые поспособствуют падению неэффективного политического истеблишмента и передаче власти нашим семьям, населенным пунктам и гражданам – вам.*

Или: TRUMP: *Real change begins with immediately repealing and replacing Obamacare* [Miami, 02.11.16].

Перевод: *Настоящие перемены начинаются с отмены закона о защите пациентов и доступном здравоохранении, принятым Обамой (Obamacare).*

Или: TRUMP: *Real change also means restoring honesty to our government* (<https://www.youtube.com/watch?v=icy4GyUHjqM>)

Перевод: *Настоящие перемены также предполагают, что наше правительство снова станет честным.*

Ср.: TRUMP: *Hillary Clinton's message is that things will never change – never ever. My message is that things have to change and they have to change right now* (<https://www.youtube.com/watch?v=4CVTuOyZDI0>)

Перевод: *Месседж Х. Клинтон – ничто не изменится, во веки веков. Мой месседж – перемены необходимы, и они необходимы прямо сейчас.*

Ничего подобного в выступлениях Х. Клинтон не наблюдалось: заявив о том, что она «неестественный политик», постоянно повторяя идею «Я женщина», экс-госсекретарь не призывала к радикальным переменам, – напротив, она была готова продолжать политический курс своих предшественников. В этом смысле маргинализация Х. Клинтон была неокончательной, половинчатой, и ей необходимо было бороться против негативных стереотипов в отношении политиков, истеблишмента, политических элит и т.п. Х. Клинтон только усиливала их.

Маргинализация с использованием гендерных манипуляций встречается в российском политическом дискурсе. Ограничимся одним, но, наш взгляд, очень ярким примером:

ГОРДОН: *Я, вероятно, буду единственным кандидатом, несогласованным с администрацией президента. ... Я учредила собственную юридическую компанию и уже пятый год занимаюсь защитой прав женщин и детей в нашей стране. Я знаю на практике, как работает судебная система в нашей стране, как женщины тянут детей, а мужчины уходят от ответственности, и в моей позиции нет ничего мужененавистнического, просто это статистика: после разводов дети чаще остаются с женщинами, и права этих женщин не защищены... Мы страна матерей-одиночек, на которых всем плевать... Когда-то я принимала участие в оппозиционных акциях, пыталась найти общий язык с прокремлевскими представителями. Я поняла, что все кормятся в одной и той же лоханке и по факту удовлетворяют или свои амбиции, или пытаются заработать на нас деньги. Я не голосовала никогда, и сейчас в силу опыта, в силу своих убеждений, я хочу воспользоваться этим правом и стать голосом для женщин, чьи права поправны. Я не представитель гламура, я не родилась с серебряной ложкой во рту, я из простой семьи... (<http://www.mk.ru/politics/2017/10/30/ekaterina-gordon-sobralas-v-prezidenty-za-prava-bab.html>)*

Заявив о себе как о внесистемном кандидате, «несогласованным с администрацией в президенты», Е. Гордон начала свою впоследствии несостоявшуюся президентскую кампанию с того, что идентифицировала себя со всеми российскими женщинами, которым нелегко пришлось в жизни. Причем телеведущая четко провела базовую политическую оппозицию «мы – они», «свои – чужие»: мы – это «матери-одиночки», «женщины, чьи права поправны»; они же – это все остальные. Соответственно, лозунг «Я про-

тив всех» (это тоже способ «типично российской» маргинализации, заслуживающий отдельного рассмотрения), провозглашенный К. Собчак, был в какой-то степени симптоматичным для всей российской оппозиции. Характеризуя «их», Е. Гордон использует лексику сниженного регистра («плевать», «лоханка»).

Итак, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. ЯЛ политика-маргинала, почти не исследованная, в современных политических дискурсах представлена широко. Основной способ маргинализации, который избирают западные внесистемные агенты политики, соотносится с формулами «Я не-политик» или «Я нетипичный политик». Это связано с тем, что в обществе сложились негативные стереотипы о политиках и политические маргиналы – часто неискренние – активно этим пользуются.

Другим способом маргинализации является актуализация гендерного фактора.

2. ЯЛ политика-маргинала активно пользуется манипуляциями. Во-первых, само заявление «Я не-политик» уже является манипуляцией, потому что с точки зрения здоровой логики, человек, стремящийся стать главой государства, чем бы в прошлом он ни занимался, уже является политиком. Не менее противоречиво утверждение «Я нетипичный (неестественный) политик», ибо оно апеллирует к стереотипам: оратор принимает за аксиому, что есть некие типичные политики – коррумпированные, «жуликоватые», неискренние и т.д. Это неоправданная генерализация, т.к. наряду с нечестными политиками, существуют и те, кто самоотверженно работает на благо избирателей, кто не замешен в воровстве.

«Я женщина» – это гендерная манипуляция, используемая не только в политическом дискурсе. Акцентируя гендерный фактор, представительницы прекрасного пола хотят получить определенные преимущества.

3. Одним из ключевых концептов для политика-маргинала является понятие ‘change’ (перемена; нем. *der Wandel*). По всей видимости, политику маргиналу необходимо предстать перед избирателем в образе агента перемен, – отказ от этого может привести к провалу всей стратегии маргинализации: стратегия маргинализации выходит как бы незавершенной, половинчатой. Получается, что человек, идентифицируя себя с недовольными слоями населения, представая в образе внесистемного политика, тем не менее не готов к борьбе с политическим истеблишментом.

4. Можно предположить, хотя требуются дальнейшие исследования, что политики-маргиналы охотно превращают политический дискурс в политеймент, т.е. развлечение, зрелище. Не имея должного политического опыта или соответствующих знаний, внесистемные агенты политики не готовы обсуждать серьезные вопросы: они склонны оскорблять своих соперников, говорить о том, какие те нечестные, неискренние, «вороватые», «жуликоватые» и т.п. В такой парадигме продуктивный диалог между кандидатами часто бывает невозможным, и политический дискурс вращается вокруг бытовых аспектов, личной жизни участников дебатов, стереотипов, но никак не насущных политических проблем – даже если они и упоминаются, кандидаты-маргиналы предлагают упрощенные способы их решения, уводя дискуссию в сторону.

5. Является феномен политической маргинальности отрицательным явлением? Считаем, что нет: он возник не случайно, а в связи с тем, что избиратели перестали доверять «типичным» политикам. При этом стоит напомнить слова А.М. Вафина: маргиналы либо изменяют систему, либо приспосабливаются к ней [3, с. 3]. Дальнейшее изучение политической маргинальности в рамках политологии и стратегии маргинализации, понятой в качестве коммуникативной стратегии, в рамках политической лингвистики призвано пролить свет на это малоисследованное явление.

Библиографический список

1. Алексеев А.Б. К вопросу выделения типов языковой личности политического деятеля // Материалы международной научно-практической конференции «Большое Евразийское партнерство: лингвистические, политические и педагогические аспекты». М.: ИИУ МГОУ, 2018. С. 29-35.
2. Борисенко В.А., Мкртчян Т.Ю., Самофалова М.В. Вербальная репрезентация образа политика в политическом дискурсе: прагмалингвистический подход: монография. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2017. 160 с.
3. Вафин А.М. Феномен политической маргинальности: теоретический и эмпирический аспекты: дис. ... канд. полит. наук. М., 2013. 131 с.
4. Дашинимаева П.П. Философия языка и теория значений. Улан-Уде: Изд-во БГУ, 2010. 248 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.

6. Кто сегодня делает философию в России: т. 1. под ред. А.С. Нилогова. М.:О.О.О."Изд-во Поколение", 2007. 576 с.
7. Никифорова М.В., А.П. Чудинов. Лингвополитическая персонология: методологический основы и методики анализа // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 1. С. 22–29.
8. Филинский А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999–2000 гг.: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2002. – 163 с.
9. Эрлих С.Е. Война мифов. Память о декабристах на рубеже тысячелетий. СПб.: Нестор-История, 2016. 552 с.
10. Языковая личность: моделирование, типология, портретирование / Сибирская лингвоперсонология. Вып. 2. Под ред. Н.Д. Голева. М.: ЛЕНАНД, 2015. – 432 с.
11. Boyd M. Participation and recontextualization in new media. Political discourse analysis and YouTube. In: From text to political positions: text analysis across disciplines. Ed. By B. Kaal, I. Maks & A. van Elfrinkhof. 2014. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins. pp. 245–268.

References

1. Alekseev A.B. On the question of differentiating of language personality types // Materials of international practical science conference 'Big Eurasian Co-operation: linguistic, political and pedagogic aspects'. М.: ИУ МГОУ, 2018. P. 29-35.
2. Borisenko V.A., Mkrtchyan T.YU., Samofalova M.V. Verbal representation of the image of the politician in the political discourse: linguopragmatic approach: monography. Rostov-na-Donu: Izd-vo YUzhnogo federal'nogo universiteta, 2017. 160 p.
3. Vafin A.M. The phenomenon of political marginalization: theoretical and empirical aspects: the candidate dissertation of political science. М., 2013. 131 p.
4. Dashinimaeva P.P. The philosophy of language and the theory of meaning. Ulan-Ude: Izd-vo BГУ, 2010. 248 p.
5. Karaulov YU.N. The Russian language and language personality. Izd. 7-e. М.: Izd-vo LKI, 2010. 264 p.
6. Who makes philosophy in Russia nowadays: V. 1. Ed. By A.S. Nilogoa. М.: О.О.О."Изд-во Pokolenie", 2007. 576 p.
7. Nikiforova M.V., A.P. CHudinov. Linguopolitical personology: the methodology basics and methods of analysis // Actual questions of philology and pedagogical linguistics. 2017. № 1. P. 22–29.
8. Filinskij A.A. The critical analysis of the political discourse of the election campaign of 1999–2000: the candidate dissertation of philology. Tver, 2002. 163 p.
9. Erlih S.E. The war of myths. The memory about Decembrists on the borderline of millennia. SPb.: Nestor-Istoriya, 2016. 552 p.
10. Language personality: types and portraits / Siberian linguopersonology. Iss. 2. Ed. By N.D. Golev. М.: ЛЕНАНД, 2015. 432 p.
11. Boyd M. Participation and recontextualization in new media. Political discourse analysis and YouTube. In: From text to political positions: text analysis across disciplines. Ed. By B. Kaal, I. Maks & A. van Elfrinkhof. 2014. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins. pp. 245–268.

УДК 81'42+81'373
10.36622/AQMPJ.2021.81.96.011

*Казанский (Приволжский)
федеральный университет
кандидат филологических наук, доцент
кафедры европейских языков и культур
Бобырева Н.Н.
Россия, г. Казань, тел. +79033882044
e-mail: Nathalienb@yandex.ru*

*Kazan Federal University
The chair of european languages and cultures
PhD, associate professor
Bobyreva N.N.
Russia, Kazan, tel. +79033882044
e-mail: Nathalienb@yandex.ru*

*Кандидат педагогических наук, доцент
кафедры европейских языков и культур
Зорина А.В.
Россия, г. Казань, тел. +79600677147
e-mail: azorina@mail.ru*

*The chair of european languages and cultures
PhD, associate professor
Zorina A.V.
Russia, Kazan, tel. +79600677147
e-mail: azorina@mail.ru*

Н.Н. Бобырева, А.В. Зорина

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА ФИГУРНОГО КАТАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НОВОСТНЫХ СТАТЕЙ САЙТА ISU)

Статья нацелена на выявление лексических средств, выступающих маркерами медийного спортивного дискурса. В статье рассматриваются термины, антропонимы, топонимы, эргонимы, аббревиатуры, оценочные языковые средства как лексико-семантические особенности современного англоязычного медийного дискурса фигурного катания на материале 50 новостных статей сайта Международного союза конькобежцев (ISU). Актуальность исследования продиктована устойчивым социальным интересом к контенту средств массовой информации и возрастающим научно-лингвистическим интересом к проблеме выбора языковых средств для реализации основных целей спортивных СМИ. Материал для данного исследования аккумулирован методом сплошной выборки. Обработка фактического материала позволяет выявить наиболее частотные лексемы и определить их функции в контексте. Семантический, контекстуальный и дискурсивный анализ позволяет утверждать, что ключевыми смысловыми единицами выступают термины, выражающие общеспортивные понятия, а также понятия собственно фигурного катания. Как одна из форм проявления спортивного институционального дискурса, новостная статья характеризуется функционированием языковых единиц специальной номинации и сообщением относительно спортивных реалий, событий, личностей и др. Терминология фигурного катания, являясь пресуппозицией, усложняет текст, делает его более специфичным и требует от читателя фоновых знаний. Ономастическое пространство образовано различного рода именами собственными: антропонимами, топонимами, эргонимами и названиями программ. Аббревиатуры – сокращенные наименования специальных понятий, организацию, стран и др. – как средства речевой экономии передают существенную, достаточную по объему информацию. Функционирование рассмотренных единиц в тексте определяет такие характеристики медийного текста, как номинативность, информативность, экспрессивность, аттрактивность.

Ключевые слова: медийный дискурс, спортивный дискурс, термин, имя собственное, антропоним, топоним, эргоним, аббревиатура, оценочная лексика.

N.N. Bobyreva, A.V. Zorina

LEXICAL FEATURES OF THE FIGURE SKATING MEDIA DISCOURSE (BASED ON THE ISU WEBSITE NEWS TEXTS)

The article is aimed at identifying lexical means that act as markers of media sports discourse. The article discusses terms, anthroponyms, toponyms, ergonyms, abbreviations, evaluative linguistic means as lexical and semantic features of the modern English-language media discourse of figure skating based on 50 news articles on the website of the International Skating Union (ISU). The relevance of the study is dictated by the steady social interest in the content

of the media and the growing linguistic interest in the problem of choosing language means for the implementation of the main goals of sports media. The material for this study was accumulated by the method of continuous sampling. The processing of factual material makes it possible to identify the most frequent lexemes and determine their functions in context. Semantic, contextual and discourse analysis allows us to assert that the key semantic units are terms expressing general sports concepts, as well as the concepts of figure skating itself. As one of the forms of the sports institutional discourse manifestation, the news article is characterized by the functioning of linguistic units of special nomination and informing about sports realia, events, people, etc. Figure skating terminology, being a presupposition, complicates the text, makes it more specific and requires background knowledge from the reader. The onomastic space is formed by various kinds of proper names: anthroponyms, toponyms, ergonyms and program names. Abbreviations, which are shortened forms of names of special concepts, organizations, countries, etc., as a means of speech economy convey essential information sufficient in terms of volume. The functioning of the considered units in the text determines such characteristics of the media text as nominativeness, informativeness, expressiveness and attractiveness.

Key words: media discourse, sport discourse, term, proper name, anthroponym, toponym, ergonym, abbreviation, evaluation lexis.

Спорт – одна из самых социально востребованных тем в медийном пространстве. Контент новостных статей адресован не только и столько профессиональной аудитории, сколько широкому кругу читателей. Это объясняет главную особенность спортивного медийного дискурса – с одной стороны, обусловленность тематикой, специализированность, что требует определенной заинтересованности и осведомленности, с другой стороны – ориентированность на различных по профессиональному статусу и фоновым знаниям реципиентов. Данное обстоятельство обуславливает выбор языковых средств, к которым апеллирует автор текста спортивного медийного дискурса, что в последние годы привлекает внимание со стороны ученых-лингвистов [1; 2; 3; 4; 5]. Событийность спорта как вида деятельности и постоянное обновление контента спортивных новостных сайтов – те факторы, которые не позволяют данной проблематике утратить свою актуальность.

Особое внимание к медийной составляющей спортивного дискурса обусловлено совокупностью факторов. Например, Е.Г. Малышева условно характеризует спортивный журналистский дискурс как ядро спортивного дискурса, поскольку он соответствует большинству дискурсообразующих категорий, а именно: условиям, цели, субъектно-объектным характеристикам коммуникации, жанрово-стилистическим и прагмалингвистическим особенностям текстов, системе репрезентированных в дискурсе концептов [6, с. 23–24]. Одним из жанров спортивного медийного дискурса выступает аналитическая статья, информирующая читателя и представляющая аналитическую оценку произошедшего или предстоящего спортивного события и оказывающая на него сильное эмоциональное воздействие, при этом она характеризуется специфической структурой, логической обоснованностью даваемой оценки и смешением жанров [7]. Научный интерес к данному материалу, на наш взгляд, обусловлен его социальной значимостью, открытостью для читательской аудитории, относительной понятностью и популярностью. Признавая важность других составляющих спортивного дискурса (научного спортивного дискурса, энциклопедического спортивного дискурса и др.), мы полагаем, что тексты спортивных СМИ дают большую возможность ученым раскрыть смысловые доминанты благодаря экспрессии и динамизму, которыми характеризуется именно медийный дискурс.

Материал для настоящего исследования был организован как мини-корпус текстов, представляющих собой новостные статьи о фигурном катании. Источником послужил официальный сайт Международного союза конькобежцев (International Skating Union) [8]. Было включено 50 текстов, количество словоупотреблений – 11 918.

Очевидно, что в тексте, посвященном определенной тематике, ключевые понятия и идеи выражаются релевантной лексикой. Несмотря на то, что круг потенциальных читателей рассматриваемых текстов широк, он ограничен спецификой интересов и наличием фоновых знаний, в связи с чем тексты включают пресуппозицию. Под пресуппозицией понимается семантический компонент, необходимый для понимания смысла реципиентом [9, с. 34]. Одним из маркеров специфичности тематически обусловленных текстов традиционно выступает термин. В изученном материале нами выявлено 40 терминов фигурного катания: *triple axel* (тройной аксель), *lift* (поддержка), *throw* (выброс) и т.д. Наиболее частотными выступают терминологические единицы *skater / skaters* – фигурист / фигуристы (26 употреблений); *figure skating* – фигурное катание (12 употреблений); *performance* – выступление (6 употреблений); *Ice Dance Couple* – пара в танцах на льду (5 употреблений) и т.д. Отметим, что большая часть терминов (32 единицы) представляют собой словосочетания, т.е. включают в себя два и более компонента: *figure skating* (фигурное катание), *ice dancer* (фигурист, выступающий в

спортивных танцах на льду), *quadruple jump* (четверной прыжок), *throw triple flip* (выброс тройной флип), *skating skills* (мастерство скольжения) и т.д. Применение терминов обусловлено необходимостью реализации функции информативности в медийном тексте. Термины фигурного катания используются, во-первых, с целью подчеркнуть принадлежность спортсмена к виду фигурного катания: *pair skater* (фигурист-парник), *single skater* (фигурист-одиночник) и т.д. Во-вторых, термины применяются для обозначения выполненных спортсменами элементов: *toe loop* (тулуп), *quadruple jump* (четверной прыжок), *throw* (выброс), *death spiral* (тодес) и т.д. Приведем контекст: *Boikova/Kozlovskii nailed it all again in their “James Bond” themed Free Skating and their flawless performance highlighted by jumps, throws, lifts, and death spiral was worth another personal best score of 152.24 points* [8]. – Бойкова и Козловский отлично выступили с произвольной программой «Джеймс Бонд» и их безупречное выступление с прыжками, выбросами, поддержками и тодесом позволило показать им еще один личный рекорд в 152,24 балла. Приведенный контекст показывает, что наличие лексем специального языка спорта способствует информационной насыщенности фрагмента новостного текста: оценка качества исполнения дополнена перечислением элементов программы. Однако необходимо подчеркнуть, что терминологические единицы выступают очевидным источником трудностей понимания текста и/или его перевода, в случае если реципиент/переводчик не знаком с понятийным аппаратом данной предметной сферы – фигурного катания.

Помимо терминов, обозначающих понятия фигурного катания, в изучаемых текстах функционируют и общеспортивные термины, обозначающие понятия, общие для спортивной сферы. Единиц данной функционально-тематической группы выявлено 36. Наиболее частотными выступают следующие термины: *coach – тренер* (30 употреблений), *athlete – спортсмен* (13 употреблений), *training – тренировка, тренировочный* (6 употреблений), *compete – соревноваться* (5 употреблений) и т.д. Приведем контекст: *To compete in a major event and get on to the podium on home ice is something special for every athlete* [8]. – Для каждого спортсмена важно принимать участие в крупных соревнованиях и есть что-то особенное в том, чтобы подняться на пьедестал почета на домашнем льду. В данном предложении мы можем наблюдать функционирование специальной спортивной лексики, однако без более широкого контекста практически невозможно понять, о каком виде спорта идет речь. Тем не менее, общеспортивная лексика способствует терминологизации новостного текста о фигурном катании и позволяет избежать тавтологии в конкретном фрагменте (*athlete* вместо *figure skater*; *event* вместо *figure skating championship* и т.д.).

Медийный спортивный дискурс также характеризуется наличием ономастического пространства, т.е. функционированием имен собственных. Одним из типов имен выступают антропонимы. В изученном материале антропонимы выявлены в количестве 63 единиц. Среди них 47 имен спортсменов, 15 имен членов команды (тренеры, хореографы, дизайнеры и т.д.) и одно прозвище. Наиболее часто встречается имена Чарли Уайта (*Charlie White*) (7 употреблений), американского фигуриста, выступающего в танцах на льду; японского фигуриста-одиночника Юдзуру Ханю (*Yuzuru Hanyu*) (4 употребления); фигуристов Габриэлы Пападакис и Гийома Сизерона, выступающих в танцах на льду (*Gabriella Papadakis/Guillaume Cizeron*) (3 употребления). Среди тренеров, дизайнеров и хореографов наиболее часто встречается имя бывшей канадской фигуристки, выступавшей в танцах на льду, действующего хореографа Ше-Линн Бурн (*Shae-Lynn Bourne*) (9 упоминаний). Имена спортсменов используются при перечислении победителей соревнований, победителей в номинациях, а также гостей спортивных мероприятий, которые в прошлом выступали на соревнованиях в качестве участников (например, российская фигуристка, выступавшая в парном катании Екатерина Гордеева (*Katia Gordeeva*), итальянская фигуристка, выступавшая в одиночном и парном катании, Валентина Маркеи (*Valentina Marchei*) и др. Приведем контексты употребления антропонимов: *Chock/Bates were awarded the prize for their costumes of their “Egyptian Snake Dance” program, created by designer Mathieu Caron* [8]. – Пара Чок и Бейтс получила приз за костюмы, созданные дизайнером Мэтью Кароном для программы «Египетский танец змей». Имена тренеров, хореографов и дизайнеров упоминаются в связи с информацией о награждении членов команды фигуристов в номинациях «Лучший тренер», «Лучший хореограф», «Лучший дизайнер»: *The Best Coach Award went to Eteri Tutberidze (RUS) while Shae-Lynn Bourne (CAN) was crowned best choreographer* [8]. – Награда «Лучший тренер» была вручена Этери Тутберидзе (Россия), Ше-Линн Бурн (Канада) получила звание лучшего хореографа. Приведенные контексты показывают, что антропонимы способствуют полноценной передаче информации, в центре которой – личности и их представление, описание их действий, событий, происхо-

дящих в их профессиональной жизни. Ключевая роль в спорте закреплена за участниками спортивных событий и имена собственные как средства первичной номинации – естественный элемент в ткани текста медийного спортивного дискурса.

Для специального языка спорта характерны прозвища, поскольку коммуникация предполагает эмоциональную окрашенность. Прозвище выступает в качестве условного знака-признака или символа (элемента профессионального кода) и находится под воздействием различных дискурсивных факторов [10]. Как упоминалось ранее, в изучаемых текстах нами было выявлено одно прозвище – *quad queen* (королева квадов), используемое в отношении Александры Трусовой, которая стала первой в истории фигуристой, исполнившей на соревнованиях под эгидой Международного союза конькобежцев такие четверные прыжки, как лутц, тулуп и флип. Представим контексты употребления: *The other finalists in this category were “quad queen” Alexandra Trusova (RUS) and 2020 Four Continents silver medalist Young You (KOR)* [8]. – Также финалистами в этой категории стали «королева квадов» Александра Трусова (Россия) и серебряная медалистка Чемпионата Четырех Континентов – 2020 Ю Ён (Южная Корея). В данном фрагменте прозвище предваряет имя и фамилию спортсменки, заключая в себе информацию о ее достижениях, подчеркивая успешность и амбициозность.

Еще одной разновидностью онимов, обнаруженных нами в рассматриваемых текстах, выступили топонимы в количестве 19 единиц. В текстах, посвященных фигурному катанию, топонимы употребляются для указания места проведения соревнований, а также для указания страны, которую представляют фигуристы, и города, в котором они тренируются. Примеры контекстов употребления: 1. *Cancellation of the ISU Junior Grand Prix of Figure Skating, Yokohama (JPN) – September 16-19, 2020* [8]. – Отмена Гран-при среди юниоров по фигурному катанию, г. Йокосама (Япония) – 16-19 сентября 2020 г. 2. *Coming to Graz, the team from St. Petersburg had their first national senior-level title under their belts, but competition promised to be tough with two-time ISU European Figure Skating Champions and ISU World Figure Skating silver medalists Evgenia Tarasova/Vladimir Morozov (RUS) competing as well* [8]. – Приехав в Грац, пара из Санкт-Петербурга имела за плечами свой первый национальный чемпионский титул среди взрослых, но конкуренция обещала быть жесткой, поскольку в соревнованиях также принимали участие двукратные чемпионы Европы по фигурному катанию, серебряные призеры чемпионатов мира по фигурному катанию Евгения Тарасова и Владимир Морозов (Россия).

В рассматриваемых текстах также зафиксировано употребление эргонимов – названий организаций – в количестве 9 единиц. Наиболее частотная лексема данного типа – полное название Международного союза конькобежцев (*The International Skating Union*) – используется 17 раз. Приведем контекст, где функционирует данный эргоним: *As part of the #UpAgain Campaign, the International Skating Union (ISU)’s aim is to inspire and support people so that they can face life’s challenges* [8]. – В рамках кампании #UpAgain Международный союз конькобежцев (МСК) стремится вдохновлять и поддерживать людей с тем, чтобы они смогли справиться с жизненными вызовами. Применение эргонима, относящегося к авторитетной организации, сообщает новостному тексту официальность, а также характеризует мировое спортивное сообщество.

Интересными наименованиями, свойственными текстам о фигурном катании, выступают названия программ. Таковых в рассмотренном материале выявлено 7, цель их использования – вызвать у читателя в воображении образы героев, представленных фигуристами в программе, их возможные переживания, эмоции, например *Memoirs of a Geisha* (Мемуары гейши), *James Bond* (Джеймс Бонд), *Prince* (Принц) и т.д. Приведем контекст: *The other nominees were Evgenia Medvedeva (RUS) with her “Memoirs of a Geisha” Free Skating (choreographed by Shae-Lynn Bourne) and Kevin Aymoz (FRA) for his Prince Short Program (choreographed by Aymoz, Silvia Fontana and John Zimmerman)* [8]. – Также номинантами стали Евгения Медведева (Россия) с произвольной программой «Мемуары гейши» (хореография Шэ-Линн Борн) и Кевин Эймос (Франция) с короткой программой «Принц» (хореография Аймоса, Сильвии Фонтаны и Джона Циммермана). Указание названий программ, исполняемых фигуристами, не просто информирует читателя, но передает настроение соревнований, украшает текст, апеллируя к фоновым знаниям реципиента.

Стремление новостной статьи к краткости, необходимость создать компактный текст побуждают авторов использовать аббревиатуры. Наиболее часто они представляют собой наименования организаций (эргонимы) и названия стран (топонимы) и обозначения специальных понятий (термины). В исследуемом материале насчитывается 54 примера: *COC – Chinese Olympic Committee* (Олим-

нийский Комитет Китая); ISU – International Skating Union (Международный союз конькобежцев); HIIT – High Intensity Interval Training (Высокоинтенсивная интервальная тренировка); JPN – Japan (Япония) и т.д. Наиболее частотной является единица ISU (360 употреблений), которая в том числе входит в структуру многокомпонентных терминов: *ISU policies and decisions* (политика и решения Международного союза конькобежцев); *ISU Code of Ethics* (Кодекс этики Международного союза конькобежцев) и т.д. Рассмотрим примеры аббревиатур в контексте: *Following the success of the 2018 and 2019 ISU World Championships streams on the [Skating ISU YouTube Channel](#), the International Skating Union (ISU) asked fans and followers what they wanted to see next and selected the 2017 ISU World Figure Skating Championships which will begin as of May 10, 2020* [8]. – После успешной трансляции чемпионатов мира по фигурному катанию 2018 и 2019 годов на канале YouTube, Международный союз конькобежцев (МСК) спросил фанатов и подписчиков, что они хотели бы увидеть дальше, и выбрал чемпионат мира по фигурному катанию 2017 г., трансляция которого начнется с 10 мая 2020. Также частотными являются аббревиатуры стран (48 употреблений), которые используются с целью показать, за какую страну выступает спортсмены или к какой стране принадлежат победители тех или иных номинаций. Например: 1. *The 20 year old Russian-born skater teamed up with Harley Windsor (AUS) in 2016 and represented Australia* [8]. – 20-летняя фигуристка российского происхождения в 2016 году представляла Австралию в паре с Харли Уиндзором (Австралия). Как видим из представленных контекстов, аббревиатуры способствуют информативности текста, сообщая факты максимально кратко, и текст не перегружен полными формами лексем.

Одной из задач медийного дискурса в принципе и медийного спортивного, в частности, является передача эмоциональной составляющей событий. Выразительность обеспечивается функционированием оценочной лексики, передающей накал соревнований, напряженность. В качестве примеров приведем цитаты: 1) *“I am really very **excited**, because this was completely **unexpected**. I couldn’t imagine that I would win,” Kostornaia said* [8]. – «Я в полном **восхищении**, потому что это было абсолютно **неожиданно**. Я и представить не могла, что я выиграю», – сказала Косторная. 2) *“Obviously, for me as probably for each coach this (award) is the recognition of a path already done, work already done. Even more so as my competitors were very **worthy**. It was an **honor** already to have been nominated,” Tutberidze said* [8]. – «Несомненно, для меня, как, наверное, для каждого тренера, это (награда) – признание уже пройденного пути, уже проделанной работы. Тем более, что мои конкуренты были очень **достойными**. Для меня было честью быть номинированной», – сказала Тутберидзе. Иллюстрируемые лексемы используются с целью рассказать об эмоциях и впечатлениях спортсменов, тренеров, ведущих и гостей соревнований. Они способствуют созданию яркого, живого, более динамичного текста, привлекая внимание читателя.

Таким образом, ключевой дискурсообразующей лексической особенностью новостных статей о фигурном катании является активное использование простых и составных терминов как общеспортивных, так и собственно терминов фигурного катания. Корректная интерпретация смысла последних возможна при наличии необходимых фоновых знаний, изначальной заинтересованности читателя в теме. Ономастическое пространство представлено антропонимами, топонимами, эргонимами и названиями программ. Функционирование аббревиатур обеспечивает передачу существенной, достаточной по объему информации минимальными средствами, максимально просто и лаконично – с помощью сокращенных форм наименований специальных понятий, организаций, стран и др. Такое лексическое наполнение регламентирует такие характеристики медийного текста, как номинативность, информативность, экспрессивность, аттрактивность.

Библиографический список

1. Быкова Т.Ю. Национальная идентичность в российском спортивном дискурсе (на примере чемпионата мира по футболу 2018) // Поволжский вестник науки. 2019. № 2 (12). С. 51–53.
2. Викулова Л.Г., Герасимова С.А. Коммуникативный потенциал спортивной газеты в медийном Интернет-пространстве: событие, факт, оперативность // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 4 (32). С. 105–112.
3. Пантеева К.В. Интердискурсивность и особенности ее проявления в спортивном дискурсе // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2020. Т. 39. № 2. С. 289–298.

4. Ражина В.А. Лексико-грамматическая специфика спортивных текстов в современных англоязычных СМИ // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2018. № 1. С. 88–92.
5. Терпелец Ж.А. Языковые механизмы репрезентации женщин-спортсменок в дискурсе СМИ английского и французского языков: гендерный аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2018. № 2 (217). С. 116–125.
6. Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование [Электронный ресурс]: монография. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2011. 370 с.
7. Шарафутдинова С.В. Спортивная аналитическая статья как жанр дискурса СМИ // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34 (172). Филология. Искусствоведение. Вып. 36. С. 141–144.
8. International Skating Union. URL: <https://www.isu.org/> (дата обращения – 10.06.2021).
9. Лукин В.А. Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа: учебник для филол. спец. вузов. М.: Издательство «Ось-89», 1999. 192 с.
10. Вишнякова О.Д., Александрова В.А. Прозвищное наименование как процесс взаимодействия лингвистической семиотики и семиотической концептологии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Вып. 28. № 24 (221). С. 51–60.

References

1. Bykova T.Yu. The national identity in the Russian sports discourse (on the example of the World Cup 2018) // *Volga Bulletin of Science*. 2019. Vol. 2 (12). P. 51–53.
2. Vikulova L.G., Gerasimova S.A. Communicative potential of a sports newspaper in the media Internet space: eventuality, fact, efficiency // *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2018. Vol. 4 (32). P. 105–112.
3. Panteeva K.V. Interdiscursivity and its peculiarities in sports discourse // *Issues in Journalism, Education, Linguistics*. 2020. Vol. 39. Iss. 2. P. 289–298.
4. Razhina V.A. Lexico-grammatic features of sport texts in modern English mass media // *Proceedings of Southern Federal University. Philology*. 2018. Vol. 1. P. 88–92.
5. Terpelets Zh.A. Language mechanisms of female-athlete representation in mass media discourse of the English and French languages: gender aspect // *The Bulletin of the Adyge State University. Series 2: Philology and the Arts*. 2018. Vol. 2 (217). P. 116–125.
6. Malysheva E.G. Russian sport discourse: lingvocognitive research [Electronic Resource]: monograph. 2nd ed. Moscow, 2011. 370 p.
7. Sharafutdinova S.V. Sport analytical article as a genre of media discourse // *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2009. Vol. 34 (172). Philology. Arts. Iss. 36. P. 141–144.
8. International Skating Union. URL: <https://www.isu.org/> (accessed – 10.06.2021).
9. Lukin V.A. Fiction text: bases of linguistic theory and elements of analysis: textbook for philological majors. Moscow, 1999. 192 p.
10. Vishnyakova O.D., Aleksandrova V.A. Soubriquet nomination as linguistic semiotics and semiotic conceptology interaction process // *Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: Humanities*. 2015. Vol. 28. Iss. 24 (221). P. 51–60.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК 81.242

10.36622/AQMPJ.2021.20.29.012

*Дальневосточный федеральный университет
Старший преподаватель кафедры
китаеведения ВИ-ШРМИ*

*Бахтина Е.В.
Россия, г. Владивосток, тел. +79025066627
e-mail: bakhtina.ev@dvfu.ru*

*Far Eastern Federal University
Senior lecture of the Chinese department
The Oriental Institute – School of Regional
and International Researches*

*Bakhtina E.V.
Russia, Vladivostok, +79025066627
e-mail: bakhtina.ev@dvfu.ru*

Е.В. Бахтина

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ЭКВИВАЛЕНТОВ ГЛАГОЛОВ «УМЕРЕТЬ», ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В СЕМЕЙНЫХ НАРРАТИВАХ КИТАЙЦЕВ

Семейные нарративы описывают историю не только одного конкретного человека, а нескольких поколений одного рода. В таких повествованиях нередко рассказаны ключевые моменты от рождения до смерти каждого представителя, рассвет и упадок семьи, клана, их взаимосвязь с историей страны, влияние внешних условий на формирование и становление каждого члена. Нарратив освещается в разных аспектах: *нарративный анализ*; нарратив в исследованиях семьи, в исследовании идентичности. Нарративы рассматриваются в различных исследованиях с точки зрения конструирования и поддержания идентичности, нарративы как культурная модель, в педагогике и психологии. В данной статье описываются особенности выбора слова со значением «умереть» при переводе на русский язык семейных историй. В настоящее время исследователи стали обращаться больше к тексту, самому нарративу, а не слову и предложению. В данной работе освещены особенности выбора при переводе с китайского языка на русский эквивалентов слову «умереть», использованных респондентами в семейных нарративах этнических китайцев. Выбор эквивалента определяется контекстом, семантическими особенностями каждого из слов выстроенного синонимического ряда. Передача тонких смысловых оттенков синонимов представляется непростой задачей в переводе, требующей от переводчика не только знаний языка, но и культурного аспекта, менталитета носителей языка. В данной статье выделены синонимичные ряды термину «смерть» в русском и китайском языках. На примерах использования данных глаголов были описаны принципы выбора соответствий с точки зрения семантики, стиля при переводе.

Ключевые слова: умереть, синонимы, перевод, семейный нарратив, семантика, китайский язык.

E. V. Bakhtina

PECULIARITIES OF RUSSIAN TRANSLATION OF THE VERB EQUIVALENTS "DIE", USED IN CHINESE FAMILY NARRATIVES

Abstract: Family narratives describe the history of not only one specific person, but several generations of the same kind. Such narratives often tell the key moments from birth to death of each member, the rise and fall of the family, clan, their relationship with the history of the country, the influence of external conditions on the formation and formation of each member. The narrative is covered in different aspects: *narrative analysis*; narrative in family studies, in the study of identity. Narratives are considered in various studies from the point of view of constructing and maintaining identity, narratives as a cultural model, in pedagogy and psychology. This article describes the specifics of choosing a word with the meaning "die" when translating into Russian. Nowadays, researchers began to turn more to the text, the narrative itself, rather than the word and the sentence. This paper highlights the features of choosing the equivalent of a word when translating from Chinese into Russian, used by respondents in the family narratives of ethnic Chinese. The choice of an equivalent is determined by the context, the semantic features of each of the words of the built synonymous

series. The transfer of subtle semantic shades of synonyms is a difficult task in translation, requiring from the translator not only knowledge of the language, but also the cultural aspect, the mentality of native speakers. This article highlights synonymous series of the term "death" in Russian and Chinese. Using examples of the use of these words in family narratives, the principles of choosing a match in terms of semantics and style in translation are described.

Key words: die, synonyms, translation, family narrative, semantics, Chinese.

Цель любого семейного нарратива – передать как можно больше знаний о человеке, семье и его ценностях. Такая информация интересна психологам, историкам, лингвистам. С точки зрения переводоведения информацию из нарратива на иностранном языке можно получить не только из самого текста, но и из используемых им лексических единиц. Семейные нарративы в лингвистике изучаются в исследованиях по семейной коммуникации. На наш взгляд, при переводе китайских семейных нарративов особое внимание следует уделять синонимичным словам. Анализ используемой лексики помогает раскрыть дополнительные детали и уточнения, которые следует учитывать и отображать в переводе. Исследование семантики слова помогает проникнуть в скрытую сферу ментальности и культуры респондента, дораскрыть что-то недосказанное. В данной статье объектом исследования является синонимический ряд эквиваленту «умереть» в современном китайском языке. Цель исследования является анализ особенностей перевода китайских синонимов слову «умереть» в контексте семейного нарратива.

В русском языке слову «умер» соответствуют следующие синонимы: «Скончаться – преставиться – опочить – почить – отойти – угаснуть – погибнуть – сгореть – помереть – кончиться – окочелеть – подохнуть – издохнуть – загнуться – окочуриться – скапуться» [1; с. 285]. У каждого из синонимов своя семантика, так, например, слово «скончаться» употребляется обычно в приподнятой или официальной речи с оттенком уважения к умершему, а «представиться» используется в стилизованной речи» [1, с. 285]. «Преставиться – устар. Скончаться, умереть» [2; с. 604].

В данной статье мы проанализируем наиболее часто встречающиеся в семейных нарративах слова, обозначающие «смерть кого-то из родственников» и их соответствия русским эквивалентам. Данные были получены путем проведения анкетирования среди этнических китайцев различных возрастных групп. В опросе приняли участие 150 человек. В ответах использовались следующие слова: 去世 qùshì «умереть (о смерти взрослых)», 逝世 Shìshì «умереть», 死 Sǐ «умереть», 过世 Guòshì «умереть», 离世 líshì «умереть», 不在了 bùzài le «покинуть мир», 病逝 Bìngshì «умереть (из-за болезни)». Все они соответствуют русскому слову «умереть».

Если обратиться к словарю синонимов китайского языка, то выделяют следующую группу синонимов: 去世 qùshì, 逝世 Shìshì, 死 Sǐ [4; с. 577]. Между ними существуют следующие отличия:

去世 qùshì «скончаться; умереть». Данное слово используется преимущественно при рассказе о возрастных родственниках, чаще имеет оттенок уважения к умершему. Стилистически нейтральное слово, не может выполнять функции дополнения. Данное слово встретилось 63 раза. Приведем примеры использования данного термина в нарративах:

我的老爷爷在很久之前就车祸去世了,我记得当时他们在病床上躺了很久,还是没有醒过来

Wǒ de lǎolao lǎoyé zài hěnjiǔ zhīqián jiù chēhuò qùshì le, wǒ jìdé dāng shí tāmen zài bìngchuáng shàng tǎng le hěnjiǔ, háishì méiyǒu xǐng guò lái.

«Мои дедушка и бабушка (по материнской линии) давно погибли в автокатастрофе, я помню, что они долго пролежали в больнице, но так и не очнулись».

В данном предложении использовано словосочетание 车祸去世 chēhuò qùshìle погибнуть в автокатастрофе. Слово 去世 qùshìle переводится на русский язык «скончаться, умереть», слово «скончаться офиц. умереть» [2, с. 749]. Умереть – перестать жить [2, с. 867]. Слово 车祸 chēhuò «автокатастрофа» определяет выбор слова «погибнуть», которое определяется как: «подвергнуться гибели, уничтожению (обычно при катастрофе, бедствии)» [2, с. 539]. Т.е. указывает на преждевременность гибели.

我的曾祖母和曾祖父在我差不多五岁的时候去世的

Wǒ de zēngzǔmǔ hé zēngzǔfù zài wǒ chàbùduō wǔ suì de shíhòu qùshì de.

«Когда мне было почти пять лет, умерли мои бабушка и дедушка».

去世 qùshì в данном предложении не имеет никакой дополнительной семантики, поэтому переводится «умерли».

Слово 逝世 Shìshì имеет узкую сферу использования, используется только в уважительном контексте, книжное слово, придает некую торжественность, может выполнять только функции глагола. Данное слово использовалось один раз. В китайском языке данное слово обладает дополнительным семантическим значением - используется в значении «скончаться, покинуть сей мир (как правило, о великих людях, внёсших большой вклад в развитие общества, науки и т.п.)».

里面记载的是我们家族中的历代先人的名字和出生时间和逝世时间。

Lǐmiàn jìzǎi de shì wǒmen jiāzú zhōng de lǐdài xiān rén de míngzì hé chūshēng shíjiān.

«В ней (генеалогической книге) записаны имена, даты рождения и смерти предков нашего рода».

Поскольку генеалогические книги в Китае преимущественно имели знатные кланы, в них вносились самые значимые и выдающиеся периоды рода, именитые члены и их достижения, в русском языке нет семантически ёмкого соответствия, поэтому выбрано стилистически нейтральное слово «смерть». «Смерть» в русском языке в данном контексте имеет значение «прекращение жизнедеятельности организма и гибель его» [2, с. 760]. Возможно было сделать описательный перевод, уточнив смысл слова 逝世 Shìshì, но общий стиль данного нарратива не требует этого. Достаточно использовать функциональную замену.

Слово 死 Sǐ имеет значение «умереть, подохнуть, пасть кончиться, исчезнуть; мёртвый, умерший, погибший; смерть». Является разговорным словом, обладает самой широкой семантикой. Может выполнять функции дополнения. В исследуемом нами материале данное слово встретилось два раза:

无所谓吧，有没有都是一点字而已，记不记录都是要离开的，人生不带来死不带去的，不一定要留什么东西在这个世界上，有人记得我和没人记得我没什么区别。

Wúsuǒwèi ba, yǒu méiyǒu dōu shì yīdiǎn zì éryǐ, jì bù jìlù dōu shì yào líkāi de, rénshēng bù dài lái sǐ bù dài qù de, bù yīdìng yào liú shénme dōngxī zài zhège shìjiè shàng, yǒurén jìde wǒ hé méi rén jìde wǒ méishénme qūbié.

«Все это не имеет никакого значения. Записываете вы или нет, если вас уже не будет, человек ничего не сможет забрать с собой после смерти. Не обязательно что-то оставлять в этом мире, будут помнить тебя или нет, какая разница». В данном предложении слово 死 Sǐ принимает после себя дополнительный элемент – дополнение результата. В данном контексте переводим существительным «смерть».

我出生之前他们就死了，但我听说了他们是好人。

Wǒ chūshēng zhīqián tāmen jiù sǐle, dàn wǒ tīng shuōle tāmen shì hǎorén.

«Они умерли до моего рождения, но я слышал, что они были хорошими людьми». В данном предложении 死 Sǐ использовано в прямом значении, поэтому переводится «умерли».

При описании родственников так же использовались следующие слова:

过世 Guòshì «покинуть мир; скончаться». Является нейтральным термином, чтобы показать, что кто-то покинул этот мир, использовалось 53 раза. Приведем примеры использования.

因为我出生他们就过世了，所以我就没有太多的了解了，但是我知道他们都是农民。

Yīnwèi wǒ chūshēng tāmen jiù guòshìle, suǒyǐ wǒ jiù méiyǒu tài duō de liǎojiěle, dànshì wǒ zhīdào tāmen dōu shì nóngmín.

«Поскольку когда я родился, их уже не было, поэтому я мало чего о них знаю, знаю только, что они были крестьянами». В данном предложении учитывая контекст целесообразно подобрать эквивалент «их уже не было» вместо «покинули мир», что соответствует всему стилю нарратива.

我还没出生他们就过世了，爷爷奶奶偶尔会提起。

Wǒ hái méi chūshēng tāmen jiù guòshìle, yéyé nǎinai ǒu'ěr huì tíqǐ.

«Они покинули этот мир еще до моего рождения, бабушка и бабушка иногда упоминали об этом». В данном предложении использовано словосочетание «покинули этот мир» в силу используемых грамматических конструкций.

离世 líshì «умереть; скончаться». Чаще всего этот термин обозначает, что человек умер из-за болезни. Использовалось 14 раз.

在前几年他们相继离世了，我很后悔没有好好陪伴他们；我的祖父母很早就去世了，他们也是很好的人，特别是我的祖母，她真的很勤劳很能干。

zài qián jǐ nián tāmen xiāngjì lǐshìle, wǒ hěn hòuhuǐ méiyǒu hǎohǎo péibàn tāmen; wǒ de zǔfùmǔ hěn zǎo jiù qùshìle, tāmen yěshì hěn hǎo de rén, tèbié shì wǒ de zǔmǔ, tā zhēn de hěn qínláo hěn nénggàn.

«За эти несколько лет они один за другим ушли из жизни, мне очень жаль, что я проводила с ними мало времени. Бабушка и дедушка тоже очень рано ушли из жизни, они были очень хорошими людьми, особенно бабушка, она была очень трудолюбивой и способной». В данном предложении респондент использовал два слова со значение «умереть - 离世 lǐshì и 去世 qùshì». Слово 离世 lǐshì перевели «ушли из жизни», поскольку в русском языке полную семантику можно раскрыть только путем описательного перевода, а 去世 qùshì – «умерли».

我跟他们一起生活过，姥姥姥爷都是在我家离世的，再就是妈妈讲给我们的。

Wǒ gēn tāmen yìqǐ shēnghuóguò, lǎolao lǎoyé dōu shì zài wǒjiā lǐshì de, zài jiùshì māmā jiǎng gěi wǒmen de.

«Мы жили с бабушкой и дедушкой, они умерли в нашем доме, об этом рассказывала мама». Здесь использовано в переводе слово «умерли».

Следующее используемое слово - 不在了 bùzài le «уже нет». Стилистически нейтральное слово, указывающее просто факт отсутствия человека в этом мире. Все эти слова, использовались самостоятельно, поэтому на русский язык были переведены «умерли». Перевод данных слов с полным семантическим соответствием затруднителен на русский язык, поскольку требует ввода дополнительных элементов, представляется допустимым использование описательного перевода. В нарративах использовалось два раза.

外祖母在我很小的时候就不在了，对他们不是很了解

Wài zǔfùmǔ zài wǒ hěn xiǎo de shíhòu jiù bùzài le, duì tāmen bùshì hěn liǎojiě.

«Дедушки и бабушки не стало, когда я была еще маленькой, я мало чего о них знаю».

我不太记得他们，他们在我很小的时候就不在了。

Wǒ bù tài jìde tāmen, tāmen zài wǒ hěn xiǎo de shíhòu jiù bùzài le.

«Я не очень их помню, их не стало, когда я был еще мал». В данных примерах использован прямой перевод.

Один из респондентов использовал термин 病逝 Bìngshì «скончаться от болезни». Данное слово переводится в прямом значении.

我的祖父前两年已经去世，他生前是一个勤劳节俭的农民；我的祖母现在已经七十五岁高龄了，她之前也是一个农民，但是年纪大了就没有种庄稼了，就在家休息。我的外祖母在我出生之前就已经病逝；我的外祖父是一个卡车司机。

Wǒ de zǔfù qián liǎng nián yǐjīng qùshì, tā shēngqián shì yīgè qínláo jiéjiǎn de nóngmín, yīshēng; wǒ de zǔmǔ xiànzài yǐjīng qīshíwǔ suì gāolíng, tā zhīqián yěshì yīgè nóngmín, dànshì niánjì dàle jiù méiyǒu zhǒng zhuāngjiàle, jiù zài jiālǐ xiūxi. Wǒ de wàizǔmǔ zài wǒ chūshēng zhīqián jiù yǐjīng bìngshì; wǒ de wàizǔfù shì yīgè kǎchē sījī

«Два года назад умер дедушка, он был очень бережливым и трудолюбивым крестьянином, бабушке уже 75 лет, раньше она тоже была крестьянкой, но сейчас уже пожилая, нет сил, поэтому отдыхает дома. Моя бабушка по маме умерла из-за болезни до моего рождения, дедушка по маме - водитель грузовика». В данном предложении респондент использовал два слова со значением «умереть», которые отличаются семантически. При переводе это было учтено и отображено в переводе.

При переводе слов, входящих в синонимичный ряд глагола «умереть», необходимо передать тонкие семантические оттенки каждой из единицы. По ряду причин данное условие не всегда достижимо, в силу того, что не всегда в другом языке есть точный эквивалент конкретному слову, не всегда необходим описательный перевод. Кроме того, следует учитывать и грамматическую специфику китайского языка, так при переводе на русский язык некоторые слова из категории глаголов переходят в другие разряды, например, как в нашем случае - в имя существительное. Вместе с тем нельзя переводить отдельно взятое слово вне контекста, требуется соблюдение соответствия общему стилю нарратива.

Библиографический список

- 1.Словарь синонимов русского языка. Словарь антонимов русского языка. СПб: Издательство «Виктория плюс», 2002. 537 с.
2. Современный толковый словарь русского языка/ Гл.ред. С.А. Кузнецов. СПб. : «Норинт», 2003. 960 с.

3. Словарь современного китайского языка.现代汉语词典。 - 北京商务印书馆, 一九九六。
Сяньдай Ханьюй цыдянь – Пекин: Изд – во «Шанъу иньшугуань», 1996. 1724 с
4. Словарь синонимов и антонимов. 周永惠。同义词反义词词典。四川: 四川辞书出版社, 两零零三。 Чжоу Юнхуй. Туницы, фаньицы цыдянь Чжоу Юнхуй. Сычуань.: Изд-во Лексикографической литературы, 2003. 742 с.

References

1. Dictionary of synonyms for the Russian language. Dictionary of the antonyms of the Russian language. - St. Petersburg: Publishing House "Victoria Plus", 2002. 537 p
2. Modern explanatory dictionary of the Russian language / Ed. S.A. Kuznetsov. SPb.: "Norint", 2003. - 960 p
3. Dictionary of Modern Chinese. - Beijing: Publishing House "Shangu Yinshuguan", 1996. 1724 p.
4. Dictionary of synonyms and antonyms. Publishing house of Lexicographic literature, 2003. 742 p.

КОНЦЕПТОЛОГИЯ CONCEPT STUDIES

УДК 811.16
10.36622/AQMPJ.2021.37.51.013

*Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва
Д-р филол. наук, профессор,
профессор кафедры русского языка
и массовой коммуникации
Карпенко Л.Б.
Россия, г. Самара, тел. +78469261301
e-mail: liudmila.karpenko.53@mail.ru*

*Samara National Research University
named after S.P. Korolev
Doctor of Philology, Full Professor,
Professor at the Department of Russian
Language and Mass Communication,
Karpenko L.B.
Russia, Samara, +78469261301
e-mail: liudmila.karpenko.53@mail.ru*

Л.Б. Карпенко

ЯЗЫКОВАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ (НА ОСНОВЕ РУССКОГО И БОЛГАРСКОГО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО И ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА)

В статье рассматриваются особенности концептуализации мира в современных русском и болгарском языках на материале фразеологических и паремиологических единиц. Языковая концептуализация понимается как оформление свойственной данному языку понятийной системы в средствах разных языковых уровней, в том числе в устойчиво воспроизводимых образных средствах – идиомах и паремиях. Лингвистический эффект концептуализации состоит в особенностях вычленения аспектов реальности, значимых с точки зрения данного языкового сознания, их образной интерпретации и языковом выражении. Менее очевидны, чем своеобразие фразеологических и пословичных ресурсов языковые различия, связанные с концептуализацией мира на грамматическом уровне. В своих грамматических системах, как и в лексических и фразеологических средствах, языки отражают когнитивную оценку реальности, однако в них могут доминировать разные аспекты оценки. Для русского языка, по наблюдениям автора, характерна предметно-пространственная доминанта, а для болгарского – когнитивно-модальная оценка ситуации. Более выраженная идея пространственности в русском языке по сравнению с болгарским наблюдается и в грамматических, и во фразеологических средствах, что обнаруживается при сопоставлении фразеологического материала двух языков, ср. примеры типа: *взять с места - не тегля рязко; всё на месте – всичко е в ред, както трябва* и т.п. Сделан вывод о необходимости более подробного исследования выявленных доминантных характеристик двух языков на фразеологическом материале.

Ключевые слова: языковая картина мира, языковая концептуализация, фразеология, паремии, сопоставительный анализ, русский язык, болгарский язык.

L.B. Karpenko

LANGUAGE CONCEPTUALIZATION AND COMPARATIVE PHRASEOLOGY (BASED ON RUSSIAN AND BULGARIAN PHRASEOLOGICAL AND PAREMIOLOGICAL MEANS)

The article examines the features of the conceptualization of the world in modern Russian and Bulgarian languages on phraseological and paremiological material. Language conceptualization is understood as the design of a conceptual system peculiar to a given language in the means of different language levels, especially in steadily reproducible figurative means-idioms and proverbs. The linguistic effect of conceptualization consists in the peculiarities of identifying aspects of reality that are significant from the point of view of this linguistic consciousness, their figurative interpretation and language design. Less obvious than the uniqueness of phraseological and proverbial resources are the language differences that are associated with the conceptualization of the world at the grammatical level. In its grammatical system, any language includes a cognitive assessment of reality, but each is dominated by different aspects of

evaluation. According to the author's observations, the Russian language is characterized by a subject-spatial dominant, and the Bulgarian language is characterized by a cognitive-modal assessment of the situation. A more described idea of spatiality in the Russian language is also observed when comparing the phraseological material of two languages, for example: *to take from the place - potegly ryazko; everything is in place, everything is in its place – vsichko e na red, kakto triabva* etc. The conclusion is made about the need for a more detailed study of the identified dominant characteristics of the two languages on the phraseological material.

Keywords: linguistic picture of the world, linguistic conceptualization, phraseology, paroemias, comparative analysis, Russian language, Bulgarian language.

Славянская фразеология – активно разрабатываемая полипарадигмальная область современного языкознания. Свидетельствует о её поступательном развитии богатый опыт фразеологии и фразеологии в трудах В.В. Виноградова, Ю.А. Гвоздарёва, В.П. Жукова, А.В. Кунина, А.И. Молоткова, В.М. Мокиенко, А.И. Фёдорова, Н.М.Шанского и др., а также недавно изданный Гомельским университетом им. Ф. Скорины сборник «Славянская фразеология и паремиология: традиционные и новаторские решения проблем: К 80-летию со дня рождения профессора В. М. Мокиенко» (Гомель, 2020) [1]. Разноаспектные материалы, получившие отражение в сборнике, показывают результаты и традиционного семантико-структурного описания фразеологического и паремиологического наследия, и исследования, выполненные в русле новых подходов: коммуникативно-прагматического, дискурсивного, когнитивного, аксиологического и др. Новые направления находятся в стадии формирования и обнаруживают ряд нерешенных проблем: остается неопределенным состав единиц когнитивной и коммуникативной фразеологии, границы этих фразеологических полей. Наличие проблемных зон ранее было обозначено В.М. Мокиенко, указавшего: «Нет ни одного принципиального вопроса, который не вызывал бы в среде фразеологов дискуссий [2; с. 5]. На современном этапе отмечается также интерес к семиотическому и лингвокультурологическому сопоставительному изучению идиом и паремий как знаков языка и культуры [3; с. 14–18]. Констатируя прогресс фразеологической науки, авторы намечают возможные новые направления исследований. Представляется продуктивным рассмотрение фразеологического материала в комплексе с единицами других уровней в ракурсе теории языковой концептуализации.

Изучение языковой картины мира, этнокультурных особенностей концептуализации мира в языке все больше привлекает лингвистов. Отмечается появление обобщающих работ, в исследованиях русской языковой картины мира, выявлен ряд семантических доминант, таких, как «эмоциональность», «неконтролируемость» (Вежбицкая), неопределенность (Арутюнова, Падучева) и др. Продвижение в исследованиях такой направленности стало возможно с развитием корпусной лингвистики и появлением параллельных корпусов, позволяющих на обширном материале наблюдать специфику языков. Сегодня уже не оспаривается то, что картины мира разных языков различаются. Очевидно, что любой язык включает в себе оригинальный взгляд на мир, и особенности его концептуализации, в значительной части универсальные, в каких-то моментах, которые могут быть проявлены на любом языковом уровне, включая уровень грамматический, – национально специфичны. Овладевая языком, человек усваивает национально-культурные особенности восприятия мира, свойственный данному народу образ мира, «видение мира через призму национальной культуры, одним из важнейших компонентов которой (и средством овладения ею) и является язык» [4; с. 225].

Следует напомнить, что понятия языкового мира и языковой картины мира восходят к идеям В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка, к идее Э. Сепира о символизации опыта как важнейшей функции языка и к гипотезе лингвистической относительности Сепира – Уорфа. В характере и структуре языка, по определению Гумбольдта, отражаются образ жизни и знания его носителей [5]. Э. Сепир развил эту идею тезисом о восприятии человеком мира в зависимости от языковых навыков общества [6; с. 101-105]. Различия концептуализации в естественных языках Э. Сепир продемонстрировал на примере ситуации восприятия падения камня. Носителями разных языков одна и та же ситуация передается различно: англичанин скажет *the stone falls* и выразит определенность ситуации и протекание действия в настоящем времени. На языке индейцев из Британской Колумбии получит отражение очевидность камня и место его нахождения по отношению к говорящему. В языке племени нутка глагол передает и движение камня, и направление падения и т.д. Не только отражение ситуации, но и грамматические характеристики слов, как показал Уорф, связаны с различиями восприятия и «членения» мира [7; с. 178].

В современной отечественной лингвистике утвердилось положение, согласно которому каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия устройства мира, или «языковую картину мира», воспроизводящую средствами языковых знаков концептуальную картину мира, т.е. мира, воспринимаемого сознанием и существующего в упрощенном отображении суммы наивных представлений о мире [8]. Концептуализация – это осмысление реальности, информации в концептах, в понятийной системе, свойственной данному языку, и оформление этих представлений в средствах разных языковых уровней. Обычно понятие *языковая концептуализация* применяется по отношению к означиванию смыслов или оценок лексическими и фразеологическими средствами. Лингвистический эффект концептуализации состоит в особенностях вычленения аспектов реальности, значимых с точки зрения данного языкового сознания, их образной интерпретации и языкового оформления.

Менее очевидны, чем своеобразие фразеологических ресурсов, те языковые различия, которые связаны с концептуализацией мира на грамматическом уровне. Грамматические доминанты, как и семантические доминанты, представляют собой концепты, но концепты, характеризующиеся большей абстрактностью, в отличие от семантических доминант они имеют стереотипные формы реализации в конкретном языке, т.е. они грамматикализованы, заключены в грамматических, функционально-грамматических категориях и получают выражение в системах грамматических средств в регулярном противопоставлении форм. Грамматические категории являются наиболее обобщенными языковыми знаками различных аспектов реальности, представление о которых формировалось в практике когнитивного освоения мира на протяжении длительного времени. В них запечатлевается обобщенный образ наиболее существенных с точки зрения данного языкового сознания признаков: пространственности, временной характеристики, множественности, определенности/неопределенности, очевидности/неочевидности и т.д. Языки могут различаться не только в деталях концептуализации, но и в доминантах картин мира. В своих грамматических системах, как и в лексических и фразеологических средствах, языки отражают когнитивную оценку реальности, однако в них могут доминировать разные аспекты оценки. Для русского языка, по наблюдениям автора, характерна предметно-пространственная доминанта, а для болгарского – когнитивно-модальная оценка ситуации [9; с. 76]. Более последовательное выражение идеи пространственности в русском языке по сравнению с болгарским ранее было выявлено нами на уровнях синтаксиса и морфологии [10]. Характерной особенностью русской речи является максимальная экспликация пространственных отношений, содержащихся в ситуации, что находит отражение и в устойчиво воспроизводимых единицах речи. Устойчивостью характеризуются выражения *есть, было/не было на свете, на дворе* при констатации самых разных фактов (*У нее не было **на свете** ни одного родного человека* (А. Пушкин); болг.: *Тя нямаше нито един близък човек; ...меня още не было на свете* (В. Гроссман); болг.:... *още не съм съществувал; Ведь **на дворе** век компютеров и европейски стандартов*; болг.: *Нима сега е ерата на компютрите и европейските стандарти; Но теперь **на дворе** век Интернета*; болг.: *Обаче сега живеем в дигитална епоха* и под. [11].

Фразеологизации в русской речи подверглись выражения *сдвинуться с места, отправиться в дорогу/в путь, оглядеться по сторонам* и др. Интерес представляет основательное исследование сопоставительного фразеологического корпуса по двуязычным словарям с целью определения степени выраженности доминантных характеристик, но анализ и отдельных словарных единиц подтверждает установленную закономерность. Более выраженная идея пространственности в русском языке наблюдается при сопоставлении фразеологического материала русского и болгарского языков. В болгарских идиомах при этом находит выражение характер протекания действия ср: *взять с места – тръгна, петегля рязко, изведнъж, без предупреждение; мокрого места не останется, только мокрое место останется – ще направя някого на кайма, на пита, на кюфте; сдвинуть с места – размърдам някого; сдвинуться с места – размърдам се; не сходя с места – на един път, наведнъж, на един дъх; всё на месте, всё на своём месте – всичко е в ред, както трябва, както му е редът; на пустом месте начинать – започвам нещо от нищо, от самото начало; иметь место – налице е, има, присъствува; расшить узкие места – премахна слабости* и т.п. [12; с. 334-336].

Языковая концептуализация является результатом движения сознания от образа к смыслу, понятию. Диалектическая триада такого движения была развернута еще Гегелем: образы, возникая в сознании, преобразуются в представления, отождествляются с тем, что воспринимается в образе как характерное, и тогда сознание проявляет себя “вовне” посредством языковых или иных

знаков [13; с. 15]. Закрепленная в языке система оценок обусловлена наблюдениями народа, связанными с конкретной средой проживания, историей, трудовым опытом. В разных языках одни и те же смыслы могут быть связаны с разными образами, а может быть наоборот, когда с одним образом связаны разные смыслы. Характерными и показательными в этом отношении являются поговорки и фразеологизмы. Так, русские говорят: *Старого воробья на мякине не проведешь*, а болгары - *Стара лисица в капан не влиза*. О человеке с плохой памятью по-русски отзываются: *У него куриная память*, а по-болгарски: *Има памет колкото на врабче*. В приведенной болгарской поговорке образ воробья создает представление о человеке тщедушном, больном, со «слабой» головой и плохой памятью, а в русской поговорке и фразеологизме образ воробья служит основой представления об опытном, много испытавшем человеке, ср.: *Издательские дела... Я старый воробей, которого стегали много и били много и который знает, откуда можно ждать кулачный удар* (В. Бибихин); *Конечно, Исидор Маркович прав — он опытнейший врач; старый воробей, его приглашают на консультации в другие города — надо вывезить мать за город, но не в такую же гриппозную сырость* (Ю. Трифонов) [11].

Понятие «языковая картина мира» подводит к понятию «культурно-языковая картина мира». М.Л. Ковшова, разделяя идеи В.И. Постоваловой, объясняет его как «отраженные в языке культурно обусловленные (выделено нами – Л.К.) процессы категоризации и концептуализации мира, которые служат формированию мировоззрения, основанного на общности этнической культуры» [3; с. 23]. Наиболее яркими средствами экспликации национального мировоззрения, которое передается из поколения в поколение, являются устойчиво воспроизводимые языковые единицы – фразеологизмы и поговорки. Описанию поговорок и идиом как знаков языка и культуры, изучению взаимосвязи фразеологии, когнитивистики и лингвокультурологии посвящены работы Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Кирилловой, М.Л. Ковшовой, В.М. Мокиенко, В.Н. Телии и других лингвистов. Поговорки и идиомы в лингвокультурологическом ракурсе исследования понимаются как вербализованные компоненты культурного кода, заключенные в форму содержания и/или форму двусторонних языковых сущностей. Эти единицы представляют большой интерес для сопоставительного анализа, они наиболее наглядно и образно передают национальную самобытность языков в ярких оценочных образах, характерных для данной лингвокультуры. Сопоставительная фразеология как особое направление современной лингвистики сфокусировано на исследовании черт общности и различий между идиомами сопоставляемых языков. Объектом исследования сопоставительной фразеологии могут быть как родственные, так и неродственные языки, а в качестве предмета может быть весьма широкий спектр семантических, функциональных и структурных характеристик сопоставляемых фразеологизмов. В сопоставительном аспекте изучались фразеологические единицы русского и английского (Кунин 1969), русского и немецкого (Неведомская 1973), русского и французского (Огольцев 1972), русского, чешского и словацкого (Демьянович 1980), болгарского, сербохорватского и словенского (Кабанова 1986), белорусского и болгарского (Мокиенко 1982), русского, украинского и сербохорватского (Кузнецова 1995) и других языков. Выявляется степень межъязыковой эквивалентности фразеологизмов, передающих определенные типовые значения, исследуются их семантические и структурные особенности. Ср. изосемантические и одноструктурные славянские поговорки, передающие оценку поведения, не соответствующего обстоятельствам: *Град се плени, а баба си я реши* – болг. *Град се пліјени, а баба се чешља* – сербск. *V Ríme bol a pápeža nevidel* – словац., *В лісі був, а дров не бачив* – укр.; *Ты яму слова, а ён табе дзесяць* – белорус., *Tu йому слово, а він тобі десять* – укр.; *Ja slovo a on mne deset'* – словац.; *Ty mi slowo, a on ci dzdziesięć* – польск. [14; с.143].

Новое лингвокультурологическое направление реконструирует в поговорках и фразеологизмах запечатленную культурно-языковую картину мира. Особенности означивания картины мира в языке раскрываются при проведении лингвокультурологического сопоставительного анализа, когда тщательно исследуются все компоненты значения: денотативный, сигнификативный, мотивационный, оценочный, эмотивный. Образцы такого анализа приведены в монографии М.Л. Ковшовой. Национальную избирательность образов хорошо иллюстрируют устойчивые высказывания – фразеологизмы и поговорки. Именно общепринятый, устойчиво воспроизводимый взгляд на мир, национально-экспрессивный характер выражения сближает идиомы и поговорки, различающиеся между собой в структурно-семантическом отношении. На это же указывает М.Л. Ковшова, «многие идиомы родственны поговоркам, среди которых наиболее четко структурированы поговорки, поговорки и загадки; идиомы и поговорки индифферентно описывают действительность, являются «сжатыми» текстами

культуры. При этом идиомы, пословицы, поговорки и загадки имеют много отличительных функциональных, содержательных и формальных признаков» [3; с. 6].

Закрепленная в устойчивых речениях система оценок обусловлена наблюдениями конкретного народа, связанными со средой проживания, историей, трудовым опытом. Так, многие английские пословицы и выражения, закрепляют образы моря: *The ship of state* (Корабль государства); *To be all at sea* (Быть целиком в море – «быть в полном недоумении, в растерянности»); *Fish out of water* (Рыба вне воды – «некомфортная ситуация»). Русский и болгарский языки в целом характеризуются значительным сходством отраженного во фразеологии и паремиях антропологического кода, что объясняется исторической общностью развития славянских народов, расхождения и между ними связаны с осмыслением, интерпретацией образов характерных реалий. Значение имеют особенности реальных условий, в которых проживали носители данных славянских языков (территория расселения, своеобразие ландшафта, природных условий, животного мира и под.). Для многих русских пословиц характерны образы леса и поля, лесных и луговых ягод, коня: *Как в темном лесу*; *В лес дрова возить*; *Один в поле не воин*; *Одного поля ягоды*; *Жизнь прожить – не поле перейти*; *На коне или под конем*; *Не в коня корм*; *Дареному коню в зубы не смотрят*; *Конь не валялся*; *Глуп как сивый мерин* и др. В корпусе болгарских паремий представлены не только равнинные реалии, но и образы гор и моря, составляющие основу природной среды, наиболее частотные образы фауны и флоры – осел, вол, виноград и др.: *Овчар по планина, по море тишина*; *Магарето е магаре, ако ще има пари с товари* (досл.: Осёл – он осел и с деньгами и товаром); *Гладно магаре не сеца удари* (досл.: Голодный осел не чувствует побоев); *На подарено магаре подковите са не търсят* (У дареного осла подковы не ищут); *От кон та на магаре* (С коня да на осла); *На вола рогата не тежат* (Вола рога не в тяжесть); *Орала мухата на вола на рогата* (Пахала муха на рогах вола); *С един вол не се оре* (С одним волом не попасешь); *Под вол теле търси* (Искать под волом теленка); *Лозето не иска молитва, а мотика* (Винограднику нужна не молитва, а мотыга); *В небрано лозе* (В неубранном винограднике – «В неудобном положении»); *От лоза грозд и от трън къпина* (От лозы виноград, а от терний – ежевика); *Страх лозе пази* (Страх виноградник бережет); *На трън грозде търси* (В терновнике ищет виноград); *Ще стане това, когато върбата роди грозде* (Это случится, когда верба родит виноград) и др. Характерные особенности различий лингвокультурной концептуализации отражают компаративные идиомы. Так, о любителе алкоголя русские говорят: *Он пьет как лошадь*, а болгары: *Пие като магаре* (Пьет как осёл). Для сравнения приведем также основанное на морской образности английское выражение *He drinks like a fish* (Он пьет как рыба).

Заметное место во фразеологическом и паремиологическом славянском материале занимают единицы с зоокомпонентами, обладающие высоким коннотативным потенциалом и активно используемые как средства характеристики человека. Зоонимные идиомы являются одним из древнейших пластов образных средств, показывающих наблюдательность и креативность людей в использовании языка, раскрывающих ценностную систему этноса, выраженную посредством наблюдений за животным миром. За последние десятилетия появилось значительное количество работ, посвященных как общим, так и частным проблемам изучения фразеологизмов с зоокомпонентом (С.Г. Гаврин, Л.Д. Игнатъева, И.А. Ионова, Н.М. Кабанова, Л.А. Лебедева, В.М. Мокиенко, А.Г. Назарян, И.В. Холманских, М.И. Черемисина и др.). Выявлено, что в интересующих нас русском и болгарском языках в составе анималистических фразеологизмов и паремий используются в значительной мере соотносительные зоонимы, именующие домашних или диких животных и птиц, большинство из которых входят в состав общеславянского лексического фонда (бык – бик, коза – коза, конь – кон, корова – крава, кот – котарак, кошка – котка, овца – овца, свинья – свиня, телёнок – теле; гусыня – гьска, петух – петел; волк – вълк, лиса – лисица, заяц – заек; воробей – врабец, ворона – врана и др.), что объясняется и родством языков, и общими корнями культуры древнего быта народов. Анималистические фразеологические единицы и паремии создают образ человека, его внешнего вида, мыслительной и трудовой деятельности. Они отражают типичные проявления положительных и отрицательных черт характера, темперамента, психических и интеллектуальных качеств человека: трудолюбие – лень, усердие – небрежность, доброту – злость, простодушие – хитрость, настойчивость – бесхарактерность, смелость – страх, силу – бессилие, ум – глупость и т.д. Обеспечивающие выживаемость и продолжение рода, такие качества человека, как ум, сообразительность, являются социальной нормой, а норма в зоонимных идиомах и паремиях менее выражена, чем отклонения. Как пишет В.М. Мокиенко, «при использовании названий животных для характеристики человека люди скорее склонны отмечать от-

рицательные черты, чем положительные. И это вполне закономерно и естественно: критический подход к животному миру в языке – это лишь здоровый, трезвый и острый взгляд человека на действительность» [15; с. 100]. Характеристика умного человека может быть выражена через отрицание недостатка сообразительности (болг.: *не ми е изпила кукувица ума; не му е врана мозък попила*).

Порицаются носителями сравниваемых языков такие качества, как: недалёковидность (*индюк тоже думал, да в суп попал*; болг. *овци без овчар на вълка са дар*); стремление к богатству при отсутствии ума (рус. *осёл в бархатной попоне*; болг. *магаре в златни дрехи*); плохая память (рус. *куриная память у кого-л., кто-л. беспамятлив, что кукушка*; болг. *изпила му кукувица ума; има памет колкото на вrabче*); отсутствие знаний в конкретной области (рус. *разбирается в чем-то как свинья в апельсинах; смотреть как баран на новые ворота*; болг.: *умен като поповото прасе; разбирам от нещо като свиня от кладенчева вода, колкото магаре от псалтир, гледам като теле пред шарена порта (железница, пред иконостас), като крава в параклис, като магаре пред иконостас, като младо яре на нов сняг* и т.п. В целом русская и болгарская зоонимная фразеология и паремии обнаруживают значительное сходство. В обоих языках при создании образных средств, характеризующих человека, широко используются наблюдения за поведенческими особенностями представителей животного мира, находит отражение ирония по отношению к слабостям человека. Что касается структурных особенностей паремий и фразем, объективирующих качества человека, можно также часто наблюдать сходство (рус. *Дареному коню в зубы не смотрят*; болг. *На подарено магаре подковите са не търсят*), в особенности характерное для компаративных фразеологизмов. Расхождения наблюдаются в отдельных используемых образах и в количественной представленности отраженных в языковых единицах образных основ.

Современная славянская фразеология основывается на комплексном подходе в изучении идиом и паремий, развивая и традиционный семантико-структурный анализ фразеологического и паремиологического наследия, и исследования, выполненные в русле новых подходов: коммуникативно-прагматического, дискурсивного, когнитивного, аксиологического и др. Не существует какой-то одной, общепринятой, универсальной стратегии исследования и систематизации фразеологических средств, поиски ведутся исследователями с разных сторон. Материал данной статьи говорит о том, что фразеология и паремиология как основа для исследования особенностей языковой концептуализации в русле культурологической парадигмы представляют собой богатый материал. В разных языках одни и те же смыслы могут быть связаны с разными образами, а могут быть с одним образом связаны разные смыслы. Показательными в этом отношении являются русские и болгарские паремии и фразеологизмы. Интерес представляет основательное исследование сопоставительного фразеологического корпуса по двуязычным словарям с целью определения степени выраженности доминантных характеристик языков. При сопоставлении фразеологического материала русского и болгарского языков подтверждается закономерность большей выраженности идеи пространственности в русском языке. В болгарских идиомах находит большую экспликацию характер протекания действия.

Библиографический список

1. Славянская фразеология и паремиология: традиционные и новаторские решения проблеме: К 80-летию со дня рождения профессора В. М. Мокиенко / редкол.: Е. В. Ничипорчик (отв. ред.) [и др.]; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2020. 264 с.
2. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1980. 286 с.
3. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропонимический код культуры. М.: ЛЕНАНД, 2019. 400 с.
4. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, СПб: Лань, 2003. 285 с.
5. Humboldt W. Linguistic Variability and Intellectual Development. University of Pennsylvania Press, 2019. 296 p.
6. Sapir E. An Introduction to the Study of Speech. New York: Harcourt, Brace, 1921. 125 p.
7. Уорф Б. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 1, М., 1960. С. 169-182.
8. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 540 с.

9. Карпенко Л.Б. Обучение иностранному языку как освоение нового языкового мира // Лингводидактически ракурси. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2020. С.74–84.
10. Карпенко Л.Б. Способы выражения локальности в русском и болгарском языках // Съпоставително езикознание, 1984, № 1. С 20–28.
11. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruskorpora.ru> (дата обращения – 10.09.2021).
12. Русско-болгарский фразеологический словарь /под ред. С. Влахова. М.: Изд-во «Русский язык», 1980. 588 с.
13. Гегель Г. В. Ф. Лекции по эстетике // Гегель Г. В. Ф. Эстетика: В 4 т. М.: Искусство, 1969. Т. 2. 326 с.
14. Котова М. Русско-славянский словарь пословиц (с английскими соответствиями). СПб: Изд-во СПбУ, 2000. 360 с.
15. Мокиенко В. М. В глубь поговорки: рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. СПб.: «Авалон», «Азбука–классика», 2005. 256 с.

References

1. Slavic phraseology and paremiology: traditional and innovative solutions to problems: To the 80th anniversary of the birth of Professor V. M. Mokienko / editorial board: E. V. Nichiporchik (ed.) [et al.] ; Ministry of Education of the Republic of Belarus, State University after F.Skorina. – Gomel: F. Skorina State University, 2020. 264 p.
2. Mokienko V.M. Slavic phraseology. Moscow: Higher School, 1980. 286 p.
3. Kovshova M. L. Linguoculturological analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings: the anthropomorphic code of culture. Moscow: LENAND, 2019. 400 p.
4. Leontiev A. A. Fundamentals of psycholinguistics. Moscow: Smysl, St. Petersburg: Lan, 2003. 285 p.
5. Humboldt W. Linguistic Variability and Intellectual Development. University of Pennsylvania Press, 2019. 296 p.
6. Sapir E. An Introduction to the Study of Speech. New York: Harcourt, Brace, 1921. 125 p.
7. Whorf B. Science and linguistics // New in linguistics. Issue 1, Moscow, 1960, pp. 169–182.
8. Zaliznyak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A.D. Key ideas of the Russian language picture of the world. Moscow: Languages of Slavic culture, 2005. 540 p.
9. Karpenko L. B. Teaching a foreign as the development of a new language world //Linguodidactically foreshortened. Sofia: University Publishing house " Sv. Kliement Ochridsky" , 2020. Pp. 74-84.
10. Karpenko L. B. Ways of expressing locality in the Russian and Bulgarian languages // Sopostavitelno ezikoznanie, 1984 , №1. Pp. 20-28.
11. NCRL – The National Corpus of the Russian Language [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.ruskorpora.ru>. Access date: 10.09.2021.
12. Russian-Bulgarian phraseological dictionary /edited by S. Vlahov. M.: Publishing house "Russian language", 1980. 588 p.
13. Hegel G. V. F. Lectures on aesthetics // Hegel G. V. F. Aesthetics: In 4 volumes-Moscow: Iskusstvo, 1969. Vol. 2. 326 p.
14. Kotova M. Russian-Slavic dictionary of proverbs (with English correspondences). St. Petersburg: Publishing house of SPbU, 2000. 360 p.
15. Mokienko V. M. Into the depths of proverbs: stories about the origin of winged words and figurative expressions. St. Petersburg: "Avalon", "ABC-classics", 2005. 256 p.

ЖУРНАЛИСТИКА В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК 70:001.12/.18
10.36622/AQMPJ.2021.78.13.014

*Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы
Кандидат филологических наук,
доцент кафедры журналистики
Булгакова А.А.
Беларусь, г. Гродно,
тел. +375 29 7881313
e-mail: abulgakova@inbox.ru*

*Grodno State University named
after Yanka Kupala,
The chair of journalism,
PhD, associate professor
Bulgakova A.A.
Belarus, Grodno,
tel. +375 29 7881313
e-mail: abulgakova@inbox.ru*

А.А. Булгакова

СОЗДАВАЯ НОВЫЙ МИР: ПРИНЦИПЫ ТРАНСМЕДИЙНОГО СТОРИТЕЛЛИНГА В НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ О ПАНДЕМИИ COVID-19

Статья посвящена изучению принципов трансмедийного повествования в новостном дискурсе при освещении событий, важных для широкой аудитории, включающей разнообразные группы с различными характеристиками. Цель работы – выявить специфику новостного дискурса о пандемии как обладающего потенциалом к трансмедийному расширению: показать его полинарративность, сериально-продолжительный характер, вовлеченность аудитории и активность на UGC-платформах, возможность многоканальной передачи и дистрибуции, способность к расширению и миромоделированию. В процессе исследования установлена связь между актуальностью и значимостью события и принципами его репрезентации; выявлена спонтанная, неспродюсированная трансмедийность новостной истории о коронавирусе; представлена информационно-новостная модель, соотношенная с гипертекстовой структурой, включающая претексты (первичную информацию о событии), актуальные тексты («настоящее» событие, развитие истории, параллельные нарративы и прогнозы) и посттексты (реакция на новостную историю, пользовательский контент). Выявлены основные способы расширения новостной истории: создание микросюжетов, раскрывающих различные аспекты главного события; использование параллельных нарративов, служащих дополнением к основной истории, а также возникновение периферических нарративов, отдаленно связанных с главной новостью, но так или иначе влияющих на формирование медиаобраза события. Отмечена важная роль аудитории, формирующей «интерпретативные сообщества» и непосредственно участвующей в развитии новостной истории. В процессе исследования сделан вывод о том, что новостной дискурс о коронавирусе строится на принципах, отмеченных Г. Дженкинсом в качестве характеристик трансмедийного сторителлинга: расширяемости / углубляемости, непрерывности / множественности, иммерсивности / экстракции, серийности, субъективности, перформативности и способности к созданию собственного мира.

Ключевые слова: трансмедийный сторителлинг, новостной дискурс, нарратив, гипертекст, семиотический код, мультимедийность, медиаконтент, COVID-19, коронавирус.

А.А. Bulgakova

CREATING A NEW WORLD: TRANSMEDIA STORITELLING PRINCIPLES IN THE COVID-19 PANDEMIC NEWS DISCOURSE

The article is devoted to the study of the principles of transmedia storytelling in news discourse when covering events that are important to a wide audience, including various groups with different characteristics. The purpose of the work is to identify the specifics of the news discourse about the pandemic as having the potential for transmedia expansion: to show its poly-narrativity, serial-continuous nature, audience involvement and activity on UGC platforms, the

possibility of multichannel transmission and distribution, the ability to expand and world-modeling. In the course of the research, a connection between the relevance and significance of the event and the principles of its representation was established; the spontaneous, unproduced transmedia of the news story about the coronavirus was revealed; an information and news model correlated with a hypertext structure, including pretexts (primary information about an event), actual texts ("present" events, history development, parallel narratives and forecasts) and posttexts (reaction to a news story, user content) was presented. The main ways of expanding the news story are revealed: creation of microplots that reveal various aspects of the main event; the use of parallel narratives that complement the main story, as well as the emergence of peripheral narratives remotely related to the main news, but somehow influencing the formation of the media image of the event. The important role of the audience, which forms «interpretive communities» and is directly involved in the development of news history, is noted. The study concluded that the news discourse about coronavirus is based on the principles noted by G. Jenkins as characteristics of transmedia storytelling: spreadability / drillability, continuity / multiplicity, immersion / extraction, seriality, subjectivity, performativity and worldbuilding .

Key words: transmedia storytelling, news discourse, narrative, hypertext, semiotic code, multimedia, media content, COVID-19, coronavirus.

Современная эпоха характеризуется существенными изменениями в социокультурной сфере, связанными прежде всего с процессами информатизации, технизации и коммерциализации, а также с созданием мировой информационно-коммуникационной инфраструктуры и возрастанием влияния средств массовой коммуникации на все сферы жизнедеятельности общества. Массовые коммуникации становятся естественной средой жизни современного человека, неотъемлемой частью его повседневности: как писал М. Кастельс, медиа стали «почти постоянно присутствующим фоном, тканью нашей жизни» [1; с. 97].

Исследователи (В. Беньямин, М. Маклюэн, Г. Маркузе, Х. Ортега-и-Гассет, Н.Б. Кириллова, Е. Вартанова, Ю. Цивьян и др.) говорят о сложившейся под влиянием СМИ медиакультуре. Н.Б. Кириллова определяет ее как «совокупность информационно-коммуникативных средств <...>, материальных и интеллектуальных ценностей в сфере медиа <...>, знаковую систему со своим «языком», «кодами» передачи реалий действительности» [2; с. 8]. Явления, происходящие в ней, отражают трансформации в современной журналистике, связанные с демассификацией прессы (термин Э. Тоффлера), процессами дигитализации и конвергенции, развитием мультимедийности и мультиплатформенности, расширением влияния новых медиа [3; с. 8]. Естественно, это влечет за собой как трансформации медиапродукта и стратегий его производства, так и изменение способов «упаковки» и дистрибуции контента, в том числе новостного: ведется постоянный поиск форм, способных не только заинтересовать массовую аудиторию, но и сделать ее сопричастной событиям, что позволит сильнее воздействовать на ее убеждения.

Исследуя новостной дискурс, Т. ван Дейк, А.А. Кибрик, Т.Г. Добросклонская, В.З. Демьянков, Л.Р. Дускаева, Е.И. Шейгал, П. Чилтон и другие исследователи приходят к выводу о том, что новостная журналистика испытывает влияние процессов, которые характеризуют медиакультуру в целом. Д. Маккуэйл отмечал, что новостной журналистике присущи сериальность, фрагментарность, нарративность и персонификация, ослабляющая остроту проблематики [4]. Заимствуя и адаптируя под свои задачи методы и формы работы индустрии развлечений, она следует принципам инфотейнмента, приобретает зрелищность и перформативность. Необходимость объективного информирования зачастую заменяется стремлением к развлечению аудитории посредством создания новостных историй. Многие из новостей, в частности тех, которые можно назвать «важными» (понятие относительное, однако существуют некоторые критерии для определения весомости события и возможности его попадания в повестку дня; смотрите, к примеру, работы К.Х. Джемисона и К.К. Кэмпбэлла, Ю. Галтунга и М. Руге, М.И. Шостак, Л.Д. Бершидского и др.), имеют большой потенциал к созданию собственной «вселенной» и ее расширению. Принцип подачи таких новостей, по нашему мнению, близок к трансмедийному сторителлингу.

Это возможно благодаря тому, что новостной журналистике свойственна нарративность [5, 6]: новость повествует о событии, обладающем временной структурой и демонстрирующем изменение текущей ситуации; она персонализируется, актуализирует определенную проблему, обнажает конфликт и подсказывает способы его разрешения. Нарративный принцип подачи новостей особенно характерен для масштабных и драматических событий (кризис, бедствие, катастрофа и т. п.) [7]. Новостной текст, как правило, складывается из отдельных эпизодов, которые характеризуются единством хронотопа и состава участников. Конфигурация же эпизодов придает тексту структурированность, обнажает логику развития события или каузальную связь, помогает понять мотивы действий участников новостной истории и обеспечивает упорядочение хаоса действительности и его преобразование в целостную картину мира в созна-

нии аудитории. Репрезентация действительности таким образом совершается посредством сторителлинга, важность которого как способа познания мира несомненна.

Трансмедийное повествование, или трансмедийный сторителлинг, – понятие, в большей мере используемое в сфере брендинга и индустрии развлечений, но постепенно проникающее в журналистику, более того, отражающее существенные характеристики происходящих в ней процессов. Изучение трансмедийности как особого явления ведется исследователями порядка двадцати лет (Г. Дженкинс, К. Сколари, Дж. Лонг, К. Дена, Р. Гамбаратто, О.А. Фадеева, Н. Соколова, М.А. Пильгун, Е.Г. Лапина-Кратасюк, О.В. Мороз и др.); в данный момент происходит не только теоретическое осмысление данного понятия, но и внедрение его в практическую деятельность (реализуются проекты, разрабатываются магистерские программы подготовки специалистов в данной сфере, расширяется спектр профессий, связанных с управлением трансмедийными проектами).

Термином «transmedia storytelling» Г. Дженкинс обозначил рассказывание определенной истории посредством различных медиаплатформ с использованием различных медиаформатов [8] (следует отметить, что работы Г. Дженкинса не переведены на русский язык, а потому в тексте данной статьи представлен авторский вариант перевода цитат из публикаций исследователя). Трансмедийное повествование предполагает наличие одной темы, складывающейся из множества отдельных значимых самостоятельных историй, представленных в различных форматах на различных платформах. Важно отметить, что раскрытие истории на определенном медиаресурсе не является только перекодированием информации, то есть перенесением из одной семиотической системы в другую, а обусловлено как потребительскими предпочтениями, характеристиками аудитории, получающей информацию через данный коммуникационный канал, так и свойствами самого медиаканала.

Как правило, на основе базового «ядерного» текста и главной сюжетной линии вырастают самостоятельные нарративы, дополняющие основную историю и погружающие зрителя в особый мир. В нем остается свободное пространство для размышлений, «лакуны» [9], которые аудитория – соучастники события – стремятся заполнить собственным контентом (комментарии, отзывы, онлайн- и офлайн-мероприятия и др.), тем самым создавая особую коммуникативную среду. Доступность гаджетов позволяет зрителю самостоятельно производить контент, становясь полноправным субъектом информационно-коммуникационной деятельности. Именно благодаря деятельности «интерпретативных сообществ» (термин из рецептивной эстетики, используемый Н. Соколовой для обозначения пользователей, создающих собственный контент на основе готового медиапродукта [10; с. 19]), формируемых стихийно или намеренно, трансмедийная история получает импульс к развитию. Говоря о потребителях новостей, Аль. Дж. А. Нассерович, следуя за К. Сколари, исследующем аудиторию трансмедийных проектов [11], разделяет их на три категории: приверженцы одной сюжетной линии, то есть та часть аудитории, которую интересуют отдельные эпизоды новостной истории, вне широкого контекста; потребители одного медиа – лояльные лишь к определенному медиаканалу; так называемые трансмедийные потребители – пользователи различных ресурсов, осознающие многоаспектность события и собирающие информацию с различных медиаплатформ для формирования более полной картины происходящего [12; с. 154]. Очевидно, что в данном случае нас больше интересует последняя категория, склонная создавать неформальные сообщества на основе общего интереса к медийным продуктам, идеям, произошедшим событиям, либо вступать в уже существующие группы и создавать контент.

Важность новости для большой аудитории с разнообразными характеристиками и глубокая вовлеченность ее в новостную историю, полинарративность, сериально-продолжительный характер, возможность многоканальной передачи и дистрибуции на различные медиаплатформы наделяют новость трансмедийным потенциалом, способностью к расширению и формированию особого мира вокруг события, функционирующего согласно собственным законам (реальные люди становятся обобщенными типами, образами, вымышленные персонажи способны материализоваться; фэйковая псевдореальность порой неотличима от реальной действительности; истории конкретных людей кажутся неправдоподобными, в то время как фантазии подаются как достоверные события). В результате разрозненные, фрагментарные микроистории, представленные в различных семиотических системах с помощью мультимедийных средств, вербальных и невербальных, с различными их интерпретациями, объединяются, формируя целостный образ события.

В частности принципы трансмедийного повествования реализуются при освещении новостей исторически важных, изначально отличающихся особой значимостью для различных групп общественности,

либо тех локальных событий, которые вначале оттесняются более новыми, но с течением времени обрастают большими нарративами. Как отмечал В. Тюпа, «фундаментальная особенность новостного дискурса состоит в том, что каждое очередное сообщение понижает, а то и отменяет нарративную ценность предыдущего» [6; с. 48]. А потому для рассмотрения нами берется именно концептуально значимое событие, не теряющее референтной новизны. Новостью, являющейся на протяжении нескольких месяцев (зима – весна 2020 г.) главной, формирующей основу повестки дня мировых СМИ, стала пандемия коронавируса SARS-COV-2. На наш взгляд, на примере данного события можно проследить, как реализуется новостной трансмедийный потенциал.

Упоминание первых случаев коронавируса фиксируется в СМИ с декабря 2019 г. и представляется как отклонение от нормы – пневмония неизвестного происхождения, выявленная у жителей китайского города Ухань, работающих на рынке животных и морепродуктов. 31 декабря власти Китая сообщили ВОЗ о вспышке неизвестной болезни, а уже через 10 дней эпидемиологи установили ее причину – возбудителем оказался новый вид коронавируса. События развивались стремительно: с 22 января Ухань и прилегающие территории были закрыты на карантин, 11 марта ВОЗ объявила о пандемическом характере вспышки данного вируса, с 13 марта центр распространения болезни переместился в Европу. Естественно, беспрецедентность события, его неожиданность, планетарный характер, серьезность последствий повлияли на то, что новости, связанные с коронавирусом, стали основной повесткой дня мировых СМИ. Тема охватила все медиаплатформы реального и виртуального мира, и ее освещение начало приобретать трансмедийный характер.

Говоря об особенностях данного события, следует отметить его важность для различных групп населения. Пандемия вошла в повседневность, изменила привычный образ жизни человека и заставила адаптироваться к существованию в новых условиях «ковидного» мира. Стали очевидны ее последствия: экономические, политические, социальные. Пришло понимание того, что мир, ранее глобализированный и открытый, изменился. Аналитики констатировали трансформацию мировой экономической архитектуры вследствие локдаунов и обрушения национальных экономик, проведение агрессивной протекционистской политики, кризисные явления в отдельных сферах бизнеса – таких, как туризм, транспорт и логистика, индустрия развлечений; появление новых бизнес-стратегий, позволяющих адаптироваться к потребностям людей в изменившейся реальности (см. спецпроект «Жизнь после пандемии» ИД «Коммерсант»). Социальными последствиями стали рост безработицы, усиление социально-экономического неравенства, повышение уровня психических расстройств. Произошла «медиализация» общества [13] и развертывание, как пишет А. Дугин, «медико-санитарного и гигиенического дискурса» [14], что выразилось в невиданном ранее интересе к санитарно-гигиенической тематике и одержимости медицинской (фармацевтической, биотехнологической, биоинженерной и др.) проблематикой. Пандемия обнажила «неконтролируемую потребность в информации» [14] и зависимость общества от информационно-коммуникационной картины мира, актуализировала проблему сокращения межчеловеческих контактов в пользу цифровых.

Разворачивание дискурса о коронавирусе можно представить в виде информационно-новостной модели (гиперструктуры), включающей освещение текущего состояния, развитие события (эскалацию), прогнозирование последствий в кратко- и долгосрочной перспективе.

«Настоящее события», или его текущее состояние, выявляется через предоставление фактической информации, первоначальных данных (тип вируса, численность зараженных, уровень смертности, скорость распространения, география заражения, количество госпиталей и др.), сообщений непосредственно с места событий (оригинальный контент телеканалов и заимствованный из социальных сетей и китайских медиа – заявления экспертов, комментарии официальных лиц, пользовательский контент).

Развитие события (расширение истории) представляется через выстраивание параллелей: сравнение события с подобными (эпидемии чумы, «испанского» гриппа), характеристик SARS-CoV-2 с другими наиболее опасными для жизни вирусами; аналитика об ожидаемой силе эпидемии, генезисе вируса, способах лечения; представление информации о мерах, принимаемых национальными правительствами и международными организациями (локдауны, закрытие границ, переоборудование больниц под ковидиарии, снабжение медиков и населения средствами индивидуальной защиты и лекарствами, разработка протоколов лечения и др.); фиксирование обусловленных распространением вируса текущих изменений в экономике, международных отношениях, социальной сфере, образовании. На данном этапе используются официальные данные,

статистика, поданная через статичную и динамичную инфографику, неофициальная информация, в том числе слухи, вследствие чего возникают и множатся фейк-ньюс. В качестве средств визуализации широко используются мультимедийные средства.

Прогнозирование ближайшего будущего разворачивается как представление краткосрочных результатов через промежуточные статистические данные, информацию о локализации вируса в различных странах, заявления властей о возможных мерах и возникающих вследствие этого проблемах, нарративы пострадавших (образные, эмоционально наполненные, создающие эффект присутствия, они обладают убедительностью). Характерно наличие в медиасфере противоречивых сведений и суждений о правильности / неправильности действий властей, медиков, санитарных служб и т. п.

Прогнозирование последствий в долгосрочной перспективе осуществляется через подачу оценочной информации о применяемых мерах (иногда этот вопрос является предметом внутренней и внешней информационной борьбы), сравнение и соотношение пандемии с другими проблемами человечества (вмешательство человека в природу, разработка биологического оружия, безопасность лабораторий, социальное неравенство, доступность медицинского обслуживания и его качество), фиксацию трансформаций в мире, связанных с пандемией (описание так называемого «постковидного» мира).

Определяя принципы трансмедийного повествования в освещении темы Covid-19, будем следовать за выявленными Г. Дженкинсом характеристиками трансмедийного сторителлинга.

Spreadability vs. Drillability – расширяемость (растекаемость) или углубляемость, о которых пишет Г. Дженкинс [15], предполагают возможность расширения истории за счет введения дополнительных нарративов, что осуществляется в том числе благодаря вовлечению пользователей в производство шерабельного (от англ. to share – *делиться*) контента.

Spreadability в отношении новостной истории мы рассматриваем как возможность общественности включаться в распространение медиаконтента через UGC-платформы (блоги, wiki, социальные сети и мессенджеры), повышая его ценность. Это качество могло проявиться в полной мере благодаря характеру события (пандемии), которое моментально нашло отклик у аудитории. По мнению А. Дугина, желание сбежать от действительности и заменить Реальное Символическим [14] обусловило разнообразие производимого контента: *информационного* (откровения пострадавших и очевидцев, комментирование официальных новостей, обращения врачей и их дневники, опросы, выявляющие общественное мнение, фейк-ньюс и др., в том числе фото- и видеоконтент: снимки средств защиты в различных заведениях, изображения соблюдающих / не соблюдающих социальную дистанцию и режим самоизоляции, анимационные фильмы и др.); *развлекательного* (анимированные картинки, интернет-мемы, анекдоты, комиксы, песни, пародии, вирусные ролики, флешмобы, тематические хэштеги, марафоны и квесты, развлекательные статьи о влиянии вируса на искусство, культуру, фэшн-индустрию и т. п.); *полезного* (лайфхаки на тему того, как избежать заражения; информация о возможностях организации досуга во время карантина – виртуальные туры, экспозиции музеев, расписание онлайн-концертов, спектаклей и др.; статьи о возможностях дистанционного обучения и обучающие видео об организации удаленной работы на различных платформах); *продающего* от лиц / компаний, выгодно использующих возникшую ситуацию (хэштеги, отражающие новую реальность (#часдапамагац, #STAYONLINE, #stayhome, #разам_ад_заразы и др.); специальные предложения от брендов («Пандемия любви и заботы от «Mark Formelle», акции «На улице стремно», «Меняем гречку на скидку», промокоды «Дом», «Я не боюсь», «Covid-19» и др.); статьи о новых возможностях получения основного и дополнительного образования, необходимость в котором возникла в связи с изменением образа жизни, и т.п.). Нельзя не отметить разнообразие способов подачи контента: текстовая форма (от крупных до микрожанров: лонгриды, интервью, заметки, твиты, комментарии, хэштеги и др.), графическая (фоторепортажи, инфографика, в том числе анимированная, комиксы, карикатуры, стикеры для мессенджеров и др.), аудиальная (подкасты, песни), аудиовизуальная (репортажи с мест событий, видеointerview, скрытая камера, кино и анимация, вирусные ролики и др.).

Continuity vs. Multiplicity – непрерывность (продолжительность) или множественность – обозначают способность текстов дополнять основную историю, расширяя ее, и в то же время допускать нарушение канона, предлагая иное прочтение исходного текста (parallel universe version [15]), адаптировать исходный вариант в соответствии с культурными и социальными характеристикам аудитории. Непрерывность новостного дискурса о пандемии обеспечивается постоянным переходом пользователей с одной медиаплатформы на другую с целью расширения угла зрения на проблему, получения

дополнительных сведений. Представление информации посредством различных семиотических кодов может быть охарактеризовано термином «мульти-modalность», которым К. Дена обозначила важную способность трансмедийного нарратива усиливать эффект воздействия истории за счет использования поликодовости при разработке медиапродукта [16; с. 5–6].

Примером дистрибуции контента может являться стратегия крупного немецкого издания *Douche Welle*: на сайте во вкладке «Коронавирус» была представлена новейшая информация о развитии событий; текстовый контент сопровождался ссылками на видеосюжеты («Видео дня», «DW репортажи», «DW новости» и др.), видеокomentarиями экспертов, фоторепортажами, различного рода опросами на странице сайта. Кроме статичной и динамичной инфографики, отражающей хронику пандемии, на сайте была активна рубрика, развенчивающая популярные мифы и фейк-ньюс о коронавирусе, а также рубрика «Мир глазами карикатуриста» (развлекательный контент). Размещена ссылка на сатирическое шоу «Заповедник» (анимационные ролики о закулисе мировой политики). При этом в мобильной версии сайта была представлена лишь часть информации, что заставляло обращаться либо к полной версии сайта, либо переходить в подкасты, социальные сети, блоги, мессенджеры, куда была вынесена часть новостной информации (YouTube-канал, Twitter, Facebook, Telegram, ВКонтакте).

В то же время характеристика *multiplicity*, отражающая способность создавать параллельные истории и изменять исходный вариант новости, подтверждается случаями манипуляций с данными и возникновением многочисленных фейковых сюжетов (ВОЗ назвала такое стремительное распространение дезинформации «инфодемией» – информационной пандемией). Говоря о состоянии общества в период пандемии как о «внутреннем Средневековье», А. Дугин обращает внимание на активность бессознательного, выражающуюся в продуцировании мифологии, развитии апокалиптических сценариев, активном обсуждении теорий заговоров [14]. Желание найти ответственных за катастрофу и тем самым снять часть напряжения и страха оборачивается поиском антигероев (таковым, к примеру, стал в СМИ Билл Гейтс и правители ряда государств), возникновением разговоров об установлении тотальной цифровой диктатуры. С другой стороны, производство фейков связано с бизнес-стратегией ряда СМИ создавать кликбейты, тем самым привлекая аудиторию. Следует отметить, что в кризисные периоды, которым является пандемия, фейковые новости не только создают негативный эмоциональный фон у населения, чувствительного к любой информацией, но и могут выступать инструментами информационной борьбы.

Immersion vs. Extraction – погружение или экстракция (извлечение, перенос) – отражают возможность взаимодействия текста с аудиторией, основанного на глубоком восприятии человеком сконструированного мира, и одновременно заимствования неких артефактов из трансмедийной реальности в повседневность.

Актуальность пандемии как события, вызвавшего изменения практически во всех сферах жизнедеятельности общества, несомненно, повлияла на глубину погружения аудитории в реальность, создаваемую медиа. Здесь однозначно важна такая характеристика, как иммерсивность, присущая медиаплатформам «способность вовлечь реципиента в нарратив» [17; с. 19] вплоть до «потери себя в вымышленном мире» [18; с. 11] (в нашем случае – в медиареальности, которая замещает реальную действительность, особенно в условиях вынужденной изоляции человека). Проанализировав подачу новостей о коронавирусе, можно отметить, что СМИ не только информируют о развитии ситуации посредством вербального, аудиовизуального и графического контента, но и создают медиавселенную, в которой коронавирус выступает частью жизни человека. Актуализируются знакомые, но до этого момента неважные действия: пользоваться средствами индивидуальной защиты и антисептиками, соблюдать социальную дистанцию, уделять внимание правильному питанию и физической активности, заниматься спортом дома или рядом с местом проживания, не собираться в группы больше 2-х человек – таким образом мир для человека сужается, физически ограничивается. Болезнь меняет общественный статус людей отдельных профессий: к примеру, врачи в рамках медико-санитарного дискурса предстают героями (персонажи новостей, телепрограмм, эксперты, лица с обложек глянцевого журналов и т.п.); ряд профессий, наоборот, теряют значимость и популярность. Изменяются форматы и способы удовлетворения эстетических потребностей, постижения произведений культуры и искусства, получения образования и т. д.

Worldbuilding характеризует возможность построения «вселенной» истории, особой реальности со своей архитектурой, определенными пространственно-временными координатами, присущими ей этическими правилами и законами, системой персонажей, событиями и сюжетными линиями.

Информация о пандемии подается аудитории мозаично, дискретно, и так же ею воспринимается, но из фрагментов мозаики потребитель информации конструирует целое, в котором действуют свои герои (врачи – как отдельные личности и как собирательный, в большинстве случаев положительный и даже ге-

роизированный образ) и антигерои (как правило, это главы корпораций и государств, видные политики, но в отдельных случаях в этом качестве могут представляться и народы – например, китайцы (вспышка вируса в КНР вызвала беспрецедентную волну синофобии (Известия, 4 января 2021)) и эскалации расистской риторики, или социальные группы – пожилые люди, мигранты и беженцы, а также представители отдельных профессий – журналисты, медики, гуманитарные работники); создаются специальные понятия для описания реальности (ряд понятий актуализируется, другие переосмысливаются, третьи создаются): «пандемия», «инфодемия», «локдаун», «удаленка», «самоизоляция», «ковидные», «ковидло», «ковидиарий», «ковид-статус», «корона», «коронапсихоз», «короновиденье», «карантиада», «карантье», «карантэ», «макаронавирус», «вируспруденция», «гречкохайп», «расхламинго» и др.

Такая характеристика трансмедийности, как *seriality*, или серийность, также соблюдается при подаче новостей о коронавирусе. Это разделение истории на отдельные самостоятельные эпизоды, каждый из которых в то же время раскрывает определенный аспект общей истории. Серийность обеспечивает пролонгирование истории благодаря созданию *микросюжетов*, связанных непосредственно с основным событием (скорость развития коронавируса, топ-10 стан по числу заболевших, обновляющаяся информация о симптомах, важность ИВЛ для спасения жизни и т. п.), *параллельных нарративов*, разворачивающихся одновременно или последовательно и дополняющих основную историю (меры поддержки правительством бизнеса, объявление налоговых каникул, прогнозы по развитию туристической отрасли, разработка и внедрение трекер-браслетов для населения на карантине и др.), *периферических нарративов*, возникающих на основе отдаленных связей с основной историей и косвенно влияющих на восприятие события (советы по организации работы на удаленке, фильмы и книги для развечения во время самоизоляции, *bridal mask* – свадебная мода в период пандемии, фоторепортажи из туристических мест (до пандемии и после), информация об онлайн-приложениях для посещения театров и музеев, интернет-мемы, карикатуры, высмеивающие страх заражения и т.п.), а также пользовательского контента как реакции на событие и его отдельные аспекты. Таким образом, выстраивается структура, объединяющая различные виды нарративов в рамках одной медиавселенной.

Свойство *subjectivity* (субъективность), то есть способность использовать и представлять с помощью различных медиаканалов и платформ разные точки зрения на одно и то же событие, важно тем, что углубляет основную историю, дополняет ее и расширяет через вовлечение аудитории. В освещении новостей, связанных с коронавирусом, мы видим представление множества точек зрения: это и позиция владельцев СМИ и производителей новостного контента, точка зрения, отражающая редакционную политику, освещение в рамках государственной идеологии. Использование различных медиаплатформ, каналов, представление информации в различных жанрах и дискурсах (юмористичные вирусные ролики или серьезные комментарии экспертов, информативная инфографика или эмоциональное интервью с очевидцем, пропагандистские баннеры или созданные пользователями Интернета мемы и хэштеги) позволяет аудитории субъективно переживать новостную историю, формируя собственное представление о происходящем.

Свойство субъективности подкрепляет такую характеристику, как *performance* – представление. Г. Дженкинс рассматривал перформативность с точки зрения культурных аттракторов и активаторов, которые дают возможность аудитории образовывать сообщества (после распространения коронавируса в социальных сетях таких сообществ возникло большое количество; они объединяют и переболевших, которые делятся своими впечатлениями, и сторонников теорий заговора, и противников вакцинации, и др., при этом они не только существуют в онлайн-форме, но и выходят в оффлайн, открыто демонстрируя или высказывая свою позицию, пытаясь действиями доказать правоту своих взглядов) и участвовать в создании и реализации трансмедийной истории.

Таким образом, на основании вышеизложенного можем сделать следующие выводы.

Актуальность и важность новостного события для аудитории, состоящей из множества различных по социальным, демографическим, психографическим и другим характеристикам групп, обуславливают ее глубокую вовлеченность в новостную историю, что выражается в создании «интерпретативных сообществ», полинарративности, обеспечивающей полноту и целостность создаваемой медиа картины мира, сериально-продолжительном освещении, многоканальной передаче информации и распределении новостного контента по различным платформам. Все это соотносится с принципами трансмедийного стрителлинга.

Использование принципов трансмедийности при формировании новостного дискурса о пандемии является не просто коммуникативной стратегией, способствующей погружению аудитории в новостную историю, но ответом человеческого сознания на столкновение с неизвестной и пугающей реальностью.

Трансмедийность новостной истории о коронавирусе является спонтанной (неспродюсированной). Распространяемые посредством различных медиаканалов и рассеянные по различным медиаплатформам, новости о Covid-19, за счет охвата аудитории и важности для общества, получают возможность создания единой новостной истории и постоянного ее расширения. Создается фрактальная (ветвящаяся) гипертекстовая структура, включающая претексты (первичную информацию), актуальные тексты («настоящее» события, разветвление истории, параллельные нарративы, прогнозы) и посттексты (реакция на новостную историю, пользовательский контент), расширяющаяся благодаря микросюжетам, раскрывающим главное событие, параллельным нарративам, одновременно или последовательно дополняющим основную историю, а также периферическим нарративам, возникающим на основе более отдаленных связей с событием, но косвенно влияющим на его восприятие.

Новостной дискурс о Covid-19 соответствует выделенным Г. Дженкинсом характеристикам трансмедийности: расширяемости / углубляемости, непрерывности / множественности, иммерсивности / экстракции, серийности, субъективности, перформативности и миромоделированию.

Библиографический список

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
2. Кириллова Н.Б. Медиа среда российской модернизации. М.: Академический Проект, 2005. 400 с.
3. Мультимедийная журналистика [Текст]: учебник для вузов / под общ. ред. А.Г. Качкаевой, С.А. Шомовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 413 с.
4. МакКуэйл Д. Журналистика и общество: учебник для журналистов. М.: МедиаМир, 2014. 364 с.
5. Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГУ им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
6. Тюпа В.И. Новостной дискурс как нарратологическая проблема // Новый филологический вестник. 2017. № 3 (42). С. 40–51.
7. Caldiero Ch.T. Crisis Storytelling: Fisher's Narrative Paradigm and News Reporting // American Communication Journal. 2007. Vol. 9. Issue 1 [электронный ресурс]. URL: <http://acjournal.org/holdings/vol9/spring/articles/storytelling.html> (дата обращения: 12.11.2020).
8. Jenkins H. Convergence culture: Where old and new media collide. NY: New York University Press, 2006. 308 p.
9. Гамбаратто Р.Р., Лапина-Кратасюк Е.Г., Мороз О.В. Панорама российских трансмедиа: опыт картирования мультиплатформенных инициатив // Шаги / Steps. 2017. Т. 3. № 2. С. 20–46.
10. Соколова Н.Л. Трансмедиа и «интерпретативные сообщества» // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 3 (4). С. 16–21.
11. Scolari C.A. Transmedia storytelling: Implicit consumers, narrative worlds, and branding in contemporary media production // International Journal of Communication. Vol. 3. 2009. P. 586–606.
12. Аль-Ханаки Д. А-Н. Принципы трансмедийного повествования в новостных историях: автореф. дисс. ... кандидата филологических наук. М.: РУДН. 2017. 22 с.
13. Рябова И., Кувшинова О., Лютова М. Социальные последствия пандемии [электронный ресурс]. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/sotsialnye-posledstviya-pandemii/> (дата обращения 10.01.2021).
14. Дугин А. Реальная смерть, символическая конспирология и воображаемое государство. Психоанализ пандемии от Александра Дугина и Жака Лакана // Нож. 12 мая 2020 [электронный ресурс]. URL: <https://knife.media/corona-lacan/> (дата обращения 10.06.2020).
15. Jenkins H. [Transmedia Education: the 7 Principles Revisited](http://henryjenkins.org/blog/2010/06/transmedia_education_the_7_principles_revisited) [электронный ресурс]. URL: http://henryjenkins.org/blog/2010/06/transmedia_education_the_7_principles_revisited#:~:text=Spreadability%20vs.&text=Spreadability%20refers%20to%20a%20process,into%20something%20which%20interests%20us (дата обращения 25.01.2021).
16. Dena Ch. Transmedia Practice: Theorising the Practice of Expressing a Fictional World across Distinct Media and Environments: A thesis submitted in fulfilment of the requirements for the Degree of Doctor of Philosophy (PhD). Sydney: University of Sydney, 2009. 372 p.
17. Глазкова Е.А. Художественно-выразительное своеобразие трансмедийных экранных произведений: автореф. дисс. ... кандидата искусствоведения. М.: Академия медиаиндустрии, 2017. 30 с.

18. Rose F. *The Art of Immersion: How the Digital Generation Is Remaking Hollywood, Madison Avenue, and the Way We Tell Stories*. NY, London: W.W. Norton & Company, 2012. 199 p.

References

1. Castells M. *Information Age: Economy, Society and Culture*. Moscow, 2000, 608 p.
2. Kirillova N.B. *The media environment of Russian modernization*. Moscow, 2005. 400 p.
3. *Multimedia journalism: a textbook for universities* / ed. by A.G. Kachkaeva, S.A. Shomova; Nat. issled. University Higher School of Economics. Moscow, 2017. 413 p.
4. McQueil D. *Journalism and Society: A Textbook for Journalists*. Moscow, 2014. 364 p.
5. Dijk T.A. *Language. Cognition. Communication*. Blagoveshchensk: BSU named after I.A. Baudouin de Courtenay, 2000. 308 p.
6. Tyupa V.I. News discourse as a narratological problem // *New philological bulletin*. 2017. No. 3 (42). P. 40–51.
7. Caldiero Ch.T. Crisis Storytelling: Fisher's Narrative Paradigm and News Reporting // *American Communication Journal*. 2007. Vol. 9. Iss. 1 [electronic resource]. URL: <http://acjournal.org/holdings/vol9/spring/articles/storytelling.html> (date of application: 12.11.2020).
8. Jenkins H. *Convergence culture: Where old and new media collide*. NY: New York University Press, 2006. 308 p.
9. Gambaratto R.R., Lapina-Kratasyuk E.G., Moroz O.V. Panorama of Russian transmedia: the experience of mapping multi-platform initiatives // *Steps*. 2017. Vol. 3. Iss. 2. P. 20–46.
10. Sokolova N. L. Transmedia and “interpretive communities” // *International Journal of Culture Research*. 2011. Iss. 3 (4). P. 16–21.
11. Scolari C. A. Transmedia storytelling: Implicit consumers, narrative worlds, and branding in contemporary media production // *International Journal of Communication*. Vol. 3. 2009. P. 586–606.
12. Al-Hanaki D.A.N. Principles of transmedia storytelling in news stories: abstract... candidate of philological sciences. Moscow, 2017. 22 p.
13. Butrin D. The world filmed with mechanical ventilation [electronic resource]. URL: <https://special.kommersant.ru/pandemic/ivl.html> (date of application: 11.01.2021).
14. Dugin A. Real death, symbolic conspiracy and an imaginary state. Psychoanalysis of a pandemic by Alexander Dugin and Jacques Lacan // *Knife*. May 12, 2020 [electronic resource]. URL: <https://knife.media/corona-lacan/> (date of application: 06/10/2020).
15. Jenkins H. [Transmedia Education: the 7 Principles Revisited](http://henryjenkins.org/blog/2010/06/transmedia_education_the_7_principles_revisited) [electronic resource]. URL: http://henryjenkins.org/blog/2010/06/transmedia_education_the_7_principles_revisited (date of application: 25.01.2021).
16. Dena Ch. *Transmedia Practice: Theorising the Practice of Expressing a Fictional World across Distinct Media and Environments: A thesis submitted in fulfilment of the requirements for the Degree of Doctor of Philosophy (PhD)*. Sydney: University of Sydney, 2009. 372 p.
17. Glazkova E.A. Artistic and expressive originality of transmedia screen works: abstract... candidate of art history. Moscow, 2017. 30 p.
18. Rose F. *The Art of Immersion: How the Digital Generation Is Remaking Hollywood, Madison Avenue, and the Way We Tell Stories*. NY, London: W.W. Norton & Company, 2012. 199 p.

УДК 811.161.1
10.36622/AQMPJ.2021.75.69.015

*Московский государственный
областной университет
Аспирант кафедры современного русского
языка имени П. А. Леканта
Учайкина Е. В.
Россия, г. Москва, тел. +7(915)463-56-65
e-mail: elenauchaykina@gmail.com*

*Moscow state regional university
Graduate student of the P. A. Lekant Department
of modern Russian language
Uchaikina E.V.
Russia, Moscow, tel. +7(915)463-56-65
e-mail: elenauchaykina@gmail.com*

Е. В. Учайкина

ЦИФРОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В КОНТЕКСТЕ АНАЛОГОВОЙ И ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Статья посвящена недавно вошедшему в русский язык устойчивому сочетанию слов *цифровой университет*. Целью исследования является анализ семантики этого сочетания в этико-философском аспекте и с учётом социально-культурного контекста. *Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения и оценки языкового воплощения явлений цифровой реальности в стремительно меняющемся мире.* Источниками анализируемого материала послужили публикации в средствах массовой информации, сайты государственных образовательных учреждений, научные статьи, комментарии интернет-пользователей и газетный корпус Национального корпуса русского языка. Исследовано значительное число номинаций, включающих лексему *цифровой*, описано взаимодействие этой лексемы с конкретными и абстрактными понятиями, выявлено концептуальное значение выражения *цифровой университет*. *Сформулирован вопрос о природе и содержании понятия цифровой.* Автор останавливается на проблеме неэквивалентности «цифровых» и «аналоговых» понятий, *сделаны предположения о происхождении сочетания слов цифровой университет.* В статье проанализированы семантические оттенки этого сочетания и их реализация в различных стилях речи. *Приводится и исследуется ряд определений понятия цифровой университет.* Произведён сопоставительный анализ коннотативной и сущностной составляющей понятия *цифровое образование в официальном и неофициальном дискурсе.* Выполнен обзор ряда источников медиадискурса с целью выявить оценочные характеристики сочетания *цифровой университет.* В статье сделаны выводы о неполной сформированности понятия *цифровой университет*, а также о его вхождении в парадигму иных «цифровых понятий», обладающих свойством «цифровой мимикрии». Особое внимание уделяется выделению и описанию оценочных и социальных коннотаций лексемы *цифровой*.
Ключевые слова: язык СМИ, университет, калька, цифровизация, цифровой университет

Е. V. Uchaikina

DIGITAL UNIVERSITY IN RUSSIAN LANGUAGE IN THE CONTEXT OF ANALOGUE AND DIGITAL REALITY

The article is devoted to the recently introduced set collocation of words of *digital university* in the Russian language. The goal of the study is to analyze the semantics of this combination in the ethical and philosophical aspect and taking into account the socio-cultural context. The relevance of the research is due to the need to study and evaluate language implementation of the phenomena of digital reality in a rapidly changing world. The sources of the analyzed material were publications in the media, websites of state educational institutions, scientific articles, comments of Internet users and the newspaper corpus of the National Corpus of the Russian Language. The question of the nature and content of the concept of digital is formulated. The author analyzes the semantic shades of this combination and their implementation in various speech styles. The author focuses on the problem of non-equivalence of "digital" and "analogue" concepts. Assumptions about the origin of the combination of the words of *digital university* are made. A significant number of nominations including the lexeme of *digital* are studied, the compatibility of this lexeme with concrete and abstract concepts is described, and the conceptual meaning of the expression of *digital university* is revealed. A number of definitions of the concept of digital university are given and investigated. A comparative analysis of the con-

notative and essential components of the concept of *digital education* in the official and unofficial discourse is made. The review of a number of media discourse sources is carried out in order to identify the evaluation characteristics of the digital university combination. Conclusions are drawn about the incomplete formation of the *digital university* concept, as well as about its entry into the paradigm of other "digital concepts" that have the property of "digital mimicry". Special attention is paid to the identification and description of the evaluative and social connotations of the lexeme of *digital*.

Key words: language of mass-media, university, calque, digitalization, digital university

Устойчивое сочетание слов *цифровой университет* относительно недавно вошло в русский язык в потоке большого числа выражений, содержащих в своём составе лексему *цифровой*. Мы рассмотрим это сочетание с точки зрения его концептуального значения в этико-философском аспекте как часть социально-культурного контекста, в котором сегодня существует и видоизменяется понятие цифровизации. Мы намерены изучить, как новое понятие *цифровой университет* реализуется в русской речи в контексте «цифровой стихии»; выяснить, каким образом формируется содержание этого понятия; уточнить, какие коннотации приобретает сочетание *цифровой университет* в зависимости от класса источников, в котором оно используется.

Наименования со словом *цифровой* представляют собой понятия, являющиеся на первый взгляд зеркальным отражением привычного и знакомого: цифровая подпись – это такой же способ подтверждения подлинности документа, как подпись, сделанная от руки, а цифровая библиотека – такое же хранилище книг, как и обычная библиотека, правда, цифровые книги нельзя взять в руки. Речь как будто идёт о копиях действительности (не случайно ведь существует выражение *цифровая копия*). Однако о полном копировании говорить не приходится, скорее, можно говорить о «цифровой мимикрии». Эти «зазеркальные» понятия содержат свою тему и ремю. Тема здесь – известное нам, то, на чём строится новый образ. Рема – новое качество, выраженное лексемой *цифровой*. Раскрытие цифрового явления часто происходит через сравнение с его аналоговым прообразом, но в современном мире слово *цифровой* описывает уже не технику, оно описывает явления социума и культуры. Например, известный английский актёр Р. Аткинсон так рассуждает о феномене культуры отмены (современная форма остракизма, реализующаяся в основном в социальных сетях, однако имеющая существенные последствия для личности): «<...> то, что мы имеем сейчас, является цифровым эквивалентом средневековой толпы, которая бродит по улицам и ищет, кого бы сжечь [1].

При этом эквивалентность многих цифровых явлений аналоговым достаточно иллюзорна. Приведём в пример создаваемое компанией «Майкрософт» приложение Ghostbot, способное, проанализировав тексты и голоса умерших людей, общаться от их имени с родственниками усопших [2]. Здесь, вероятно, имеет место прецедент создания цифровой личности ушедшего из жизни человека – но ведь эта не та же самая личность, да и не личность вовсе.

Таким образом, многие цифровые явления, будто бы отражаясь в зеркале действительности, ведут себя не так, как ведёт себя само явление, существующее в «аналоговом мире» или «мире первой реальности». На сегодняшний день осмысление цифровых реалий не успевает за бурным развитием технологий, и многие этические, правовые и философские вопросы отбрасываются, не получив решения. Этот процесс проявляется в языке; в частности, в отсутствии чётких и ясных дефиниций для возникающих цифровых понятий и в значимых противоречиях между государственным и народным дискурсом.

Слово *цифровой* в значении *записываемый в виде последовательности значений 0 или 1 в двоичной системе, используемой в компьютерах* зафиксировано в специализированных словарях [3], а также в «Толковом словаре русского языка» Д. В. Дмитриева [4]. Известно, что в английском языке слово *digital* получило схожее значение после 1945 года [5]. В русских источниках находим примеры, датированные 40-ми годами XX века, например: «Современные математические машины можно разделить на два больших класса: машины непрерывного действия и машины дискретного счёта или цифровые машины» [6; с. 69]. В английском языке слово *digital* чрезвычайно продуктивно и образует много номинативных сочетаний: *digital archive, digital revolution, digital culture, digital era, digital library, digital media, digital humanities* и так далее. Объяснить большое количество таких сочетаний можно экстралингвистическими факторами (к подобным выводам, но на основе русского материала приходит А. Н. Столярова [7; с. 133–134]).

Адъюнкт-профессор кафедры французской литературы Монреальского университета М. Витали-Розати отмечает следующее: «Наш мир становится всё более цифровым. Цифровое пространство,

по всей видимости, становится главным и фактически единственным пространством; можно ожидать, что через несколько десятилетий не будет никакого нецифрового пространства» [8]. Исследователь также полагает, что со временем само прилагательное *цифровой* станет бессмысленным или по крайней мере избыточным [8]. Отметим парадоксальность происходящего процесса: сначала повсеместная экспансия лексемы *цифровой*, затем – её вероятное исчезновение из речи. Подтверждение сказанному можно найти, обратившись к судьбе сочетания *цифровой фотоаппарат*. Сегодня большинство фотоаппаратов стали цифровыми, и необходимость в этом уточнении отпала.

Согласно данным Национального корпуса русского языка, использование лексемы *цифровой* начинает стабильно возрастать со второй половины 90-х годов XX века (омонимия не снята). Слово *цифровой* расширяет сочетаемость и образует всё больше связей с абстрактными понятиями (исследовано 147 текстовых фрагментов в газетном корпусе Национального корпуса русского языка). Так, в изученных нами текстах, относящихся к началу XXI века (2001 год), прилагательное *цифровой* сочетается с существительными, обозначающими нечто материальное и конкретное (*фотоаппарат, радиотехника, флюорограф, терминал*), чаще, чем в текстах, относящихся к концу 10-х годов XXI, в которых мы наблюдаем преобладающую сочетаемость прилагательного *цифровой* с отвлечёнными понятиями: *инфраструктура, госуправление, экономика, вещание, стратегия, гигиена*. Здесь же (текстовые фрагменты от 2018 года) отмечаем абстрактные существительные: появляются цифровые *пространство, наличность, сообщество, идентичность, собственность, тоталитаризм* и так далее.

Сочетания слов, включающие лексему *цифровой*, обладают нейтральными (*цифровые абоненты, цифровой сигнал, цифровая аппаратура*), положительными (*цифровой друг*) и отрицательными коннотациями: (*цифровой ошейник, цифровой героин, цифровой ГУЛАГ, цифровой концлагерь, цифровое ожирение*). Сочетаниям, обладающим нейтральными коннотациями, легко придаются положительные коннотации, например: *современная цифровая аппаратура*.

Популярные толковые словари (С. И. Ожегова [9], Д. Н. Ушакова [10], С. А. Кузнецова [11]) не приводят пример сочетания *цифровой университет* в словарных статьях, посвящённых лексемам *университет* и *цифровой*, что говорит о новизне этого сочетания. При этом сам *цифровой университет* образован по модели номинативного словосочетания с атрибутивными отношениями (Adj + N), используемой в ранее образованных сочетаниях *вечерний университет* и *народный университет* [12].

В неперIODические издания выражение *цифровой университет* проникает сравнительно недавно: мы встречаем примеры, относящиеся ко второй половине 10-х годов XXI века. Например: «Электронное обучение практикуют как традиционные учебные заведения, так и вновь возникающие университеты, специализирующие на цифровых технологиях: британский «Открытый университет» (англ. Open University), «Французский *цифровой университет*» (франц. France université numérique) и т. д.» [13; с. 47]. Сегодня наименование *цифровой университет* активно вовлекается в административный дискурс академическими учреждениями: так, разделы под названием *цифровой университет* представлены на сайтах Московского государственного областного университета (<https://mgou.ru/digital>), Высшей школы экономики (<https://digital.hse.ru>), Самарского государственного технического университета (<https://samgtu.ru/2035>), Национального исследовательского ядерного института МИФИ (<https://it.mephi.ru>) и многих других.

Вероятно, *цифровой университет* представляет собой кальку с английского digital university; ранние примеры сочетания слов *цифровой университет* в иностранных источниках, доступных нам, встречаем в конце XX века, начиная с 1989 года. Один из примеров: «Творчески осмыслить возможности, предоставляемые электронной библиотекой, поможет другое название, такое как *национальный цифровой университет* или *электронный учебный ресурс*» [14; с. 86].

Также возможно самостоятельное зарождение сочетания *цифровой университет* на русской почве от жаргонного *цифра* (цифровой). В таком случае мы имеем дело с возникновением новой словообразовательной цепочки и распадом полисемантов с образованием омонимов: *цифра* как знак и *цифра* как электронная среда.

Само выражение со временем меняет своё содержание. Так, существует устаревшее значение *цифрового университета*: образовательное учреждение, которое обучает студентов по направлениям цифровой экономики [15; с. 137]. К сегодняшнему дню значение выражения *цифровой университет* в значительной степени видоизменилось, но не обрело чёткости, свойственной термину.

Нами были найдены различные дефиниции, используемые в СМИ, в популярных и научных статьях, однако большинство из них не раскрывает содержание понятия, его суть ускользает от понимания, прячась за громоздким, неясным толкованием и словами со стёртым смыслом, например:

«Цифровой университет – это платформа, действующая на основе «больших данных» [16].

«Цифровой университет – это набор технологических и нормативных требований, которые в цифровой среде университета мы можем сформулировать» [17].

В некоторых случаях определение *цифровому университету* дают через отрицание; так, например, поступает старший директор по цифровой трансформации научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» А. В. Чукарин: «Цифровой университет – это не отдельная новая сущность, а часть системы традиционного университета, которая «живёт в цифре» и создаёт соответствующую цифровую среду, ориентированную на создание новых возможностей для всех» [18]. Подобную структуру находим и в определении, данном ректором Голыттинского государственного университета М. М. Кристалом: «Цифровой университет» – это не просто университет, внедривший какие-либо цифровые технологии, а университет, запустивший внутри себя процесс цифровой трансформации» [19].

Вероятно, наиболее конкретно (из изученных нами источников) сформулированы отличительные черты цифрового университета в статье Г. П. Кузиной. К ним, по мнению автора, относятся: цифровой профиль (цифровой диплом, описывающий набор приобретённых компетенций) вместо классического диплома об образовании; индивидуальная образовательная траектория и персональная оценка компетенций вместо общей образовательной программы; сеть организаций и цифровых платформ, собирающих лучших преподавателей множества вузов и практиков из передовых компаний [20; т. 3, с. 91].

В современном значении сочетание *цифровой университет* мы находим в интернет-новостях с 2014 года, например: «Я это называю новым цифровой университет Cloud University, потому что Интернет меняет очень многое, в том числе устройство университетов и высшей школы вообще» [21].

Появление *цифрового университета* в публичной речи часто сопровождается различными варваризмами, фразёрством и общими местами, например: *миссия драйвера, профессиональные треки развития, генерация инноваций, мониторинг, лучшие практики, юзеркейсы, главный вызов* (в значении *проблема*), *понятные сервисы* и так далее, что также наводит на мысли о некоторых смысловых пустотах, объективируемых в речи ничего не значащими словами.

При этом в разговорной речи уже довольно давно сформировалось более внятное понимание «цифровой эры» в образовании, ассоциирующееся у интернет-пользователей, в частности, с университетскими онлайн-курсами: «А как быстро местные гении заметили, что началась цифровая эра? Стенфорд начал выкладывать свои курсы в интернет задолго до всяких коурсер и юдасити» [22].

Сочетание слов *цифровой университет* имеет признаки смыслового и синтаксического единства, при этом оба слова внутри этого выражения являются семантически свободными и сохраняют возможность сочетаться с другими словами (*цифровая эра, народный университет*); на данный момент это номинативное стереотипное сочетание слов, которое является единицей официально-делового стиля.

В научном стиле это устойчивое сочетание слов также употребляется (согласно базе данных ресурса «Киберленинка» (<https://cyberleninka.ru>) – с 2007 года), но в первую очередь в отраслях, связанных с реализацией государственных образовательных проектов, то есть по-прежнему в рамках административного дискурса.

В разговорный стиль *цифровой университет* практически не проникает; пока это выражение – часть официальной риторики, оно не стало понятным и насущным, не получило никакого предметного наполнения, в отличие, например, от онлайн-курсов.

В официальном дискурсе сочетание *цифровой университет* обладает положительными коннотациями: оно соседствует с такими понятиями, как *современные технологии, комфортная среда, инновационные рельсы*. Мы проанализировали около 50 контекстов использования выражения *цифровой университет* в СМИ (в том числе пресс-релизы, интервью с должностными лицами): в подавляющем большинстве само понятие помещается или в нейтральный информационный контекст, или в контекст нерелексивной позитивности и безальтернативности («<...> онлайн-обучение по эффективности и возможности индивидуального подхода сегодня уже значительно превосходит очную

форму обучения» [23], «цифровой университет – это новая реальность образования, нам в ней жить и работать» [24]). Используются формы со значением императивности *надо, должны, нужно*.

Отрицательные коннотации номинативного сочетания *цифровой университет* могут образовываться за счёт широкого и сложного контекста. Так, сообщение о том, что с помощью электронных служб цифрового университета будут оцениваться успеваемость, активность на лекциях, участие в общественной жизни и поведение, вызвало у некоторых пользователей Nabr.com, популярного ресурса программистов и разработчиков, ассоциации с социальным рейтингом в Китае [25]. Встречаем также отрицательные коннотации, связанные с гиперонимом *цифровое образование*, в интервью с представителем свободной профессии: «Цифровое образование – это образование для бедных. И это – не образование. Это – образовательное гетто» [26].

В целом можно сказать, что номинативное сочетание *цифровой университет* не следует рассматривать отдельно от иных лексических сочетаний со словом *цифровой*, оно является частью феномена цифровых явлений и разделяет его свойства.

Так, цифровой университет, очевидно, не является аналогом привычного нам университета. Он провозглашает индивидуализацию обучения и массиванный сбор личных данных, фиксацию цифрового следа, а это всё же не то, с чем мы привыкли сталкиваться в университете «аналогового мира».

На основе изученного материала мы определили, что понятие *цифровой университет* питается властным дискурсом, а номинативное сочетание *цифровой университет* реализуется прежде всего в официально-деловом и публицистическом стиле, однако не в рамках общественной дискуссии, а как вербализованная «готовая идея», часть государственного заказа. В СМИ это сочетание появляется в основном по мере освещения реализации проекта «Цифровая экономика» и других государственных проектов; так, в статье, размещённой в рубрике «Публикация национальных проектов» на сайте информационного агентства ТАСС, читаем: «Элементы «Цифрового университета» внедряют во всех государственных вузах к концу 2023 года» [27].

При этом содержание самого понятия полностью не сформировано, является «наборным», то есть при необходимости может расширяться и принимать в себя новые элементы. Сочетание *цифровой университет* приобретает положительные коннотации в ряде научных и публицистических источников, примеры отрицательных коннотаций находим прежде всего в стихийном или неофициальном дискурсе.

Библиографический список

1. Kanter J. Rowan Atkinson says cancel culture “Like medieval mob looking for someone to burn”; Hints at ‘Blackadder’ revival [электронный ресурс] // Deadline. 2021. URL: <https://deadline.com/2021/01/rowan-atkinson-cancel-culture-mr-bean-blackadder-1234664901/#comments> (дата обращения: 06.01.2021).
2. Gordon A. Alexa 'ghostbot' could let relatives 'speak to their dead loved ones' by using artificial intelligence to create realistic replies using their old letters, social media posts and videos // DailyMail [электронный ресурс]. 2021. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-9121687/Alexa-ghostbot-let-relatives-speak-dead-loved-ones.html?fbclid=IwAR0CSQLZEJFn7ecZeBSfj7M9SPLhkRYxXD-B30L4qUbrxJjqRZM4Lp2Guss> (дата обращения: 20.01.2021).
3. Научно-технический энциклопедический словарь [электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ntes/5476/%D0%A6%D0%98%D0%A4%D0%A0%D0%9E%D0%92%D0%9E%D0%99> (дата обращения: 20.01.2021).
4. Толковый словарь русского языка / Под редакцией. Д. В. Дмитриева [электронный ресурс]. 2003. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/5829/%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9> (дата обращения: 20.01.2021).
5. Online etymology dictionary [электронный ресурс]. 2021. URL: https://www.etymonline.com/word/digital#etymonline_v_31427 (дата обращения: 20.01.2021).
6. Быховский М. Л. Основы электронные математических машин дискретного счета // Успехи математических наук. Т. 4. В. 3. 1949. С. 69–124.

7. Столярова А. Н. Об экстралингвистической обусловленности неофразем // Вестник Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина. № 1. 2020. С. 132–135.
8. Vitali-Rosati M. Digital culture, philosophy and metaontology [электронный ресурс]. 2012. URL: http://blog.sens-public.org/marcellovitalirosati/wp-content/uploads/sites/2/2013/04/abstract_def.pdf (дата обращения: 06.01.2021).
9. Ожегов С., Шведова Н. Толковый словарь русского языка [электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 06.01.2021).
10. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка [электронный ресурс]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 06.01.2021).
11. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка [электронный ресурс]. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 06.01.2021).
12. Ожегов С., Шведова Н. Толковый словарь русского языка [электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=33168> (дата обращения: 06.01.2021).
13. Кашкин С. Ю., Четвериков А. О. Международная образовательная интеграция: содержание и правовое регулирование. М.: Проспект, 2018. 288 с.
14. Keller J. H. Issues in developing a national digital library for undergraduate math, science, and engineering education // Developing a digital national library for undergraduate science, mathematics, engineering, and technology education: report of a workshop. Washington: National academy press. 1998. P. 84–89.
15. Конкин А. А. Цифровизация образования: преодоление барьеров и рисков на пути к цифровому университету будущего // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. № 2. 2020. С. 136–140.
16. В России появится «Цифровой университет» // Seldon news [электронный ресурс]. 2019. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/212521908> (дата обращения: 01.01.2021).
17. Минобрнауки: цифровизация вузов должна базироваться на реальных проблемах студентов // ТАСС [электронный ресурс]. 2019. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7326803> (дата обращения: 01.01.2021).
18. Кукин Ю., Ли И. Университет будущего: как будет выглядеть высшее образование онлайн // РВК – государственный фонд фондов. Институт развития венчурного рынка Российской Федерации [электронный ресурс]. 2020. URL: <https://www.rvc.ru/press-service/media-review/nti/154862/> (дата обращения: 01.01.2021).
19. Университет в цифрах. Ректор ТГУ Михаил Криштал предложил пути ускорения цифровой трансформации в российских вузах // Федерал пресс [электронный ресурс]. 2019. URL: <https://fedpress.ru/article/2217631> (дата обращения: 01.01.2021).
20. Кузина Г. П. Концепция цифровой трансформации классического университета в «Цифровой университет» // E-Management. Т. 3. № 2. 2020. С. 89–96.
21. Лучшие сделки готовятся во время кризиса [электронный ресурс] // Lenta.ru. 2014. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/07/25/technopolis> (дата обращения: 02.01.2021).
22. Зачем Университет Стэнфорда изменил логотип? [электронный ресурс] // Хабр. 2012. URL: <https://habr.com/en/post/158873/> (дата обращения: 06.01.2021).
23. Фёдорова А. Высшее образование онлайн: как не ходить в университет и стать специалистом // Комсомольская правда [электронный ресурс]. 2019. URL: <https://www.kp.ru/daily/27063/4132023/> (дата обращения: 06.01.2021).
24. Руководство МГМУ им. Сеченова: Как бы ни развивалась ситуация, учебный год начнётся вовремя, и наша задача – сохранить максимальное качество образования // СНГ. Сегодня. [электронный ресурс]. 2020. URL: <https://sng.today/moscow/13328-rukovodstvo-mgmu-im-sechenova-kak-by-ne-razvivajas-situacija-uchebnyj-god-nachnetsja-vovremja-i-nasha-zadacha-sohranit-maksimalnoe-kachestvo-obrazovaniya.html> (дата обращения: 06.01.2021).
25. Искусственный интеллект внедряют в российские вузы для контроля за успеваемостью студентов [электронный ресурс] // Хабр. 2019. URL: <https://habr.com/ru/news/t/463339/> (дата обращения: 06.01.2021).
26. Ишханян Р. О ближайшем прошлом цифрового будущего. Интервью с писателем Константином Антиповым [электронный ресурс] // Частный корреспондент. 2020.

URL: http://www.chaskor.ru/article/o%C2%A0blizhajshem_proshlom_tsifrovogo_budushchego_46152 (дата обращения: 06.01.2021).

27. Элементы «Цифрового университета» внедряют во всех государственных вузах к концу 2023 года [электронный ресурс] // ТАСС. 2019. URL: <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/6100012> (дата обращения: 06.01.2021).

References

1. Kanter J. Rowan Atkinson says cancel culture “Like medieval mob looking for someone to burn”; Hints at ‘Blackadder’ revival [electronic resource] // Deadline. 2021. URL: <https://deadline.com/2021/01/rowan-atkinson-cancel-culture-mr-bean-blackadder-1234664901/#comments> (access date: 06.01.2021).

2. Gordon A. Alexa 'ghostbot' could let relatives 'speak to their dead loved ones' by using artificial intelligence to create realistic replies using their old letters, social media posts and videos [electronic resource] // DailyMail. 2021. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-9121687/Alexa-ghostbot-let-relatives-speak-dead-loved-ones.html?fbclid=IwAR0CSQLZEJFn7ecZeBSfj7M9SPLhkRYxXD-B30L4qUbrxJjqRZM4Lp2Guss> (access date: 20.01.2021).

3. Scientific and technical encyclopedic dictionary [electronic resource] URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ntes/5476/%D0%A6%D0%98%D0%A4%D0%A0%D0%9E%D0%92%D0%9E%D0%99> (access date: 20.01.2021).

4. Dmitriev D. V. The explanatory dictionary of the Russian language [electronic resource]. 2003. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/5829/%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9> (access date: 20.01.2021).

5. Online etymology dictionary [electronic resource]. 2021. URL: https://www.etymonline.com/word/digital#etymonline_v_31427 (access date: 20.01.2021).

6. Byhovskij M. L. Fundamentals of electronic mathematical machines of discrete counting // Advances in Mathematical Sciences (Russian Mathematical Surveys). Vol. 4. № 3. 1949. P. 69–124.

7. Stolyarova. A. N. On the extralinguistic causation of neophrasemes // Bulletin of SHamyakin Mozyr' state pedagogical university № 1. 2020. P. 132–135.

8. Vitali-Rosati M. Digital culture, philosophy and metaontology. [electronic resource]. 2012. URL: http://blog.sens-public.org/marcellovitalirosati/wp-content/uploads/sites/2/2013/04/abstract_def.pdf (access date: 06.01.2021).

9. Ozhegov S., SHvedova N. The explanatory dictionary of the Russian language [electronic resource]. URL: <https://slovarozhegova.ru> (access date: 06.01.2021).

10. Ushakov D. N. Large explanatory dictionary of the Russian language [electronic resource]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (access date: 06.01.2021).

11. Kuznetsov S. A. Large explanatory dictionary of the Russian language [electronic resource]. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (access date: 06.01.2021).

12. Ozhegov S., SHvedova N. The explanatory dictionary of the Russian language [electronic resource]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=33168> (access date: 06.01.2021).

13. Kashkin S. YU., CHetverikov A. O. International educational integration: content and legal regulation. M.: Prospekt, 2018. 288 p.

14. Keller J. H. Issues in developing a national digital library for undergraduate math, science, and engineering education // Developing a digital national library for undergraduate science, mathematics, engineering, and technology education. Washington: National academy press. 1998. P. 84–89.

15. Konkin A. A. Digitalization of education: overcoming barriers and risks on the way to the digital university of the future // Bulletin of Omsk state pedagogical university. Humanitarian research. № 2. 2020. C. 136–140.

16. A Digital University will appear in Russia // Seldon news. 2019. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/212521908> (date of application: 01.01.2021).

17. Ministry of Education and Science: digitalization of universities should be based on real problems of students [electronic resource] // TASS. 2019. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7326803> (access date: 01.01.2021).

18. Kukin YU., Li I. University of the future: how higher education will look online [electronic resource] // PBK – State Fund of Funds. Institute for the Development of the Venture Market of the Russian

Federation. 2020. URL: <https://www.rvc.ru/press-service/media-review/nti/154862/> (access date: 01.01.2021).

19. University in digital. TGU Rector Mikhail Krishtal suggested the ways to accelerate digital transformation in Russian universities [electronic resource] // Federal press. 2019. URL: <https://fedpress.ru/article/2217631> (access date: 01.01.2021).

20. Kuzina G. P. The concept of a digital transformation of a traditional university to a “digital university” // E-Management. Vol. 3. № 2. 2020. P. 89–96.

21. The best deals are prepared during the crisis [electronic resource] // Lenta.ru. 2014. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/07/25/technopolis> (date of application: 02.01.2021).

22. Why did Stanford University change the logo? [electronic resource] // Habr. 2012. URL: <https://habr.com/en/post/158873/> (access date: 06.01.2021).

23. Fyodorova A. Higher education online: how not to go to university and become a specialist [electronic resource] // Комсомольская правда. 2019. URL: <https://www.kp.ru/daily/27063/4132023/> (access date: 06.01.2021).

24. Management of the Sechenov Moscow state medical university: No matter how the situation develops, the academic year will start on time, and our goal is to maintain the maximum quality of education [electronic resource] // CIS. Today. 2020. URL: <https://sng.today/moscow/13328-rukovodstvo-mgmu-im-sechenova-kak-by-ne-razvivalas-situacija-uchebnyj-god-nachnetsja-vovremja-i-nasha-zadacha-sohranit-maksimalnoe-kachestvo-obrazovanija.html> (access date: 06.01.2021).

25. Artificial intelligence will be introduced in Russian universities to monitor the progress of students [electronic resource] // Habr. 2019. URL: <https://habr.com/ru/news/t/463339/> (date of application: 06.01.2021).

26. Ishkhanyan R. About the near past of the digital future. Interview with the writer Konstantin Antipov [electronic resource] // Private correspondent. 2020. URL: http://www.chaskor.ru/article/o%C2%A0blizhajshem_proshlom_tsifrovogo_budushchego_46152 (access date: 06.01.2021).

27. Elements of the "Digital University" will be implemented in all state universities by the end of 2023 [electronic resource] // TASS. 2019. URL: <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/6100012> (access date: 06.01.2021).

УДК 654.197:004.738.5
10.36622/AQMPJ.2021.59.90.016

*Ульяновский государственный университет,
ассистент кафедры журналистики, аспирант
Академии медиаиндустрии
Онуприенко К.А.
Россия, Ульяновск – Москва,
тел. +79539856440
e-mail: simbushka94@mail.ru*

*Ulyanovsk State University
The chair of Journalism, assistant,
graduate student of the Academy of Media Industry
Onuprienko K.A.
Russia, Ulyanovsk – Moscow
tel. +79539856440
e-mail: simbushka94@mail.ru*

К.А. Онуприенко

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ЖАНРОВ НА НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПЛАТФОРМАХ

Статья посвящена анализу модификаций классических телевизионных жанров в цифровую эпоху. Метод контент-анализа позволяет определить характерные черты и компоненты информационного контента на современном телевидении. Мир аудиовизуальных онлайн-рынков стремительно меняется. Не так давно преобладало линейное телевидение, вещающее через кабельные или спутниковые сети. В последнее время появились новые поставщики аудиовизуального контента, такие как социальные медиа и потоковые онлайн-сервисы. На реальных примерах автор демонстрирует, что в аудиовизуальном контенте есть определенные области, где YouTube оказывает значительное конкурентное давление на классическое телевидение. Развитие коммуникативных практик трансформирует принципы работы и структуру редакции и ведет к изменению всей системы массовой коммуникации, в которой вместо однонаправленного распространения новостей делается упор на диалог с подписчиком. Это приводит к появлению гибридных интернет-жанров и активному использованию новых аудиовизуальных форматов в телевизионном производстве. В статье описываются форматы контента современного телевидения, дается классификация и характеристика новых аудиовизуальных форматов, рассматривается специфика процессов интернет-вещания, проводится сравнительный анализ контента видеохостинга YouTube с передачами данных жанров на телевидении. Кроме того, раскрываются и описываются преимущества цифровых платформ как площадок создания и дистрибуции контента. Проводится анализ наиболее успешных аудиовизуальных форматов в современной ситуации, когда интернет занял ключевые позиции в качестве площадки для получения информации и активного коммуникационного взаимодействия. Делается вывод о том, что функционал новых медиаформатов позволяет значительно расширить возможности дистрибуции и перевести процесс трансляции информации в интерактивную форму, чтобы удовлетворить потребности современного пользователя.

Ключевые слова: телевидение, интернет, телевизионные жанры, новые медиа, аудиовизуальные форматы, социальные медиа.

К.А. Onuprienko

THE TRANSFORMATION OF TRADITIONAL TELEVISION GENRES ON NEW TECHNOLOGICAL PLATFORMS

The article is devoted to the analysis of modifications of classic television genres in the digital age. The purpose of the study is to reveal the peculiarities of using television genres in modern audiovisual formats and on new content distribution platforms. Content analysis makes it possible to identify the distinctive components and features of information content of the modern television. The world of audiovisual online markets is rapidly changing. Not long ago, it was dominated by linear television, transmitted terrestrially, through cable networks or via satellite. Recently, have emerged new suppliers of audiovisual content like social media and streaming services. Author shows that there are specific areas within audiovisual content markets where YouTube exerts considerable competitive pressure on classic TV. The development in communicative practices is already yielding changes in traditional newsroom routines and leads to a shift in the communicative orientation of journalism that puts an emphasis on dialogue instead of the unidirectional dissemination of news. This research paper designates that all process influences update of television genres'

system and active use of new formats in television production. This paper is about description the content formats of modern television, classification and characteristics of new audiovisual formats, specifics of Internet broadcasting processes, and comparative analysis of YouTube content and traditional television. The article analyses some of the most successful new media formats in the context of current situation when the Internet solidified itself as the main platform for information exchange and interaction. It is concluded that in the new media formats can greatly increase the possibility of distribution and put the process of the information product broadcasting into the interactive form to meet the needs of the modern user.

Keywords: television, internet, television genres, new media, audiovisual formats, social media.

Мы живем в эпоху конвергенции, когда почти все доступно через смартфоны, планшеты и другие платформы, где аудиовизуальный продукт транслируется в разных форматах. Сегодня телезритель (или, скорее, «телепользователь») может сам выбирать, что и когда смотреть, общаться в режиме реального времени с другими зрителями по всему миру, совершать покупки, влиять на происходящее в студии и даже одновременно смотреть другие программы. Предполагается, что запуск 5G откроет путь для действительно интерактивного вещания. По словам Шейлы С. Мерфи [1], сегодня весь видеоконтент, доходящий до общества, можно назвать телевидением. В целом, существуют три различных способа видеотрансляции: традиционное (линейное) телевидение, видео по запросу и потоковое видео, а телевизионный мир делится на телевизионное вещание, кабельные и спутниковые услуги по подписке, а также мобильные и онлайн-платформы [2, с. 371].

Несмотря на развитие цифровых технологий, традиционное ТВ остается наиболее эффективным средством массовой информации. Именно человек на телеэкране воплощает в себе обобщенное представление о журналистах для большинства людей, в том числе студентов, которые выбирают эту профессию [3, с. 38]. Телевидение сохраняет некую элитарность, тогда как в интернет может «попасть» кто угодно. При этом невозможно игнорировать тот факт, что традиционное вещание сегодня кардинально меняется. Телезрители более фрагментированы, чем когда-либо, растет конкуренция с потоковыми сервисами за зрительскую аудиторию.

Технический прогресс и возможность каждого смотреть телепередачи в интернете создали такую ситуацию, что молодежная аудитория предпочитает потреблять не только развлекательный, но и информационный контент в сети. Причины данного явления – отсутствие каналов и программ для подростков и молодежи на российском телевидении, обилие рекламы, привязка к определенному эфирному времени.

В борьбе за аудиторию кабельные компании постоянно внедряют новые функции, позволяющие зрителям приостанавливать и перематывать прямые трансляции и записывать программы для последующего просмотра. Камеры GoPro совершили революцию в получении кадров из труднодоступных мест. Ведущие транснациональные компании активно развивают технологии AR и VR. Новые телевизоры способны воспроизводить широчайшую цветовую гамму и передавать изображения высокого качества. Встроенный Wi-Fi позволяет «умным телевизорам» выходить в интернет. Компания Amazon упростила просмотр, интегрировав домашнего помощника Alexa в пульт дистанционного управления, что позволяет владельцам подавать голосовые команды телевизору, запрашивая интересующую информацию. Потоковые сервисы Netflix, Hulu и Amazon Prime Video имеют мобильные приложения, которые позволяют загружать контент прямо на устройство пользователя. Теперь люди смотрят видео повсюду: телевизоры, мобильные телефоны и планшеты, и это меняет способ его разработки.

Творческий контент на телевидении становится дружественным к гифкам и мемам. Влиятельные деятели YouTube теперь являются иконами культуры со своими собственными телешоу и линейками продуктов. Чтобы получить доступ к фильмам и сериалам, не нужно покупать DVD-диск, скачивать фильмы из интернета, ждать трансляции по телевизору. Достаточно иметь компьютер, ноутбук или телевизор с функцией Smart TV (технологии интеграции интернета и цифровых интерактивных сервисов в современные телевизоры и ресиверы цифрового телевидения). Так, один из крупнейших российских интернет-кинотеатров Okko имеет базу из более 80 000 фильмов и мультфильмов от ведущих российских и зарубежных студий, таких как Walt Disney Picture, Sony Pictures Entertainment, Universal Studios [4]. Эти примеры показывают, что влияние социальных медиа едва ли ограничивается онлайн-миром и довольно последовательно формирует культурные артефакты (телевидение, кино, искусство), которые выходят за рамки его традиционных границ.

Усиление игрового начала в практике современного телевидения выражается не только в значительном увеличении сегмента развлекательного контента, но и в структурных изменениях самих

телевизионных жанров, которые уже достаточно изучены и подробно описаны в научной литературе. В частности, к жанрам информационной журналистики принято относить репортаж, новостной сюжет, выступление, интервью; к аналитическим – беседу, комментарий, обозрение, дискуссию; к жанрам художественной публицистики – зарисовку, очерк, эссе, сложные передачи с элементами импровизации, использованием документальных кадров и произведений различных искусств [5].

Сегодня на модификацию жанров влияют процессы слияния печати, радио, телевидения, интернета и даже литературы, театра, кино и рекламы. В результате возникают гибридные жанры, в которых устойчивые жанровые признаки журналистики соединяются с приемами, методами, стратегиями шоу, игры и театрализованной постановки. К таким жанрам относятся реалити-шоу, телевизионные шоу талантов, «докудрамы» и «докумыло», мастер-классы, программы преобразований и другие [6, с. 75]. Кроме того, с возрастающей активностью аудитории, стремительным развитием цифровых технологий, расширением интерактивности телевидения и привлечением пользовательского контента стали появляться гибридные жанры 2.0 [7], которые не имеют аналогов на телеэкране и свойственны только телевидению в интернете (видеоблоги; игровые, обучающие, музыкальные видео; пранки – розыгрыши и социальные эксперименты). Их список регулярно пополняется. Так, до 2007 года не существовало летсплеев – видеороликов, сопровождаемых текстом, в которых игроки демонстрируют и комментируют процесс прохождения какой-либо компьютерной игры.

С развитием телевидения и интернета наблюдается взаимное проникновение жанров и форматов. То, что раньше было уместно только в телевизоре, сейчас активно используется в интернете и наоборот. Для современных телевизионных репортажей и реалити-шоу характерно комбинирование кадров, снятых профессиональными операторами, с так называемыми «велфи» (видеоселфи) самого корреспондента или героя программы. Съемка на телефон вышла из разряда любительской: при желании на гаджет можно снять полноценный фильм. Для смартфонов выпускают штативы, объективы, моноподы (селфи-палки) и другие приспособления, которые делают съемку более удобной и качественной.

В интернете вторую жизнь обрел репортаж и свойственный ему нарративный метод подачи информации. Возможность быстрой публикации и частого обновления наполнила этот «старый» жанр новым смыслом. Теперь вести репортаж, используя разные медийные платформы, можно параллельно событию, достигая реального эффекта присутствия. Репортаж приобретает новое звучание и в журналистских блогах, которые выполняют компенсирующую функцию, размещая информацию, не попавшую в эфир или на сайт.

Сегодня главная жанровая особенность экранного произведения – вполне свободное чередование документального, биографического, публицистического, художественного. Трансформация телевизионных жанров происходит по причине изменения потребления информации телезрителями: современной аудитории свойственно «клиповое сознание», заключающееся в нелинейном, фрагментарном восприятии визуальных образов.

Опытным путем уже было установлено, что традиционный выпуск новостей – основа основ телевизионной журналистики – в сети не работает [8, с. 67]. «Подводку» ведущего заменило описание под видеороликом (description), а сетку вещания – загрузка видео сразу после записи. Из составляющих телевизионного информационного сюжета в сети наиболее востребован «лайф» и в том или ином виде «стендап». Хронометраж «лайфов» колеблется от 15 секунд до 2-3 минут, в то время как журналистские авторские обращения могут длиться и более 6 минут. Но тенденция к сокращению в интернете по-прежнему сохраняется. Когда человек включает телевизор, он решает, будет ли дальше смотреть программу, в течение 5-7 минут. В интернете важно успеть заинтересовать зрителя всего за 8-15 секунд.

В последнее время социальные сети стали частично выполнять функции телевидения, проводя различные трансляции. Их особенностью является обратная связь в прямом эфире. К тому же, социальные сети позволяют любому человеку вести собственную трансляцию с мобильного устройства и общаться со своими подписчиками. По качеству трансляции в социальных сетях (если их делают профессионалы), ничем не уступают классическому ТВ. При этом атмосфера передач получается более неформальной. Например, социальная сеть ВКонтакте выпускала свою собственную программу «Ночной контакт», где ведущий брал интервью у известных гостей – певцов, актеров, блогеров. В мае 2020 года ВКонтакте проводила марафон трансляций в рамках фестиваля VK Fest, который не смог состояться на концертных площадках из-за пандемии коронавируса, но успешно прошел в онлайн-

режиме: трансляции посмотрели несколько миллионов человек. Немалой популярностью в соцсетях также пользуются трансляции с места событий. Часто они становятся оперативнее традиционного телевидения с его громоздким оборудованием и съемочной группой.

Чтобы сохранить позиции на рынке, традиционные СМИ активно осваивают новые медиаформаты – «устойчиво сложившиеся в последние годы формы предоставления контента, репрезентирующие различные жанры в новых технологических платформах, но не имеющие устойчивых жанровых признаков» [9, с. 17].

В числе новых аудиовизуальных форматов на данном этапе развития медиaprостранства можно отметить следующие:

1. Видеофайл (ролик, вебинар, фильм, скринкаст и т.д.);
2. Видеофрагмент, коуб (показ короткого момента или действия);
3. Видео 360° (основанное на технологиях 3D и VR);
4. Стриминг, онлайн-трансляция, лайвы («живое» потоковое видео);
5. Gif-анимация, синемаграфия, бумеранги (нечто среднее между изображениями и видео, разницу между которыми может обнаружить лишь профессионал);
6. Анимационный ролик, стоп-моушен (видео, получающееся путем перемещения в кадре рисованных, кукольных, пластилиновых или компьютерных объектов);
7. Истории (сторис) – исчезающий контент (фотографии и короткие видеоролики до 15 секунд с текстовыми пометками, тегами, ссылками, стикерами, эмодзи и фильтрами).

Поскольку люди чаще всего заходят в социальные сети со смартфонов, большая часть контента ориентирована на вертикальный формат. Сетевое видео очень требовательно к динамике. Оно отличается малой продолжительностью и визуальной насыщенностью, часто сопровождается титрами. Нередко на видео накладывается эффект визуального замедления или ускорения времени. С помощью интерактивных элементов традиционный контент преобразуется в динамичный цифровой продукт, который вовлекает аудиторию, обогащает и расширяет ее возможности (можно касаться, исследовать, играть и делать покупки в видео). Так, формат интерактивью подразумевает разбиение длинных телевизионных интервью в удобные для навигации мультимедийные блоки. Возможность кликнуть именно на те вопросы, которые интересуют зрителя, увеличивает вовлечение и время просмотра [10]. К новым технологическим явлениям, придающим динамику восприятию телепродукции зрителями, можно отнести и такой организационный прием, как интерактивное голосование. Например, телеканал «Матч ТВ» активно использует интернет-голосование при выборе лучшего игрока матча, для создания интерактива со зрителями трансляции.

Цифровая реальность диктует современному телевидению необходимость развивать контент для удовлетворения желаний нового поколения зрителей с повышенным опытом фрагментарных текстов и продвинутыми навыками навигации в интерактивных средах. В телевидении, использующем интерактивные возможности новых технологических платформ, можно выделить следующие отличительные черты:

1. Фрагментация экрана – параллельное развитие разных историй;
2. Распространение коротких форматов, таких как клипы, трейлеры и промо;
3. Бесконечная интертекстуальность – телевизионная структура второго уровня, выражающаяся в наличии гиперссылок и всплывающих окон;
4. Разрыв линейности – включение ретроспективных кадров или ускоренных переходов;
5. Умножение персонажей и повествовательных программ – переход от одного героя и одного информационного повода к нескольким.

Сегодня практически все федеральные и региональные телеканалы представлены в интернете. Они имеют официальные сайты, аккаунты в социальных сетях и каналы в мессенджерах. Одна и та же информация для каждой площадки упаковывается по-разному. Например, в Instagram наибольшей популярностью пользуются сторис с места событий. На сайте пользователь может посмотреть уже прошедшие или еще не вышедшие в эфир программы и фильмы, прямую трансляцию телеканала, нарезки из передач, некоторые фрагменты, по хронологическим рамкам не попавшие в эфир.

Представлены в социальных медиа и отдельные программы. Например, познавательная украинская телепрограмма о путешествиях в экзотические страны и жизни их коренных народов «Мир наизнанку» (которая также выходит на российском ТВ) имеет свой сайт mir-na-iznanku.com, YouTube-канал и страницу на Facebook. Аккаунты в соцсетях и YouTube-канал есть и у самого веду-

щего Дмитрия Комарова, где он публикует как рабочие, так и личные фото и видео. Контент каждой площадки различается: на сайте это выпуски передачи, на YouTube к ним добавляются кадры со съемок и комментарии, меняется язык и стиль («Уникальная футбольная команда и женщина, которая полжизни рожает – смотри в проекте Мир наизнанку»). На Facebook делаются репосты из аккаунта ведущего, размещаются фото из экспедиций и ссылки на сюжеты.

Социальные сети могут иметь как разрушительный эффект, так и поддерживать традиционное телевидение во многих отношениях: они предоставляют аудиовизуальный контент, служат дополнением к существующим шоу, используются для продвижения бренда и вовлечения зрителей, работают как средство интерактивной рекламы [11, с. 145]. Пересечение аудитории онлайн-площадок и телезрителей незначительно, поэтому представленность на релевантных технологических платформах приводит исключительно к приросту сектора. Аудитория СМИ расширяется за счет ее разделения на сегменты (по возрастному, профессиональному признаку) и создания для каждого из них индивидуального контента. Например, на сайте или Telegram-канале публикуется сводка новостей, которая в определенное время выходит в эфир, а впоследствии размещается в соцсетях в виде постов. Аналитические программы телеканала на сайте заменяются обзорами и аналитикой, написанной специально для портала.

При этом многие форматы, которые присутствуют в сети, не теряют популярности на традиционной телевизионной площадке (например, сериалы и трансляции спортивных и массовых мероприятий). Такие события, как чемпионат мира по футболу FIFA 2018, транслируемый в режиме реального времени для 1,1 млрд зрителей по всему миру, доказывают уникальную способность СМИ собирать по-настоящему огромную живую аудиторию. К наиболее популярным на данный момент форматам телевидения можно отнести реалити-шоу, ток-шоу, криминальные обозрения, интеллектуальные викторины, спортивные состязания, соревнования в разных сферах деятельности (например, «Кулинарный поединок»). В основе всех существующих сегодня форматов лежит рекреативная функция, что обуславливает практическую необходимость их использования в процессе борьбы телеканалов за свободное время потребителей. Однако активное использование форматов не вытесняет жанры телевизионной журналистики, которые серьезно модифицируются под влиянием технологий и усиления роли потребителей.

Одной из основных платформ для публикации и распространения контента является видеохостинг Youtube, предоставляющий пользователям услуги хранения, доставки и показа видео. Youtube подарил возможность каждому делиться аудиовизуальным контентом. Это делают как журналисты, так и люди из других сфер – блогеры. На видеохостинге есть возможность напрямую пообщаться с автором, высказать свою позицию в комментариях, поставить лайк или дизлайк. При этом основные принципы и классические жанры, свойственные телевидению, живут и развиваются на этой платформе и по сей день. Приведем сравнительный анализ телепрограмм с ближайшим аналогом на Youtube.

Документально-художественная журналистика

Программа «Намедни» с Леонидом Парфеновым, выходящая с перерывами с 1 ноября 1990 по 30 мая 2004 год на НТВ, сегодня обрела вторую жизнь на YouTube-канала Parfenon.

«Намедни» – цикл документальных передач по истории СССР и России во второй половине XX – начале XXI века. Каждая серия была посвящена событиям, людям и явлениям в стране. Хронометраж: ~45 минут (1993-2000), ~1 час (2001-2002), ~90 минут (2002-2004). После конфликта Леонида Парфенова с новым руководством телеканала проект был закрыт, а ведущий уволен с НТВ.

Спустя 15 лет автор принял решение о продолжении цикла на собственном YouTube-канале. Первый выпуск появился в интернете 18 марта 2019 года. Передача стала популярна как среди зрителей «старого» «Намедни», так и среди молодежи. Канал Parfenon имеет 952 тыс. подписчиков. Хронометраж: ~80-90 минут.

Леонид Парфенов доказал, что продукт на YouTube может не только не отставать по качеству съемки и монтажа от телевизионных аналогов, но и опережать их. «Намедни» зачастую попадает в подборку «В тренде» на YouTube, за каждый месяц на канал подписывается десятки тысяч человек, а видео посматривают несколько миллионов раз.

Аудитория крайне лояльна к творчеству Леонида Парфенова, количество положительных оценок от зрителей превышает количество негативных более чем в 100 раз.

На YouTube стиль передачи стал чуть более неформальным, но в целом передачи идеологически и структурно продолжают программу с НТВ. «Намедни» – наглядный пример того, как классические, проверенные временем телевизионные жанры и принципы создания передач остаются актуальными даже на других платформах.

Просветительская журналистика

Передачи научно-популярного характера чаще всего рассчитаны на подростково-юношескую аудиторию, программ для которой больше всего не хватает современному российскому телевидению [12]. В качестве примера возьмем телепрограмму «Галилео», которая выходила с 2007 по 2015 год на СТС, и YouTube-канал «Топлес».

«Галилео» – познавательная программа об устройстве мира, российский аналог немецкого проекта Galileo канала ProSieben. Хронометраж: ~24 мин (2007-2009, с 2020 года), ~48 мин (2009-2015). Ведущим программы был Александр Пушной, популярный телевизионщик, которому в проекте был создан образ «безумного ученого». В основном, каждый выпуск состоял из нескольких сюжетов и одного эксперимента в студии. Программа стала очень популярной среди детей среднего и старшего школьного возраста.

В 2020 году СТС перезапустил передачу с новым ведущим Владимиром Маркони, но она сильно отличалась от оригинальной и с треском провалилась. По этому поводу Александр Пушной сказал, что сегодня создать нечто похожее на «Галилео» можно только в интернете [13].

Таким проектом и стал «Топлес» (4 млн. подписчиков). Хронометраж: 15-25 минут. Канал довольно нетипичен для YouTube. Создатель шоу – бывший монтажер и сценарист проекта +100500 Ян Лапотков. С 2013 года видеоблогер снимает ролики научно-популярного характера на самые разнообразные темы и оснащает свои видео визуальным рядом, не уступающим телевизионному. В каждом сюжете ведущий рассказывает об одном событии, явлении или предмете с научной точки зрения, стараясь объяснить все доступно и с юмором.

Канал очень популярен среди детской аудитории, а его видео нередко показывают учителя на уроках физики, химии и биологии. Все выпуски набирают в сети более миллиона просмотров и постоянно оказываются «в тренде». Аудитория положительно воспринимает нечастый выход контента (1-3 видео в месяц), цена «Топлес» за качество визуала и работу с материалом.

Сам Лапотков называет себя «информационным кайфоловом» и говорит о своем канале так: *«Люблю жизнь, но больше люблю ее изучать. Сложные вещи простым языком. Глубокий анализ, непривычный ход мысли и противоинтуитивные факты в одной большой логичной истории – это Топлес»* [14].

Таким образом, обе программы рассказывают интересные факты о, казалось бы, всем известных вещах. Значительное влияние оказывает образ ведущего в обеих программах. Но есть и различия: «Галилео» в один выпуск включал несколько сюжетов по 7-8 минут, «Топлес» же посвящает весь хронометраж одному сюжету. Кроме того, в программе на СТС предпочитали сюжеты с классическим для телевидения выездом на место событий. Ян Лапотков же, не имея подобных бюджетов, чаще всего остается в своей студии и пользуется графикой, инфографикой и видеовставками.

Интервью

Юрий Дудь и колоссальный успех его проекта «вДудь» послужили примером для старта серьезной работы телевизионщиков по освоению площадки YouTube. В качестве примера классической передачи возьмем программу Владимира Познера «Познер».

Программа-интервью выходит с 2008 по настоящее время на Первом канале. Хронометраж: 50-60 минут. Постоянным элементом является применение опросника Марселя Пруста, на 10 вопросов из которого, выбранных ведущим, предлагается кратко ответить гостю в заключение интервью. При этом некоторые вопросы сформулированы самим Познером. По традиции программа заканчивается «прощалкой» – мини-эссе в исполнении ведущего на произвольную тему. Выпуск от 24 декабря 2018 года стал первым в истории программы, в котором «прощалка» была отменена. Программа характеризуется обилием крупных планов с акцентами на глазах, руках, жестах гостя и ведущего.

Канал «вДудь» создан в 2017 году, имеет 8,71 млн. подписчиков. Хронометраж: 80-100 минут. «вДудь» – интернет-шоу в формате интервью, автором и ведущим которого является журналист Юрий Дудь. Его канал входит в 50 самых популярных на русскоязычном YouTube, а видео набирают миллионы просмотров [15]. Выпуски выходят практически каждую неделю и представляют собой откровенное интервью с героем у него дома. Успех шоу доказывает, что жанр большого откровенно-

го интервью жив и может сделать автора очень популярным. Помимо интервью на канале размещаются документальные фильмы.

У данных программ получается быть одновременно сильно отличающимися друга от друга, но и при этом очень похожими. И «вДудь», и «Познер» характеризуются раскрытием гостей, длительными и откровенными разговорами, блицами, крупными планами камер и даже отчасти элементами монтажа. Оба интервьюера сумели избежать одной из главных «болезней» своей профессии – окончания интересных гостей. Оба умеют быть для зрителей чуть ли не интереснее самих героев. «вДудь» – это своего рода помолодевшая программа Владимира Познера. Она намного более дерзкая, открытая, вопросы зачастую противоречат кодексам журналистской этики. Но самое главное отличие шоу Дудя в том, что он стал первым журналистом, сумевшим достичь популярности с людьми, ставшими звездами именно в сети и иногда не известными широкой публике за ее пределами. Причем сейчас сам Юрий популярен как в интернете, так и на ТВ.

Спортивная журналистика

Одними из самых популярных форм телевизионной журналистики до сих пор остается спортивная журналистика. Трансляции спортивных событий собирают миллионы зрителей у телеэкранов, поэтому и аналитика от журналистов-экспертов в данной области всегда имеет стабильно высокие рейтинги. Одной из самых популярных программ в свое время была передача «Футбольный клуб» с Василием Уткиным. После прекращения карьеры телекомментатора журналист продолжает свою профессиональную деятельность на собственном YouTube-канале «Василий Уткин».

«Футбольный клуб» – авторская еженедельная программа о футболе, выходившая на каналах «НТВ», «НТВ-Плюс Спорт» и «НТВ-Плюс Футбол» с 1994 по 2012 год. Хронометраж: от 15 до 60 минут.

В июне 2018 года «Футбольный клуб» был возрожден на личном канале Василия Уткина. Интернет-проект имеет 560 тыс. подписчиков. Хронометраж: 10-30 минут.

Канал «Василий Уткин» – находка для любителей качественного контента о спорте: профессиональный ведущий способен на самый подробный и качественный разбор матчей. Программа снимается как в студии, так на выезде.

Минусом «Футбольного клуба» на YouTube можно назвать недостаток кадров с матчей, вызванный отсутствием прав на трансляцию. Но ведущий находит выход из ситуации, делая видео более короткими и зачастую говоря об успехах и проблемах команд и игроков, не связанных с матчами, а при непосредственном обзоре встреч выводит на экран стоп-кадры и инфографику. Одним из главных показателей успеха является то, что несмотря на уход с телеэкранов, Василий Уткин по-прежнему остается одним из самых авторитетных экспертов в спорте среди российских журналистов.

У программ с одним и тем же ведущим и названием не может не быть явных сходств. Спустя более 20 лет «Футбольный клуб» – это по-прежнему программа с качественной аналитикой и самобытным подходом к разбору спортивных событий. В числе отличий можно отметить усиление влияние самого Василия на программу – его стало «больше» в кадре, перестали появляться приглашенные гости, мнение ведущего начало высказываться более явно, а критика стала острее.

В целом, почти для каждого жанра современной телевизионной журналистики можно найти аналог на YouTube, соответствующий традиционным принципам построения передачи. Но все они терпят соответствующие изменения. Выделим главные тенденции в трансформации жанров:

1. Усиление влияния ведущего

На наш взгляд, это главная тенденция, которую должны учитывать телевизионщики, начинающие осваивать интернет-хостинги. Действительно, включая телевизор, зритель чаще всего выбирает любимый канал, на котором может смотреть разные передачи. В интернете же аудитория осуществляет подписку на канал человека, создающего контент, и роль ведущего здесь неоспоримо выше. Зачастую именно личностные и профессиональные качества автора контента служат мотивацией для подписки. Смена ведущего на YouTube-канале – явление намного более редкое, чем на телевидении, отчасти из-за того, что обычно сам ведущий и является владельцем канала.

2. Выпуски чаще снимаются в студии

Любимый телевизионщиками репортаж с места событий – редкость для YouTube. Важно понимать, что в данном случае речь идет не о телевизионных каналах, дублирующих эфирные выпуски в интернете, а о блогерах и журналистах, трудящихся на YouTube. Причина в том, что над созданием

контента для видеохостинга трудится куда более скромное количество человек, чем в штате любого серьезного канала, и для подготовки материала не хватает возможности снимать на выезде.

3. Контент рассчитан на более молодую аудиторию

Возраст наиболее активных подписчиков YouTube составляет 25-34 года [16], в то время как основное ядро телезрителей – люди в возрасте от 54 лет [17]. Таким образом, сетевая аудитория намного моложе телевизионной, что необходимо учитывать при создании контента.

4. Уход от традиционной формальности телевидения

Одна из решающих причин, по которой передачи многих журналистов, переставшие демонстрировать стабильно высокие рейтинги на ТВ, так успешно возвращаются на YouTube – возможность открыто высказывать свое мнение, использовать неформальный стиль общения (иногда даже нецензурную лексику). Это привлекает аудиторию, так как в ее глазах передача становится более честной и открытой.

5. Потеря решающей важности хронометража передач

Конечно, есть смысл в адекватном выборе длительности ролика для оптимального раскрытия темы и создания максимальной информационной насыщенности передачи. Но каждый выпуск может быть разной продолжительности, которую выбирает автор, исходя из своей идеи, а не из необходимости вписаться в эфирные рамки.

Таким образом, современное телевидение уже значительно трансформировалось: появились новые технологии распространения и приема телевизионного сигнала, изменились модели взаимодействия с аудиторией, обновились способы доставки контента и его структура: он становится более мультимедийным, а аудитория переходит в статус если не создателя информации, то ее активного потребителя. Постоянно возрастающие интерактивные возможности расширяют функциональный спектр телевидения, которое проникает во все сферы жизни современного человека.

Смещение форматных и жанровых признаков при производстве нового вида аудиовизуального продукта – одно из магистральных направлений деятельности создателей контента. При этом существует и более очевидный способ, когда прежде популярный формат меняет лишь название, некоторые детали и драматургические приемы, но по сути своей остается неизменным, благодаря четко осознаваемой жанровой природе [18, с. 145].

На основании контент-анализа YouTube-каналов, работающих в рамках традиционных для телевидения жанров, можно сделать следующие выводы:

1. Среди успешных контентмейкеров становится все больше журналистов-телевизионщиков. Некоторые из них делают ставку именно на производстве контента для YouTube (Юрий Дудь, Василий Уткин, Леонид Парфенов и т.д.);

2. На данный момент на видеохостинге преобладает контент, рассчитанный на молодую аудиторию (25-34 года);

3. Визуальное и техническое качество материалов становится ближе к телевидению, чем к любительским съемкам, как это было несколькими годами ранее.

Сравнительный анализ показал, что контент на YouTube выделяет личность ведущего, менее зависим от хронометража и периодичности выхода программы, выпуски отличаются непринужденным стилем общения с аудиторией и чаще всего снимаются в меньшем количестве локаций, чем ТВ-аналоги. Поэтому для эффективного использования этой платформы недостаточно выкладывать стандартный телевизионный контент старого образца, а необходимо, к примеру, проводить прямые эфиры с интерактивами для подписчиков, снимать видеоролики в более неформальном характере, освещать темы, вызывающие интерес у молодежной аудитории, следить за откликом от подписчиков, как это делают ведущие рассмотренных нами каналов.

Библиографический список

1. Murphy Sh.C. How Television Invented New Media. Rutgers University Press, 2011, New Brunswick. 192 p.
2. Turow J. Media Today, Mass Communication in a Converging world. University of Pennsylvania, Routledge, New York. 2014. 496 p.
3. Самарцев О.Р. Творческая деятельность журналиста (очерки теории и практики): Учебное пособие для вузов / Под общ. ред. Я.Н. Засурского. 4-е изд. М.: Академический проект. 2017. 528 с.

4. Okko. Популярные фильмы, лучшие сериалы. URL: <https://okko.tv> (дата обращения: 17.03.2021).
5. Ким М.Н. Жанры современной журналистики. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2004 (ОАО Техническая книга). 335 с.
6. Хлызова А.А. Обновление системы телевизионных жанров в современных медиаусловиях / А.А. Хлызова // Журналистский ежегодник. 2015. № 4. С. 73-76.
7. Горошко Е.И. «Чирикающий» жанр 2.0. Твиттер или что нового появилось в виртуальном жанроведении // Вестник Тверского государственного университета. 2011. № 3. С. 11.
8. Круглова Л.А. Трансформация аудиовизуального контента в новых медиа // Вестн. Моск. ун-та. сер. 10. Журналистика. 2012. № 3. С. 61-71.
9. Самарцев О.Р., Латенкова В.М., Онуприенко К.А. Специфика отражения пандемии covid-19 в новых медиаформатах // Журналист. Социальные коммуникации. М.: Журналист. 2020. № 3. С. 17-29.
10. Силантьева О. 92 мультимедийных формата. Екатеринбург: Издательские решения, 2018. 120 с.
11. G. Enli, T. Syvertsen. The End of Television – Again! How TV Is Still Influenced by Cultural Factors in the Age of Digital Intermediaries // Media and Communication. V. 4, No 3 (2016). P. 142-153.
12. Бычкова Е.Ю. Популярные телепрограммы для подростков: пробел на Российском телевидении // Журналистский ежегодник. 2015. С. 179-182.
13. Мнение Пушного о новом Галилео 2020 [Отрывок из интервью SNAILKICK]. URL: <https://youtu.be/P3uefOVNSX8> (дата обращения: 17.03.2021).
14. Топлес. О канале. Режим доступа: <https://youtube.com/user/toplesofficial/about> (дата обращения: 17.03.2021).
15. Whatstat.ru. Рейтинг каналов YouTube – Топ-100. URL: <https://whatstat.ru/channels/top100> (дата обращения: 17.03.2021)
16. Гаитбаева С. Аудитория шести крупнейших соцсетей в России в 2020 году: изучаем инсайты / С. Гаитбаева. ppc.world. 2020. URL: <https://yandex.ru/turbo/ppc.world/s/articles/auditoriya-shesti-krupneyshih-socsetey-v-rossii-v-2020-godu-izuchaem-insayty/> (дата обращения: 17.03.2021).
17. Шадрин Т. Исследование: Больше всего телевизор смотрят россияне старше 54 лет / Т. Шадрин. rg.ru. 2019. URL: <https://rg.ru/2019/03/01/issledovanie-bolshego-vsego-televizor-smotriat-rossiiane-starshe-54-let.html> (дата обращения: 17.03.2021).
18. Ильченко С.Н. Система жанров отечественного телевидения и ее трансформация в условиях глобализации информационного пространства. М.: Изд. центр «Академия». 2012. 149 с.

References

1. Murphy Sh.C. How Television Invented New Media. Rutgers University Press, 2011, New Brunswick. 192 p.
2. Turow J. Media Today, Mass Communication in a Converging world. University of Pennsylvania, Routledge, New York. 2014. 496 p.
3. Samartsev O.R. The creative activity of a journalist (essays on theory and practice): Textbook for universities Under total. ed. Ya.N. Zasursky. Ed. 4th. M.: Academic project. 2017. 528 p.
4. Okko. Popular films, best TV series. URL: <https://okko.tv> (date of application: 17.03.2021).
5. Kim M.N. Genres of modern journalism. SPb.: Publishing house of Mikhailov V.A., 2004 (JSC Technical book). 335 p.
6. Khlyzova A.A. Update of Television genres' system in the modern circumstances of mass media // Yearbook Journalism. 2015. No 4. P. 73-76.
7. Goroshko E.Ig. Twitting Twitter as genre 2.0 or what is new in digital theory of genres / E.Ig. Goroshko // Bulletin of Tver State University. 2011. No 3. P. 11.
8. Kruglova L.A. Transformation of audiovisual content in new media // Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism. 2012. No 3. P. 61-71.
9. Samartsev O.R., Latenkova V.M., Onuprienko K.A. The reflection of covid-19 pandemic in new media formats // Journalist. Social communications. M.: Journalist. 2020. No 3. P. 17-29.
10. Silantyeva O. 92 multimedia formats. Ekaterinburg: Publishing solutions, 2018. 120 p.

11. G. Enli, T. Syvertsen. The End of Television – Again! How TV Is Still Influenced by Cultural Factors in the Age of Digital Intermediaries // *Media and Communication*. V. 4, No 3 (2016). P. 142-153.
12. Bychkova E.Yu. Popular TV programs for teenagers: white spot on russian television // *Yearbook Journalism*. 2015. P. 179-182.
13. Pushnoy's opinion on the new Galileo 2020 [An excerpt from an interview on SNAILKICK]. URL: <https://youtu.be/P3uefOVNSX8> (date of application: 17.03.2021).
14. Topless. About. URL: <https://youtube.com/user/toplesofficial/about>.
15. Whatstat.ru. Top 100 Most Subscribed YouTube Channels. URL: <https://whatstat.ru/channels/top100> (date of application: 17.03.2021).
16. Gaitbaeva S. An audience of the six largest social networks in Russia in 2020: we study insights. ppc.world. 2020. URL: <https://yandex.ru/turbo/ppc.world/s/articles/auditoriya-shesti-krupneyshih-socsetey-v-rossii-v-2020-godu-izuchaem-insayty/> (date of application: 17.03.2021).
17. Shadrina T. Research: Russians over 54 watch TV most of all. rg.ru. 2019. URL: <https://rg.ru/2019/03/01/issledovanie-bolshego-vsego-televizor-smotriat-rossiane-starshe-54-let.html> (date of application: 17.03.2021).
18. Ilchenko S.N. The system of genres of domestic television and its transformation in the context of the globalization of the information space. M.: Publishing Center "Academy". 2012. 149 p.

ЯЗЫК СМИ LANGUAGE OF MASS MEDIA

УДК 811.161.1

10.36622/AQMPJ.2021.82.82.017

*Филиал Военного учебно-научного центра
Военно-воздушных сил «Военно-воздушная
академия им. профессора Н.Е. Жуковского и
Ю.А. Гагарина» в г. Сызрани*

*Преподаватель русского языка,
аспирант Самарского государственного со-
циально-педагогического университета
Немич Н.Н.*

Россия, г. Сызрань, тел. +79025172315

e-mail: nemich.natalya@mail.ru

*Branch of the Military Educational-Research Centre
of Air Force «Air Force Academy named
after professor N.E. Zhukovsky
and Y.A. Gagarin» in Syzran*

*Teacher of the Russian Language,
postgraduate student of the Samara State Social and
Pedagogical University
Nemich N.N.*

Russia, Syzran, tel. +79025172315

e-mail: nemich.natalya@mail.ru

Н.Н. Немич

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СЕМАНТИКИ НЕВЫРАЗИМОГО В СОВРЕМЕННОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

Статья представляет собой краткий обзор степени разработанности проблемы изучения семантики невыразимого в лингвистике, а также обзор научных трудов, исследующих газетный дискурс в таких аспектах, как нормативный, функционально-стилистический, социолингвистический, когнитивный, прагматический, культурологический. Цель статьи – выявить, изучается ли категория невыразимого в газетном дискурсе, так как в нём эмоционально-экспрессивное выражение очень часто передаётся через категорию невыразимости. В отечественной лингвистике до сих пор не ослабевает интерес к изучению особенностей газетного стиля. Показано, что наиболее разработаны экспрессивные и эмоциональные средства и приёмы газетных текстов, функционирование тропов и фигур речи, оценочность газетного дискурса. Анализ актуальных проблем изучения семантики невыразимого показал, что нет ни одного исследования, посвящённого изучению невыразимого в газетном дискурсе. Научные работы по исследованию природы невыразимого в качестве иллюстративного материала используют прежде всего художественные тексты, произведения фольклора. Что же касается текстов газетного дискурса, то теория и практика их лингвистического анализа не изучена с точки зрения использования семантики невыразимого. Материалом для дальнейшего исследования послужит современный газетный дискурс, ориентированный на презентацию семантики невыразимого. В статье определены актуальные перспективы исследования семантики невыразимого в газетном дискурсе, что позволяет определить практическую значимость данной работы в русле новых подходов к изучению семантики невыразимого в газетном дискурсе. Полагаем, что изучение семантических и функциональных свойств невыразимого в газетном дискурсе является актуальной научной задачей.

Ключевые слова: невыразимое, функционально-семантическая категория, номинации феномена невыразимого, экспрессивные и эмоциональные средства, средства массовой информации, современный газетный дискурс.

N.N. Nemich

PROBLEMS OF STUDYING THE SEMANTICS OF THE UNEXPRESSIBLE IN THE CONTEMPORARY NEWSPAPER DISCOURSE

The article provides a brief overview of the history of the study of the inexpressible in linguistics. The paper also considers the studies of newspaper discourse in normative, functional-stylistic, sociolinguistic, cognitive, pragmatic, and cultural aspects. The purpose of the article is to find out whether the category of the inexpressible is studied in newspaper discourse, since in it emotional and expressive expression is very often transmitted through the category of

inexpressibility. In Russian linguistics, the interest in studying the features of the newspaper style still relevant. It is shown that the most developed expressive and emotional means and techniques of newspaper texts are the functioning of tropes and figures of speech, as well as the evaluation of newspaper discourse. Current problems review in the study of the semantics of the inexpressible has shown that there is not a single study devoted to the investigation of the inexpressible in newspaper discourse. Researches on the study of the nature of the inexpressible as illustrative material use primarily artistic texts and works of folklore. As for newspaper discourse texts, the theory and practice of their linguistic analysis have not been studied from the point of view of using the semantics of the inexpressible. The material for further research will be a modern newspaper discourse focused on the presentation of the semantics of the inexpressible. The article defines the current prospects for the study of the semantics of the inexpressible in newspaper discourse, which allows us to determine the practical significance of this work in line with new approaches to the study of the semantics of the inexpressible in newspaper discourse. We believe that the study of semantic and functional properties of the inexpressible in newspaper discourse is an urgent scientific task.

Key words: inexpressible, functional-semantic category, nominations of the phenomenon of the inexpressible, expressive and emotional media, mass media, modern newspaper discourse.

В настоящее время в рамках функциональной лингвистики исследователи продолжают работу над описанием значения невыразимого, акцентируя внимание на том, что семантика невыразимого – это отдельная функционально-семантическая категория, содержащая в себе как самостоятельный план содержания, так и организованную систему средств выражения, которые находятся на разных уровнях языка (Г.С. Сырица, Е.П. Иванян, М.Ю. Михайлова).

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой невыразимый – «такой, который трудно передать словами, непередаваемый» [1; с.403]. Согласно «Большому толковому словарю русского языка» С.А. Кузнецова, невыразимый – это «такой, что трудно, невозможно выразить словами; неизъяснимый» [2; с. 616].

Для любого индивидуума та или иная фраза может быть очень личной, уникальной, что её невозможно выразить, передать словами; мотивом этого может быть и эмоциональное состояние (глубокое переживание, экспрессивное напряжение, состояние глубокой убеждённости т.д.). Но, очевидно, что природа невыразимости мыслей, идей возникает и при общении с себе подобными, и при восприятии гениальных творений, когда возникает настолько объёмный эмоциональный фон для передачи какой-либо информации, что его трудно выразить словами.

Изучением понятия «невыразимое» занимается Г.С. Сырица, которая рассматривает семантику невыразимого через призму диахронического аспекта [3; с.294]. Уделяя основное внимание семантическому аспекту анализа языковых единиц, исследовательница отмечает, что специфика семантики невыразимого определяется «как особенностями самих денотатов, свойства которых трудно или невозможно передать словами, так и системой языковых средств, их репрезентирующих» [3; с.294], и определяет близость внутренней формы номинаций, связанных с выражением этой семантики, в разных языках (английском, немецком, латышском). Анализируя лексические единицы с семантикой невыразимого, Г.С. Сырица выявляет их сочетание с эмотивной лексикой, связывая эти понятия с передачей внутреннего состояния. Учёный акцентирует внимание на том, что семантика невыразимого в русском языке передаётся с помощью не только широкого круга единиц разных языковых уровней, но и образных средств, к которым учёный относит неопределённые и указательные местоимения, безличные глаголы, окказионализмы, фразеологизмы, у которых семантика неопределённости и невыразимости часто взаимосвязана, метафоры [3; с.295]. Невыразимое, по мнению Г.С. Сырицы, предстаёт как «некая значимая субстанция, сущность которой передается субстантивами: Неизъяснимое, Невыразимое, Несказанное» [3; с.294]. Учёный делает акцент на том, что «семантика невыразимого в сфере метафорического обозначения чувств часто поддерживается лексикой со значением неопределённости; оксюморонных сочетаний, призванных отразить смыслы, для которых нет названия в языке; риторических вопросов – как экспрессивных синтаксических фигур, изначально исключающих возможность ответа; прецедентных текстов, которые участвуют прежде всего в передаче смыслов, возникающих «между молчаньем и речью» [3; с. 295]. Невыразимым, по мнению Г.С. Сырицы, является «трансцендентный мир, причем неизъяснимыми предстают как божественное начало мира, так и демонические проявления» [3; с. 294].

В работе Р. Перельштейна «Видимый и невидимый мир в киноискусстве» автор пишет о том, что «в религии область невыразимого сопряжена с отказом от «внешней мудрости» и устремленностью к «высшему бесстрастию», или безмолвию, каким оно предстает в традиции исихазма, а шире – в традиции отрицательного богословия, именуемого апофатизмом» [4; с.12]. Апофатика, по мнению Р. Перельштейна, присуща природе кинематографа, который пытается «выразить невыразимое, визуализируя отсутствие видимых

вещей и присутствие вещей невидимых, какими они предстают в «чистом созерцаний». В христианском учении о бытии видимое соотносимо с земным, а невидимое с небесным миром» [4; с. 15].

М.Ю. Михайлова рассматривает природу невыразимого в художественном дискурсе, в литературоведении, в лингвопоэтике. Учёный констатирует, что «семантика невыразимого – это объективно-субъективное значение», её значение «отмечает невыразимость предмета, признака, признака признака, действия, образа действия, места или ситуации в целом с позиции говорящего и по его воле» [5; с.33]. Следовательно, по мнению исследователя, «семантика невыразимого – субъективно-объективная категория отражательно-интерпретационного характера» [5; с.38].

Философские основания семантики невыразимого были изучены и подробно рассмотрены М.Ю. Михайловой в монографии «Семантика невыразимого в языке и речи». Учёный характеризует философские основания изучения семантики невыразимого, основываясь на труды таких учёных, как Платон, И. Кант, Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, Ж. Деррида, Е.В. Синцов и др. М.Ю. Михайлова замечает, что «репрезентанты семантики невыразимого занимали ключевые позиции в философских текстах, формировали методологическую основу метафизических размышлений философов» [5; с.12].

Философский аспект изучения природы невыразимого представлен в трудах современных учёных-лингвистов. Так, например, С.К. Гураль, опираясь на работы русского философа и исследователя С.Л. Франка, утверждает, что «русская религиозная философия заложила традицию изучения языка в его возможностях вербализовать сферу невыразимого» [7; с.10].

Профессор Е.М. Верещагин выясняет, возможно ли в диалоге продвинуться в постижении «непостижимого» и выражении «невыразимого»; при каких условиях это может осуществиться и «какие соответствующие рече-поведенческие тактики способны привести к успеху» [6; с.43]. Е.М. Верещагин приводит в работе номинации феномена невыразимого: «несказанное, неизречённое, невыразимое, неизглаголанное, неопишное, неуловимое, неизъяснимое, неисповедимое, непередаваемое, невоплотимое...»; термины от философов: мистическое, таинственное, трансрациональное, трансдефинитное, металогическое, антиномичное и т.д. [6; с.44]. Учёный утверждает, что «категория «невыразимого», будучи сопряжённой с языком (пусть и в отрицательной модальности), является предметом ведения на первом месте лингвистов и лишь затем философов» [6; с.57]. Автор предполагает, что в случае выражения невыразимого информация передаётся не словами, а поверх слов: «Любой мистик сначала заявляет, что не может сказать несказанного, а затем (адресуясь к другим) начинает говорить о своем состоянии. В этом процессе нет пополнения номинаций, но в ходе общения передача информации все-таки совершается» [6; с.57].

В.И. Абрамова, исследуя эволюцию русской романтической картины мира, освещает мотив «невыразимого», который «является показателем целостности романтической картины мира, поскольку непосредственно формирует семантическую сферу ее художественной онтологии» [9; с.5]. По мнению исследователя, мотив «невыразимого» – это один «из «индикаторов» состояния романтической картины мира, и его изменения свидетельствуют о важных трансформациях, происходящих во включающей его художественной системе» [9; с.3].

Имеются исследования, в которых понятие «невыразимое» рассматривается параллельно с исследованием феномена умолчания. В монографии Е.П. Иванян представлена характеристика семантики умолчания, рассмотрены средства его выражения, охарактеризованы местоимения как специализированные средства семантики умолчания [8].

Е.П. Иванян неоднократно акцентирует внимание на том, что семантика умолчания переплетается с семантикой невыразимого. Автор считает, что если невозможно выразить словами свои чувства, то это относится к семантике невыразимого. Учёный относит семантику невыразимого к одному из языковых функционально-семантических значений в русском языке, которое имеет «большую зону пересечения с умолчанием» [8; с.9]. Значимость невыразимого появляется только тогда, когда «говорящий не может найти слов, чтобы выразить ту или иную мысль или ощущения» [8; с.72].

В.В. Маркова анализирует способы введения семантики безмолвия в художественный текст на таких художественных произведениях, как «Невыразимое» В.А. Жуковского и «Silentium!» Ф.И. Тютчева [10]. Исследователь выдвигает предположение, что темой стихотворения Ф.И. Тютчева выступает «трагедийность человеческого бытия, заключающаяся в невозможности адекватно выразить свой внутренний мир и быть понятым другим» [10; с.10].

Рассмотрев Интернет-коммуникации, М.Ю. Михайлова выявила наличие невыразимого «в демотиваторах, в наборе эмодзи, предлагаемых скайпом, программами для электронных писем» [4; с. 1076].

Проанализировав часть работ по изучению семантики невыразимого, отметим недостаточность исследования сфер его функционирования. В основном, семантика невыразимого изучается учёными на материале художественных текстов, произведений фольклора. Несмотря на широкий интерес к исследованию семантики невыразимого современными учёными, количественное и качественное своеобразие языковых средств, связанных с выражением этой семантики, нуждается в дальнейшем изучении.

Цель нашей статьи – выявить, изучается ли категория невыразимого в газетном дискурсе, так как в нём эмоционально-экспрессивное выражение очень часто передаётся через категорию невыразимости.

В отечественной лингвистике до сих пор не ослабевает интерес к изучению особенностей газетного стиля. Стилистым особенностям языка прессы посвящены многочисленные работы отечественных лингвистов: М.П. Брандес, Г.О. Винокура, В.Г. Костомарова, М.И. Кожинной, Н.И. Клушиной, Г.Я. Солганика, О.В. Трофимовой и др.

Язык СМИ в настоящее время исследуется в разных аспектах: нормативном, изучающем коммуникативные процессы с помощью языка СМИ (Г.В. Бобровская, В.И. Карасик, Л.П. Крысин, И.В. Силантьев); функционально-стилистическом (М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, Т.И. Краснова, А.Р. Минемуллина, А.А. Салтыкова, Е.В. Полякова, Чокою Анка-Михаела, К.С. Филатов); социолингвистическом (Т.Л. Каминская, И.П. Лысакова, Т.В. Поздеева); когнитивном, интерпретирующем медиадискурс как когнитивный процесс установления смыслов речевых и неречевых действий (М.П. Цыбульская, Е.О. Менджерицкая); прагматическом (Е.А. Сидельникова, Д.Ц. Доржиева); культурологическом, определяющем медиатекст как пространство культуры (Т.Г. Добросклонская, В.И. Карасик, А.В. Фёдоров). При исследовании газетного дискурса учёными учитывается интегративная сущность дискурса, т. е. его конститутивные признаки, иерархия жанров, прагмалингвистические характеристики, выявление национально-культурной специфики газетного дискурса.

Среди работ, посвящённых газетному дискурсу как части медиaproстранства, можно назвать работы Е.О. Менджерицкой, М.П. Цыбульской, В.И. Карасика. Е.О. Менджерицкая определяет газетный дискурс как «когнитивный процесс, отражение мышления средствами конкретного языка с учётом экстралингвистической реальности» [11; с.77]. Все печатные издания, по мнению исследователя, «отличаются друг от друга как когнитивными установками адресантов, так и способностями их восприятия целевой аудиторией, а следовательно, различными способами передачи информации (лингвистическими и экстралингвистическими), представленными в самом тексте» [11; с.78].

М.П. Цыбульская, проводя анализ дискурса средств массовой информации, выделяет журналистский текст как продукт социальных и когнитивных актов и стратегий. Исследователь утверждает, что анализ газетных текстов необходимо осуществлять на фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях языка. М.П. Цыбульская подводит нас к выводу о том, что особенности дискурса средств массовой информации выражаются в языковой форме, в свою очередь «языковая форма, представленная в медиатексте, репрезентирует особенности дискурса СМИ» [12; с.131].

В.И. Карасик, освещая типы коммуникативной тональности медиадискурса, выделяет специфические черты массовой культуры и тенденциозность развития медиадискурса, к которым относит «сокращение коммуникативной дистанции между адресатом и адресантом»; «идеологическое самопозиционирование активной части населения»; трансформацию полученной информации в хобби и «создание в рамках коммуникативного пространства множества сообществ, похожих на клубы по интересам» [13; с.229].

Современный газетный текст, являясь одной из составляющих массово-коммуникативного пространства, отличается особой прагматической интенсивностью, которая усиливает его воздействующую функцию.

Г.В. Бобровская формулирует дискурс как «сложное коммуникативно-когнитивное явление, в состав которого входит не только сам текст, но и различные экстралингвистические факторы (знание мира, мнения, ценностные установки)» [14; с. 18]; «как процесс речевой коммуникации в печатных СМИ; коммуникативное событие, среду, в которой «созревает» и создаётся газетный текст ... в условиях массовой коммуникации, способствующий обмену социально значимой актуальной информацией» [14; с. 21].

Учёный выделяет такую существенную особенность современного газетного дискурса, как «политематизм, что выражается в чрезвычайно обширном наборе представляющих данный дискурс текстов (освещающих события политики, экономики, образования, искусства, спорта и т.п.)» [14; с.19]. Автором исследуются дискуссионные вопросы теории образной и фигуральной речи, определяется функциональное назначение изобразительно-выразительных средств вербального выражения замысла в газетных текстах. Как отмечает автор, «неточная и уточняющая речь рассматривается в парадигме способов элокутивной ор-

ганизации газетного дискурса с учётом различных коммуникативных целеустановок и извлекаемого коммуникативного смысла» [14; с.210]. Г.В. Бобровская отмечает, что «доминантным способом создания нарочито неясной речи в газетном дискурсе является метонимия – замена слова иноязычным эквивалентом» [14; с.205].

Л.П. Крысин рассматривает активные процессы в дискурсе СМИ, акцентируя внимание на коммуникативном пространстве дискурса средств массовой информации через Интернет-коммуникации, а также на концептуальном пространстве газетного дискурса. Исследователь выделяет изменения «в составе ключевых слов (активного словаря социума) и политических символов эпохи» [15; с.547].

И.В. Силантьев утверждает, что «газета как таковая существенна не только как носитель и создатель новостей, мнений и оценок происходящего, но и как среда дискурсных взаимодействий, приобщаясь к которой, читатель обретает необходимую для себя полноту и многогранность коммуникативного пространства» [16; с. 206]. Автор книги определяет нарративные особенности газетного дискурса «как открытое множество текстов, определённых в плане своих коммуникативных стратегий и форм выражения, а также обладающих традицией и перспективой своего функционирования и бытования» [16; с. 85].

Публицистический дискурс понимается В.А. Каменевой как «идеологически структурированное печатными средствами массовой информации единство письменного текста и прагматических, политических, социокультурных, психологических и т.д. факторов, представляющих собой символическую систему, в рамках которой идет воспроизведение, построение и/или корректировка социальной действительности, и которая обуславливает процесс восприятия данного социального контекста» [17; с. 69].

Исследуя специфику газетных текстов с позиций коммуникативно-прагматической стилистики, Д.Ц. Доржиева обращает наше внимание на две основные интенции адресанта, такие как информирование и воздействие [18; с. 10]. Анализируя лингвопрагматические особенности немецкого газетного текста, исследователь определяет, что метафора, сравнение, метонимия, эпитет обладают воздействующим потенциалом языковых средств [18].

Т.В. Поздеева, рассматривая взаимодействие адресанта и адресата в политическом газетном дискурсе, утверждает, что эмоционально-экспрессивная окраска лексических средств придаёт «газетному тексту политического характера особую яркость и выразительность» [19; с. 13].

Жанрово-стилистические особенности современных газетных текстов изучались Л.Р. Дускаевой, которая предложила трёхчленную классификацию жанров газетной публицистики. Проанализировав газетные речевые жанры в монологическом, диалогическом и макродиалогическом типах текста, Л.Р. Дускаева выявила, что «выбор жанра в конкретном акте коммуникации и его образование детерминировано информационными запросами и коммуникативными интересами читательской аудитории» [20; с.266].

По мнению Г.Я. Солганика, в современных газетах происходит взаимодействие, взаимопроникновение жанров. Учёный определяет главной тенденцией развития современных газет – конвергенцию жанров, которая происходит «под знаком усиления информационности, репортажности» [21; с.193].

М.Н. Кожина определяет специфику газетной речи «в особой и намеренной её выразительности, экспрессивности высказывания», указывая на её связь со стандартом [22; с.345]. Сравнивая публицистический стиль с другими стилями, исследователь указывает, что количество средств и способов экспрессивности в текстах публицистики в целом весьма высоко [23; с.344]. М.Н. Кожина подчёркивает, что «современным массовым газетам свойственна стихия разговорной речи. В качественных изданиях разговорность представлена в меньшей степени. Это выражается в использовании не только разговорной лексики, обычно оценочного характера, некоторых средств морфологии, но и оборотов речи и конструкций разговорного синтаксиса, интонаций обиходно-непринужденного общения» [22; с.356]. По мнению автора, «газетные публикации реализуют обычно в лингвистических средствах открытую оценочность, функцию воздействия, переплетённую с информативной, осуществляют сопряжение экспрессии и стандарта» [22; с.360].

О.В. Трофимова анализирует газетную речь с точки зрения наличия в ней стандарта и экспрессии. Автор считает, что «стандартизованная ... газетная речь уравнивает стандарт экспрессией». Экспрессивность, по мнению автора, конструктивный признак публицистической речи. О.В. Трофимова считает, что при многообразии форм и приёмов экспрессивности газетного текста «поиск нового в этой сфере постоянно продолжается» [23; с.254].

Среди работ начала XXI в., изучающих газетный дискурс с разных аспектов, хотелось бы обратить внимание на ряд исследований, рассматривающих газетный дискурс в функциональном аспекте, так как в области нашего научного интереса – семантика невыразимого как функционально-семантическая категория.

Так, Т.И. Краснова, изучая феномен оппозитивности газетного дискурса русского зарубежья 1917-1920 гг., отмечает, что оппозитивность, которая характерна для газетного дискурса, «связывается с идеологическим, социально-оценочным факторами и ментальнопсихическим механизмом порождения высказываний в рамках дискурсной формации» [24; с.5]. В оппозитивном газетном дискурсе русского зарубежья наряду со специализированными речевыми средствами репрезентации, апеллятивности вырабатываются, по мнению автора, специализированные речевые средства и приёмы направленной экспрессивности, к которым Т.И. Краснова относит метафору, олицетворение, гиперболу, а также такие лексико-синтаксические средства, как оценочные наименования, параллелизм и антитезу [24; с.32-33].

А.Р. Минемуллина исследует «связь оценочности с такими параметрами слова, как образность, эмоциональность, интенсивность, экспрессивность... Оценочность в сочетании с другими «созначениями» «приводит к появлению экспрессивности, усиливающей воздействующий потенциал оценочного слова» [25; с.11]. Автор утверждает, что «отрицательно-оценочные прилагательные используются в языке СМИ гораздо чаще, нежели прилагательные положительной оценки» [25; с.22].

Чокою Анка-Михаела на материале метафоры и прецедентных языковых единиц анализирует эмоционально-экспрессивные средства в современном политическом газетном тексте. Автор отмечает, что «современный язык российских средств массовой информации отличается большей эмоциональной насыщенностью и экспрессивностью» [26; с. 22]. Чокою Анка-Михаела указывает на то, что тексты современных газет накапливают новые экспрессивные и эмоциональные средства и приёмы; в газетных текстах «активно функционируют тропы и фигуры речи» [26; с.11]. В результате проведённого исследования Чокою Анка-Михаела делает вывод, что метафора делает официальный текст более ярким, насыщает текст «выразительными образами», воздействует на ассоциативное мышление, служит «эффективным средством выражения личной позиции автора, выступает в роли уплотнителя информации» [26; с.21].

Е.В. Полякова, анализируя тексты периодической печати Российской империи второй половины XIX – начала XX в., отмечает, что в исследуемых ею текстах периодической печати «лингвокультурные концепты имеют ярко выраженную культурную доминанту и отражают уровень постижения исторического события российской общественностью» [27; с.21-22]. Автор приходит к выводу, что оценочность характерна «больше для публикаций начала XX в., а в языке газет XIX в. встречается очень редко» [27; с. 13].

К.С. Филатов в научной работе, посвящённой метафорической организации публицистических текстов, описал семантические и когнитивные свойства метафорики, обеспечивающие её прагматически оправданное вхождение в медиадискурс [28].

В данной работе представлены только некоторые работы учёных-исследователей XXI века, рассматривающие многообразие подходов к анализу газетного дискурса.

Таким образом, изучив ряд научных работ двух десятилетий XXI века, можно отметить, что авторами монографий и диссертационных исследований газетный дискурс рассматривается с разных аспектов; изучаются экспрессивные и эмоциональные средства и приёмы газетных текстов, функционирование тропов и фигур речи, оценочность газетного дискурса. В своей исследовательской работе мы будем определять «газетный дискурс» как совокупность текстов, размещённых в печатных средствах массовой информации, связанных семантическими, содержательно-тематическими отношениями, объединённых в коммуникативном и функционально-целевом отношении и характеризующихся концептуальным, речежанровым и прагматическим своеобразием.

До настоящего времени нет ни одного специального исследования, посвящённого изучению семантики невыразимого в газетном дискурсе. Научные работы по исследованию природы невыразимого в качестве иллюстративного материала опираются прежде всего на художественные тексты. Что же касается текстов газетного дискурса, то теория и практика их лингвистического анализа не изучена с точки зрения использования семантики невыразимого. Это и определяет актуальность выбранной нами темы. Мы считаем, что данное исследование необходимо, так как семантика невыразимого, будучи понятийной категорией, располагает средствами передачи и в газетном дискурсе.

Материалом исследования послужит современный газетный дискурс, ориентированный на презентацию семантики невыразимого. Нам необходимо будет определить средства языка, речи и других семиотических систем газетного дискурса; условия, при которых возможно использование невыразимого в газетном дискурсе; жанры газетного дискурса, в которых допускается применение невыразимого; ситуации проявления семантики невыразимого в газетных текстах.

Библиографический список

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
2. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
3. Сырица Г.С. Семантика невыразимого как этнокультурный феномен // Славянские языки и культуры в современном мире. М.: МГОУ, 2009. С. 294-295.
4. Перельштейн Р. «Видимый и невидимый мир в киноискусстве». СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 208с.
5. Михайлова М.Ю. Семантика невыразимого в языке и речи. М.: ФЛИНТА; Самара: СГСПУ, 2020. 244с.
6. Верещагин Е.М. Несказанное, неизреченное и неизглаголанное. Рече-поведенческие тактики выражения невыразимого // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах / ред. Н.Д. Арутюнова. М. : Индрик, 2010. 473 с.
7. Гураль С.К., Петрова Г.И., Смокотин В.М. Выразить невыразимое: возможности синергетических усилий лингвистики и философии //Язык и культура. 2018. № 42. С. 6-18.
8. Иванян Е.П. Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке. М.: ФЛИНТА, 2015. 328 с.
9. Абрамова В.И. Мотив «невыразимого» в русской романтической картине мира: от В.А. Жуковского к К.К. Случевскому: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. М., 2007. 19 с.
10. Маркова В.В. Поэтика безмолвия в русской литературе 1820 – начала 1840-х годов (от «Невыразимого» В.А. Жуковского к «Мёртвым душам» Н.В. Гоголя): автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Тюмень, 2005. 20 с.
11. Менджеричкая Е.О. Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и типология медиадискурса //Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / Под ред. М.Н. Володиной. М.: Академический Проект, 2011. 332 с.
12. Цыбульская М.П. Дискурсивный подход в изучении медиатекстов // Национальные медиахолдинги в контексте реализации государственной информационной политики: материалы науч.-практ. конф. / под общ. ред. канд. филол. наук, доц. С.В. Дубовика. Минск: Изд. центр БГУ, 2014. с. 129-139.
13. Карасик В.И. Коммуникативная тональность медиадискурса// Солганик Г.Я. Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты : колл. монография / под ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. М. : ФЛИНТА, 2016. 268 с.
14. Бобровская Г.В. Когнитивно-элокутивный потенциал газетного дискурса. Волгоград: Издательство ВГСПУ «Перемена», 2011. 319 с.
15. Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX-XXI веков : монография / ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2008. 710 с.
16. Силантьев И.В. Газета и роман. Риторика дискурсивных смещений. М.: Языки славянской культуры, 2006. 224 с.
17. Каменева В.А. Идеологическая деконструкция публицистического и рекламного дискурса. Тендерный аспект : учебное пособие / В.А. Каменева, С.В. Коломиец. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2013. 172 с.
18. Доржиева Д.Ц. Специфика газетных текстов с позиций функциональной и коммуникативно-прагматической стилистик (на материале аналитических статей немецких качественных газет «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Suddeutsche Zeitung», «Frankfurter Rundschau»): автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. М., 2019. 35 с.
19. Поздеева Т.В. Отношения адресант – адресат в политическом газетном дискурсе: концепция взаимодействия и взаимокорреляции: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Краснодар, 2011. 22с.
20. Дускаева Л.Р. Жанрово-стилистические особенности современных газетных текстов // Язык массовой и межличностной коммуникации. М.: Медиа-Мир, 2007. 576 с.

21. Солганик Г.Я. Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты: колл. монография / под ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. М.: ФЛИНТА, 2016. 268 с.
22. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. М.: ФЛИНТА, 2016. 464 с.
23. Трофимова О.В. Публицистический текст: лингвистический анализ. М.: Флинта, 2016. 303 с.
24. Краснова Т.И. Феномен оппозитивности газетного дискурса русского зарубежья: 1917-1920(22) гг.: автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук. Екатеринбург, 2015. 41 с.
25. Минемуллина А.Р. Оценочные прилагательные в языке современных средств массовой информации: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Киров, 2015. 24 с.
26. Чокою Анка-Михаела. Роль эмоционально-экспрессивных средств в современном политическом газетном тексте (на материале метафоры и прецедентных языковых единиц): автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. М., 2007. 23 с.
27. Полякова Е.В. Функционально-стилистический и лингвокультурологический анализ текстов периодической печати Российской империи второй половины XIX – начала XX в. (на материале газетных текстов Уфимской и Пермской губерний): автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Уфа, 2018. 24 с.
28. Филатов К.С. Метафора как способ развёртывания журналистского текста: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. СПб, 2015. 25 с.

References

1. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. Russian language dictionary. M.: Azbukovnik, 1999. 944 p.
2. Large explanatory dictionary of the Russian language. / Comp. and chief editor S.A. Kuznetsov. Saint Petersburg: Norint, 1998. 1536 p.
3. Syritsa G. S. Semantics of the inexpressible as an ethno-cultural phenomenon // Slavonic languages and cultures in the modern world, Moscow: Moscow state University, 2009, pp. 294-295.
4. Mikhailova M. Yu. Actual problems of studying the semantics of the inexpressible // Bulletin of the Bashkir state University. Vol. 20. no. 3. 2015. pp. 1072-1079.
5. Mikhailova M. Yu. Semantics of the inexpressible in language and speech. M.: FLINT; Samara: SSPU, 2020. 244 p.
6. Vereshchagin E. M. the untold, the unspeakable and the Unspeakable. Speech-behavioral tactics of expressing the inexpressible // Logical analysis of language. Mono-, dia-, polylogue in different languages and cultures / ed. by N. D. Arutyunova. M., 2010. 473 p.
7. Gural S. K., Petrova G. I., Smokotin V. M. To Express the inexpressible: possibilities of synergetic efforts of linguistics and philosophy // Language and culture. 2018. № 42. pp. 6-18.
8. Ivanyan E. P. semantics of default and means of its expression in Russian. M., 2015. 328 p.
9. Abramova V. I. The motive of the "inexpressible" in the Russian romantic picture of the world: from V. A. Zhukovsky to K. K. Sluchevsky: abstract of the dissertation for the degree of candidate of philological Sciences. Moscow, 2007. 19 p.
10. Markova V. V. Poetics of silence in Russian literature 1820 – early 1840s (from "Unspeakable" V. A. Zhukovsky to "Dead souls" N.V. Gogol): abstract of the dissertation for the degree of candidate of philological Sciences. Tyumen, 2005. 20 p.
11. Mengeritskaya E. O. Cognitive-discursive paradigm in linguistics and typology of media discourse / Language and discourse of mass media in the XXI century / M. N. Volodina, M., 2011. 332 p.
12. Tsybul'skaya M. P. Discursive approach in the study of media texts // National media holdings in the context of the implementation of state information policy : materials of scientific and practical Conf. / under the General ed. Sciences, Assoc. S. V. Dubovik. Minsk, 2014, pp. 129-139.
13. Karasik V. I. communicative tonality of media discourse // Solganik G. Ya. Discourse and style : theoretical and applied aspects : Coll. monograph / ed. by G. Ya. Solganik, N. I. Klushina, N.V. Smirnova. M.: FLINT, 2016. 268 p.
14. Bobrovskaya G. V. Cognitive-elokutivny potential of newspaper discourse. Volgograd: VGSPU "Peremena" publishing house, 2011. 319 p.

15. Modern Russian language. Active processes at the turn of the XX-XXI centuries : monograph / ed. L. P. Krysina. M., 2008. 710 p.
16. Silantev I. V. Newspaper and novel. Rhetoric of discursive mixes. M., 2006. 224 p.
17. Kameneva V. A. Ideological deconstruction of publicistic and advertising discourse. Tender aspect: textbook / V. A. Kameneva, S. V. Kolomiets. - Kemerovo: Kemerovo state University, 2013. 172 p.
18. Dorzhieva D. C. the Specificity of newspaper texts from the standpoint of functional and communicative-pragmatic stylistics (based on the analytical articles of the German quality newspaper "Frankfurter Allgemeine Zeitung", the "Suddeutsche Zeitung", "Frankfurter Rundschau"): the dissertation on competition of a scientific degree of candidate of philological Sciences. M., 2019. 35 p.
19. T. V. Pozdeeva the Relationship addressor – addressee in the political newspaper discourse: the concept of interaction and usayvarlesi: abstract of thesis on competition of a scientific degree of candidate of philological Sciences. Krasnodar, 2011. 22 p.
20. Duskaeva L. R. Genre and stylistic features of modern newspaper texts//Language of mass and interpersonal communication. M., 2007. 576 p.
21. Solganik G. J. Discourse and style : theoretical and applied aspects of call. the monograph / under the editorship of G. Y. Solganik, N. And. Klushino, N. In. Smirnova. M., 2016. 268 p.
22. Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovsky. V. A. stylistics of the Russian language. M., 2016. 464 p.
23. Trofimova O. V. Journalistic text: linguistic analysis. M., 2016. 303 p.
24. Krasnova T. I. The phenomenon of opposition in the newspaper discourse of the Russian abroad: 1917-1920: abstract of the dissertation for the degree of doctor of Philology. Yekaterinburg, 2015. 41 p.
25. Minemullina A. R. Evaluative adjectives in the language of modern mass media: abstract of the dissertation for the degree of candidate of philological Sciences. Kirov, 2015. 24 p.
26. Cocou ANCA-Mihaela. The role of emotional and expressive means in the modern political newspaper text (based on metaphors and precedent language units): abstract of the dissertation for the degree of candidate of philological Sciences, Moscow, 2007. 23 p.
27. Polyakova E. V. functional-stylistic and linguoculturological analysis of texts of the periodical press of the Russian Empire of the second half of the XIX – beginning of the XX century. (based on newspaper texts of the Ufa and Perm provinces) : abstract of the dissertation for the degree of candidate of philological Sciences. Ufa, 2018. 24 p.
28. Filatov K. S. Metaphor as a way to deploy a journalistic text: abstract of the dissertation for the degree of candidate of philological Sciences. Saint Petersburg, 2015. 25 p.

СОБЫТИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ **EVENTS AND REVIEWS**

УДК: 82

10.36622/AQMPJ.2021.69.98.018

*Санкт-Петербургский государственный
медицинский университет им. И.И. Мечникова*
канд. филол. наук, доцент кафедры
русского языка
Белова А.В.
Россия, Санкт-Петербург, +79119447714,
e-mail: ioanna.ventina@gmail.com

*St. Petersburg State Medical University named after
I.I. Mechnikov*
PhD, Associate Professor
of Russian language
Belova A.V.
Russia, Saint-Petersburg, +79119447714,
e-mail: ioanna.ventina@gmail.com

А.В. Белова

КАТАЛОГ ПЕРЕПИСКИ АНТОНА ПАВЛОВИЧА И АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА ЧЕХОВЫХ

В статье приводится полный каталог переписки Антона Павловича Чехова и его старшего брата Александра Павловича, в том числе указаны данные о несохранившихся письмах. Каталог составлен на основании текстов писем, указанных в издании «Письма А.П. Чехову его брата Александра Чехова» и полном собрании сочинений и писем А.П. Чехова (в каталоге – Письма и ПССП, соответственно). В настоящем каталоге указаны в примечании письма несохранившиеся (но имеющие ответную пару), а также открытые письма – (открытки). Эпистолярный диалог братьев Чеховых демонстрирует пронзительную близость и родство таких непохожих друг на друга, духовно и литературно одаренных людей. Именно переписка позволяет проследить, как взаимодействовали в разное время родные братья, какое влияние оказывал на юного Антона Павловича старший брат Александр вначале и как менялись их роли на протяжении жизни, по мере взросления обоих. Тематика переписки братьев Чеховых чрезвычайно разнообразна: это и деловые вопросы, и внутрисемейные, творческие и личные. В письмах можно встретить описания талантливых современников, характеров родных (матери, отца, братьев и сестры), письма-пародии, письма-исповеди, письма-зарисовки быта и нравов провинции России. Эти письма – бесценный материал для исследования чеховского окружения, семьи и творчества. И если воспоминания Александра Павловича о детстве и юности Антона Чехова, возможно, грешат субъективностью и предвзятостью, то тексты писем открывают истинную картину внутрисемейных отношений, обрисовывают правдивые портреты близких людей и события жизни братьев Чеховых. Каталог включает в себя 554 письма Александра Павловича и Антона Павловича Чеховых.

Ключевые слова: Антон Чехов, Александр Чехов, каталог, переписка, дружеское письмо.

A.V. Belova

CATALOG OF CORRESPONDENCE OF ANTON PAVLOVICH AND ALEXANDER PAVLOVICH CHECHOV

The article provides a complete catalog of correspondence between Anton Pavlovich Chekhov and his older brother Alexander Pavlovich, including data on unsaved letters. The catalog was compiled on the basis of the texts of letters indicated in the publication “Letters A.P. Chekhov of his brother Alexander Chekhov” and the Complete Works of A.P. Chekhov. In this catalog letters in the note are not saved (but having a reciprocal pair), as well as open letters - (postcards). The epistolary dialogue of the Chekhov brothers demonstrates the piercing closeness and kinship of such unlike, spiritually and literally gifted people. It is the correspondence that allows us to trace how the siblings interacted at different times, what influence the elder brother Alexander had on young Anton Pavlovich at the beginning and how their roles changed throughout life, as both grew older. The subject of correspondence of the Chekhov brothers is extremely diverse: these are business issues, and family, creative and personal. In the letters you can find descriptions of talented contemporaries, characters of relatives (mother, father, brothers and sisters), letters-parodies, letters-confession,

letters-sketches of life and customs of the province of Russia. These letters are invaluable material for the study of Chekhov's environment, family, and creativity. And if Alexander Pavlovich's recollections of Anton Chekhov's childhood and youth may sin with subjectivity and bias, then the texts of the letters reveal the true picture of intra-family relations, depict true portraits of close people and events in the life of the Chekhov brothers. The catalog includes 554 letters of Alexander Pavlovich and Anton Pavlovich Chekhovs.

Keywords: Anton Chekhov, Alexander Chekhov, catalog, correspondence, friendly letter.

Переписка братьев Чеховых - Александра и Антона – многолетняя и многочисленная, охватывает период с 1875 года по 1904 год и насчитывает 554 письма, лишь малая часть из которых не сохранилась:

1875 – 10, 1876 – 6, 1877 – 10, 1878 – 4, 1879 – 2, 1880 – 2, 1881 – 8, 1882 – 12, 1883 – 13, 1884 – 14, 1885 – 12, 1886 – 19, 1887 – 79, 1888 – 54, 1889 – 23, 1890 – 10, 1891 – 22, 1892 – 16, 1893 – 37, 1894 – 16, 1895 – 21, 1896 – 21, 1897 – 46, 1898 – 42, 1899 – 33, 1900 – 4, 1901 – 4, 1902 – 4, 1903 – 6, 1904 – 4. Из них чуть более двухсот принадлежат перу Антона Павловича и более трехсот – авторству Александра Павловича Чехова.

Каталог составлен на основании текстов писем, указанных в издании «Письма А.П. Чехову его брата Александра Чехова» [1] и Полном собрании сочинений и писем А.П. Чехова [2].

Последним и полным изданием текстов переписки братьев Чеховых является книга «Александр и Антон Чеховы. Воспоминания, переписка» [3], включающим 519 сохранившихся текстов писем.

В настоящем каталоге указаны в примечании несохранившиеся письма (но имеющие парное письмо-ответ или письмо-запрос), а также открытые письма – (открытки).

Эпистолярный диалог братьев Чеховых демонстрирует пронзительную близость и родство таких непохожих друг на друга, духовно и литературно одаренных людей.

Именно переписка позволяет проследить, как взаимодействовали в разное время родные братья, какое влияние оказывал на юного Антона Павловича старший брат Александр вначале и как менялись их роли на протяжении жизни, по мере взросления обоих. Сначала Александр Павлович выступает в качестве литературного наставника («В «Безотцовщине» две сцены обработаны гениально, если хочешь, но в целом она непростительная, хотя и невинная ложь<...> Что твоя драма ложь – ты это сам чувствовал, хотя и слабо, и безотчетно» [3, 283]; «Нашла коса на камень» написана превосходным языком и очень характерным для каждого там выведенного лица, но сюжет у тебя очень мелок» [3, 283]; «Познакомься поближе с литературой, иззубри Лермонтова и немецких писателей, Гете, Гейне и Рюккерта, насколько они доступны в переводах, и тогда твори. Впрочем, этот совет не особенно весок, я рекомендую тебе только свою школу, в которой я учился и учусь» [3, 283]; «Анекдоты твои пойдут. Сегодня я отправлю в «Будильник по почте две твои остроты <...> Остальные слабы. Присылай поболее коротеньких и острых. Длинные бесцветны» [3, 280]), затем уже Антон Павлович советует и критикует старшего брата в отношении беллетристических опусов последнего («Считаю приятным долгом сказать несколько лестных слов по адресу твоего последнего субботника. Он очень хорош, хотя и писан с первого лица. Лизавета – настоящая Лизавета, живой человек; язык прелестный, сюжет симпатичный» [3, 544]; «Умудрись прежде всего переменить название рассказа. И сократи, брате, сократи! Начни прямо со второй страницы <...> Сократи больше, чем наполовину» [3, 646]; «Рассказ твой очень хорош, кроме заглавия, которое положительно никуда не годится» [3, 688] и др. Если в начале переписки мы видим покровительство старшего брата по отношению к младшему, то чем дальше, тем явственнее проступает несостоятельность и неуспешность Александра Павловича в семейной жизни, в быту, в литературе. И уже младший брат одалживает старшему денег и одаривает советами, как жить и творить.

Будучи высокозурдированным и чрезвычайно одаренным в литературном плане, Александр Павлович Чехов тем не менее не становится успешным писателем, в отличие от своего младшего брата. Весь свой поэтический запал, легкость и образность языка, юмор, иронию, драматизм и эмоциональную глубину старший брат демонстрирует не в беллетристике, но в своих письмах к Антону Павловичу (недаром, в количественном соотношении писем Александра Павловича больше, чем брата). Из письма Антона Павловича брату: «Твое поздравительное письмо чертовски, анафемски, идолюски художественно. Пойми, что если бы ты писал так рассказы, как пишешь письма, то ты давно бы уже был великим, большущим человеком» [3, 397]; «Твои письма я причисляю к первостатейным произведениям и охраняю их. Описывай» [3, 314]. Старший брат Антона Павловича, словно герой эписто-

лярного романа, предстает перед нами со страниц писем: ранимый, ироничный, фонтанирующий шутками и экспромтами человек, «который хотел» [2, Соч 13].

Интимность писем братьев Чеховых проявляется в характере их переписки: тон их чрезвычайно доверительный и откровенный: это и пронзительное письмо Александра Павловича о смерти дочери Моси и письмо-признание Антона Павловича об открывшемся легочном кровотечении и мн. др.

Темы писем разнообразны и отражают все грани общения братьев Чеховых:

это тема *творчества* в переписке Ал.П. Чехова и А.П. Чехова (особенно выделяются письма-зарисовки, например, из провинциальной жизни Таганрога, блестяще написанные Александром Павловичем): «Живут в маленьком городке крохотные паучки. Живут, копошатся, движутся, женятся и плодятся. Приходит вдруг из Москвы «газета» с карикатурой на них. Паучки узнают в ней себя и брата авторов карикатуры осаждают политическими разговорами, из коих ясно: «Они, мерзавцы, пропечатали. Боимся, как бы и ты не махнул про нас что-нибудь». Не провинция ли, братцы? По поводу этого тетушка Миличка сказала такую глубокомысленную фразу: «Говорять – у вас в Москве – все такое-разное» [3, 304-305] или «Юг, друзья мои, есть нечто вроде ... ну, хоть объяденья. Воздухи благорастворены, настроение граждан мирное, из-за угла пришибательное, провизия дешева, словом – все как следует. Но уже в самом воздухе носится какая-то южная, расслабляющая лень, Мне теперь воочию понятна беготня северян и непроходимая лень хохла» [3, 299]; Антон Чехов брату: «Твой последний рассказ «На маяке» прекрасен и чуден <...> Отдельвай и не выпускай в печать («Новое время»), прежде чем не увидишь, что твои люди живые и что ты не лжешь против действительности» [3, 459] и пр.

деловые отношения и издательские дела братьев (А.П. Чехов брату: «Чехов! Посылаю тебе счет, который ты обязан в ближайшую из суббот, т.е. 31-го января, снести в «Петербургскую газету и получить по оному гонорар» [3, 421]; Александр Павлович брату: «Беру твои книжки под мышку и иду в почтовое отделение отправлять» [3, 466], «Посылаю тебе через Волкова 100 р. За «Сумерки» [3, 551] и пр.

внутрисемейные (Антон Чехов о желании Александра Павловича жениться на Е.М. Линтваревой: «Отлично знаешь, что семья, музыка, ласка и доброе слово даются не женитьбой на первой, хотя бы весьма порядочной, встречной, а любовью. Если нет любви, то зачем говорить о ласке?» [3, 541]);

описания современников Александра и Антона Чеховых (в том числе и многих петербургских литераторов, например, Н.А.Лейкина (русский [писатель](#), [журналист](#) и издатель) – Александр Чехов брату: «На празднике был Лейкин и доказал, что он дурак, Это признано всеми. Вел себя по отношению к общему настроению бестактно: желая сказать спич в честь Максимова, начал с перечня своих достоинств и работ так некстати, что был дернут за фалды фрака и произвел тягостную минуту всеобщего молчаливого замешательства» [3, 559]); или А.С. Суворина ([русский](#) журналист, издатель, писатель, театральный критик и драматург): «Сейчас был у меня Суворин и со свойственной ему нервозностью, с хождением из угла в угол и смотрением через очки стал мне слезно каяться, что он сделал «непростительную и неловкую глупость», которую никогда себе не простит» [3, 546] и др.;

письма в пародийной манере («Дорогой Алтоша! Поздравляю тебя с Днем ангела. Да ниспошлют тебе боги стихийные, органические и неорганические (по химии) всякого блага. Да преуспеваешь ты в служениях музе, медицине, дяденькам Митрофашенькам, тетенькам, тятеньке, маменьке и т.д. и да минует тебя чаша сознания сего преуспевания» [3, 394]; «Его высокородию Господину Врачу Медицинских наук, Доктору Антону Павловичу Чехову, чина не имеющему и на государственной службе не состоящему.

Во исполнение обещания моего, время от времени, подавать Вам вести о себе, данного мною от 3-го марта сего года словесно и без номера, имею честь донести Вашему высокородию следующее» [3, 369] и др.;

шутки (Антон Чехов брату: «Не будь вертикален и пиши почаще» [3, 773], «Ты мнительный человек и из мухи делаешь протодьякона» [3, 467]; «Сходи к своему другу Неупокоеву и скажи ему, чтобы он успокоился» [3, 772]; «Вид моих сараев весьма наивен» [3, 6169]; Александр Чехов брату: «Будь самыми новейшими штанами парижского фасона» [3, 665]; «Юбилей «Нового времени» встретили и провели отчетливо» [3, 709]; «Поздравляю тебя, душенька, с днем твоего тезоименитства, дарю тебе пуговицу от подштанник» [3, 762]; «высокочтимый Ялтинский братец. Получил, наконец, твое письмо и, вероятно от радости, третьи сутки страдаю метеоризмом и поносом» [3, 789] и др.;

письма на иностранных языках (А.П. Чехов брату: «Mein Lieber Herr! Ich war gestern in Hause Alferakis auf einen Konzert? Mal nah dort deine Marie Feist und ihre Schwester Luise и пр.» [3, 262]; Ал.П. Чехов брату: «Filius redactors «N.W.» studiosus, secundus natu, ezit ad patres sua voluntante> revolverans cordem и пр.» [3, 443] и др.;

письма-описания быта семьи Чеховых, характеров отца, матери, братьев (Антон Чехов о брате Михаиле: «Мишка открыл в себе еще один талант: превосходно рисует на фарфоре» [3, 436], о брате Николае «Николка никогда никому не пишет. Это особенность его косоного организма» [3, 322], об отце «Чего ты хочешь от отца? Враг он курения табаку и незаконного сожительства - ты хочешь сделать его другим? <...> Он такой же кремень, как раскольники, ничем не хуже, и не сдвинешь его с места. Это, пожалуй, его сила» [3, 334]; Александр Чехов: «Николая никогда нет дома. Жаль беднягу. Маменька заботится только о том, чтобы накормить его да чтобы он слушал, как она плачет, а чтобы сделать ему жизнь поудобнее, поноснее, она не думает» [3, 272]; «Иван просто свирепствует <...> И ехида же он, братец ты мой! Ей-богу, такого орахаря я никогда не встречал. Беда, да и только! Всюду норовит быть первым, съест кусок получше и побольше, занять место повиднее. С матерью вечно воюет» [3, 280] и др.;

духовная жизнь братьев Чеховых (Александр Чехов брату: «Я особенным благополучием похвастать не могу, а временами даже бывают моменты, что и на мир Божий смотрю угрюмо» [3, 713]; Антон Чехов брату: «Смертного часа нам не миновать, жить еще придется недолго, а потому я не придаю серьезного значения ни своей литературе, ни своему имени, ни своим литературным ошибкам» [3, 547]; Александр Чехов брату: «Что ты работать не в состоянии – этому я верю. Тебе жить надо, а не работать. Ты заработался» [3, 464] и др.

Язык, которым написаны письма - речевые оттиски личностей Антона Павловича и Александра Павловича – полон игры, шуток, пародий, любви и нежности. Особый, кодированный язык был сформирован в детстве и юности обоих братьев, лишь им понятны шуточные обращения и самоподписи, простительны ругательства, допустимы упреки и критика. Все это формирует особый личный тон их дружеской переписки, придает индивидуальность и остроту, демонстрирует великолепный слог, прекрасное владение родным и иностранными языками.

Дружба длиною в жизнь помогала переносить братьям провалы и неудачи, получать поддержку, находить в собеседнике умного критика, понимающего друга, родственную душу.

Эти письма – бесценный материал для исследования чеховского окружения, семьи и творчества. И если воспоминания Александра Павловича о детстве и юности Антона Чехова, возможно, грешат субъективностью и предвзятостью, то тексты писем открывают истинную картину внутрисемейных отношений, обрисовывают правдивые портреты близких людей и события жизни братьев Чеховых.

Каталог переписки Антона и Александра Чеховых

Время написания письма	Место написания	Кому	Ссылка на источник	Примечание
<i>1875 год</i>				
июль	г. Таганрог	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.13	
25 или 26 августа	г. Таганрог	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.476	несохр.
начало сентября (?)	г. Таганрог	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.476	несохр.
11 или 12 сентября	г. Таганрог	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.476	несохр.
середина сентября	г. Таганрог	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.477	несохр.
около 20 сентября	г. Таганрог	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.477	несохр.
23 сентября	г. Таганрог	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.477	несохр.
конец сентября	г. Таганрог	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.477	несохр.
4 октября	г. Москва	Ал.П.-А.П.	Письма, с.31-32	
начало октября	г. Таганрог	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.477	несохр.

<i>1876 год</i>				
9 марта	г. Таганрог	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.14	
март-апрель (?)	г. Таганрог	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.478	несохр.
март-июнь	г. Москва	Ал.П.-А.П.	Письма, С.32-33	
27 сентября	г. Москва	Ал.П.-А.П.	Письма, С.33-35	
17 декабря	г. Москва	Ал.П.-А.П.	Письма, С.36.	
31 декабря	г. Таганрог	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.482	несохр.
<i>1877 год</i>				
4 февраля	г. Калуга	Ал.П.-А.П.	Письма, С.36.	
27 февраля	г. Москва	Ал.П.-А.П.	Письма, С.36-39.	
февраль-март	г. Таганрог	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.483.	несохр.
1-я половина марта	г. Москва	Ал.П.-А.П.	Письма, с.39-41.	
середина июня	г. Таганрог	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.484	несохр.
23 июня	Кромы, с.Жизлово	Ал.П.-А.П.	Письма, с.41-43.	
30 августа	г. Таганрог	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.486	несохр.
10 сентября	г. Москва	Ал.П.-А.П.	Письма, с.43-45.	
1 октября	г. Москва	Ал.П.-А.П.	Письма, с.45-47.	
23 ноября	г. Москва	Ал.П.-А.П.	Письма, с.47-48.	
<i>1878 год</i>				
1-я половина марта	г. Таганрог	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.489.	несохр.
17 марта	г. Москва	Ал.П.-А.П.	Письма, с.48-50.	
14 октября	г. Москва	Ал.П.-А.П.	Письма, с.50-51.	
17 ноября	г. Москва	Ал.П.-А.П.	Письма, с.52.	
<i>1879 год</i>				
середина февраля	г. Таганрог	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.492.	несохр.
25 февраля	г. Москва	Ал.П.-А.П.	Письма, с.52-54.	
<i>1880 год</i>				
конец июля (?)	г. Котломино	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.496.	несохр.
1 августа	г. Москва	Ал.П.-А.П.	Письма, с.54-55.	
<i>1881 год</i>				
март, не ранее 6	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.38.	
13 июля	с. Жизлово	Ал.П.-А.П.	Письма, с.55-57.	
середина июля	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.499.	несохр.
23 июля	с. Жизлово	Ал.П.-А.П.	Письма, с.57-59.	
кц июля- первые числа авг	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.499.	несохр.
7 августа	с. Жизлово	Ал.П.-А.П.	Письма, с.59-60.	
16 августа	с. Жизлово	Ал.П.-А.П.	Письма, с.60.	
25 сентября	с. Жизлово	Ал.П.-А.П.	Письма, с.60-61.	
<i>1882 год</i>				
17 января	г. Москва	Ал.П.-А.П.	Письма, с.61.	
31 июля - 02 августа	г. Таганрог	Ал.П.-А.П.	Письма, с.61-70.	
1(?) августа	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.501.	несохр.
3-6 августа	г. Таганрог	Ал.П.-А.П.	Письма, с.70-77.	
24 сентября	г. Тула	Ал.П.-А.П.	Письма, с.77-79.	
8 ноября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.41-43.	
12 ноября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.44.	
23 ноября	г. Таганрог	Ал.П.-А.П.	Письма, с.79-82.	
кц ноября или начало дек	г. Таганрог	Ал.П.-А.П.	Письма, с.82-83.	
17 декабря	г. Таганрог	Ал.П.-А.П.	Письма, с.83-84.	
конец декабря	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.503.	несохр.
25 дек и 1- 2 января 1883	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.45-46.	
<i>1883 год</i>				

4 января - 5 января	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.47.	
25 января	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.49.	
1 февраля	г. Таганрог	Ал.П.-А.П.	Письма, с.85-86.	
между 3 и 6 февраля	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.51-52.	
20 февраля	г. Таганрог	Ал.П.-А.П.	Письма, с.86-90.	
20-е числа февраля	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.53-59.	
17 или 18 апреля	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.62-66.	
13 мая	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.68-72.	
5 октября	г. Таганрог	Ал.П.-А.П.	Письма, с.90-91.	
между 15 и 28 октября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.87-89.	
около 20 октября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.89.	
20-е числа октября	г. Таганрог	Ал.П.-А.П.	Письма, с.91-93.	
конец октября	г. Таганрог	Ал.П.-А.П.	Письма, с.94.	
<i>1884 год</i>				
5 января	г. Таганрог	Ал.П.-А.П.	Письма, с.94-95.	
середина января	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.510.	несохр.
20 января	г. Таганрог	Ал.П.-А.П.	Письма, с.95-97.	
20-е числа января	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.510.	несохр. телеграм- ма
29 января	г. Таганрог	Ал.П.-А.П.	Письма, с.97-99.	
31 января	г. Таганрог	Ал.П.-А.П.	Письма, с.99-100.	
1 февраля	г. Таганрог	Ал.П.-А.П.	Письма, с.100-101.	
25 июня	г. Москва	Ал.П.-А.П.	Письма, с.101-102.	
26 июня	г. Москва	Ал.П.-А.П.	Письма, с.102-103.	
3 июля	г. Москва	Ал.П.-А.П.	Письма, с.103-104.	
между 4 и 15 июля	г. Москва	Ал.П.-А.П.	Письма, с.104.	
середина июля	г. Звенигород	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.119.	
17-18 июля	г. Москва	Ал.П.-А.П.	Письма, с.105-108.	
22-23 июля	г. Москва	Ал.П.-А.П.	Письма, с.108-109.	
<i>1885 год</i>				
январь	г. Москва	Ал.П.-А.П.	Письма, с.109.	
3 марта	г. Москва	Ал.П.-А.П.	Письма, с.110.	
10 марта	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.110-111.	
21 марта	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.112-115.	
24 марта	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.115-118.	
5 мая	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.118-120.	
между 13 и 20 мая	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.120-121.	
первая половина мая	г. Бабкино	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.513.	несохр.
28 июня	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.121-122.	
15 сентября	г. Новороссийск	Ал.П.-А.П.	Письма, с.122-123.	
1-я половина ноября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.516.	несохр.
21 ноября	г. Новороссийск	Ал.П.-А.П.	Письма, с.123-127.	
<i>1886 год</i>				
4 января	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.176-178.	
7 января г. Новороссийск	г. Новороссийск	г. Новороссийск	Письма, с.128-129.	
10 января	г. Новороссийск	Ал.П.-А.П.	Письма, с.129-131.	
17 января	г. Новороссийск	Ал.П.-А.П.	Письма, с.131-133.	
3 февраля	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП т.1. С.192-194.	
2 марта	г. Новороссийск	Ал.П.-А.П.	Письма, с.133-134.	
3-5 марта	г. Новороссийск	Ал.П.-А.П.	Письма, с.134-135.	
март	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.519.	несохр.
1 апреля	г. Новороссийск	Ал.П.-А.П.	Письма, с.136.	
6 апреля	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.229-232.	

18 апреля	г. Новороссийск	Ал.П.-А.П.	Письма, с.136.	
25 апреля	г. Новороссийск	Ал.П.-А.П.	Письма, с.136-137.	
10 мая	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.241-243.	
21 мая	г. Новороссийск	Ал.П.-А.П.	Письма, с.137-138.	
10 июля	г. Москва	Ал.П.-А.П.	Письма, с.138-139.	
10 сентября	г. Москва	Ал.П.-А.П.	Письма, с.139.	
17 или 18 ноября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.274.	
26 декабря	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.139-141.	
между 27 и 30 декабря	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.283.	
<i>1887 год</i>				
1 января	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.141-144.	
8 января	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.7-8.	
14 января - 16 января	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.144-146.	
17 января	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.14-15.	
18 января	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.147.	открытка
26 января	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.21-23.	
28 января	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.23.	
29 января	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.147-150.	
30 января	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.23.	
30 января	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.150-152.	
31 января	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.23-24.	
2 февраля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.152.	открытка
начало февраля	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.25.	
3 или 4 февраля	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.25-26.	
5 февраля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.152-155.	
6 февраля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.155.	открытка
19 или 20 февраля	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.32.	
21 февраля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.155-156.	открытка
22 или 23 февраля	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.33-34.	
28 февраля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.156-158.	
19 марта	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.44-45.	
25 марта	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.49.	
27 марта	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.50.	
29 марта - 30 марта	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.158-159.	
конец марта	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.518.	несохр.
20 апреля	по пути в Новочеркасск	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.71.	
29 апреля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.159-160.	
2 мая	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.160.	открытка
17 мая	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.85.	
20 мая	г. Бабкино	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.86-87.	
25 мая	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.160-162.	
между 26 мая и 3 июня	г. Бабкино	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.89-90.	
5 июня	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.162-165.	
12 июня	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.165.	
14 июня	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.165-166.	
16 июня	г. Бабкино	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.95-96.	
19 июня	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.166-167.	
21 июня	г. Бабкино	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.96-97.	
26 июня	г. Бабкино	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.99-100.	
30 июня	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.167-168.	открытка
между 8 и 12 июля	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.102.	
14 июля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.168-169.	открытка

вторая половина июля 1887	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.169.	
конец июля	г. Бабкино	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.103.	
начало августа	г. Бабкино	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.104-105.	
между 1 и 6 августа 1887	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.169.	
12 августа	г. Бабкино	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.109.	
3 сентября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.114.	
3 или 4 сентября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.520.	несохр.
5 сентября - 6 сентября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.169-174.	
7 или 8 сентября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.115-116.	
середина сентября	г. Таганрог	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.487	несохр.
25 сентября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.120-121.	
1 октября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.174-175.	
4 октября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.176.	
5 октября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.176-177.	
6 или 7 октября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.125-126.	
9 октября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.177-179.	
10, 11 или 12 октября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.127-129.	
13 октября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.179-180.	открытка
15 октября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.180.	открытка
18 октября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.180-181.	
21 октября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.134-136.	
21 октября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.136.	
22 октября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.181-184.	
23 октября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.184-185.	
24 октября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.137-138.	
26 октября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.185-186.	
27 октября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.186-187.	
29 октября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.140-141.	
29 октября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.141.	
30 октября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.187-188.	
10 ноября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.147.	
11 ноября - 12 ноября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.188-190.	
около 20 ноября 1887	г. Таганрог	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.1. С.487	несохр.
20 ноября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.150-152.	
24 ноября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.153-155.	
22 декабря	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.190-191.	
25 декабря	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.162-163.	
27 декабря	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.164.	
<i>1888 год</i>				
8 января	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.191-192.	
10 или 11 января	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.172.	
12 января	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.192-193.	
16 января	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.193-194.	
29 января	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.184.	
14 февраля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.194-195.	
15 февраля	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.202-203.	
18 февраля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.196-197.	
4 марта	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.197-199.	
24 марта	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.216-217.	
29 марта	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.199-200.	
4 апреля	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.233.	
4 апреля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.200.	
5 апреля	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.235-236.	

5 апреля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.200-201.	
7 апреля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.201-202.	
10 апреля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.202-203.	
11 или 12 апреля	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.241.	
16 апреля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.203-205.	
17 апреля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.205-206.	
18 апреля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.206.	открытка
между 18 и 24 апреля	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.250.	
25 апреля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.206-207.	
апрель, после 26	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.258-259.	
4 мая	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.204.	
5 мая	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.207.	
май, после 6	г. Сумы	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.265.	
20 мая	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.207-208.	
22 мая	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.208-210.	
27 мая	г. Сумы	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.275-276.	
28 мая	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.210.	
10 июня	г. Сумы	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.283-284.	
20 июня	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.210-211.	
17 июля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.211.	
24 июля	пароход "Юнона"	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.300-301.	
16 августа	г. Сумы	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.314.	
18 августа	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.211-215.	
28 августа	г. Сумы	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.317-320.	
10 сентября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.215-217.	
11 сентября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.328-329.	
24 сентября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.2. С.334-335.	
1 октября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.217-218.	
13 октября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.3. С.26-27.	
14 октября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.218-219.	
24 октября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.219.	открытка
6 ноября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.3. С.58.	
6 или 7 ноября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.3. С.59.	
7 ноября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.220-221.	
8 ноября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.221-223.	
16 ноября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.3. С.71-73.	
18 ноября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.3. С.75-76.	
22 ноября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.223-224.	
23 ноября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.3. С.77.	
1889 год				
2 января	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.3. С.120-123.	
21 февраля	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.3. С.163-164.	
24 февраля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.224-225.	
25 февраля	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.3. С.165-166.	
27 февраля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.225-226.	
27 февраля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.226-227.	
28 февраля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.227.	
2 марта	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.3. С.166-167.	
3 марта	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.227.	открытка
15 марта	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.228.	
2-я половина марта	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.228.	
9 апреля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.229.	
11 апреля	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.3. С.188-189.	
26 апреля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.230-231.	
2 мая	г. Сумы	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.3. С.200-201.	
5 мая	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.231-232.	

8 мая	г. Сумы	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.3. С.209-211.	
18 или 19 июня	г. Сумы	Ал.П.-А.П.	Письма, с.232.	
13 августа	г. Сумы	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.3. С.237.	
9 сентября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.3. С.246-247.	
21 сентября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.233.	
12 или 13 октября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.3. С.260.	
15 октября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.233-234.	
<i>1890 год</i>				
24 января	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.234.	
25 февраля	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.4. С.25-26.	
4 апреля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.234-235.	
6 апреля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.235.	
1 июня	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.235-236.	
5 июня	г. Иркутск	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.4. С.105-106.	
16 октября	г. Владивосток	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.4. С.564.	несохр.
13 декабря	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.236-237.	
27 декабря	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.4. С.152-153.	
30 декабря	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.237-238.	
<i>1891 год</i>				
3 января	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.238-239.	
21 февраля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.239.	
между 4 и 15 мая	г. Алексин	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.4. С.230.	
22 мая	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.239.	
7 июня	г. Парголово	Ал.П.-А.П.	Письма, с.239-241.	
24 или 25 июля	г. Богимово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.4. С.252-253.	
27 июля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.242-243.	
6 августа	г. Богимово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.4. С.258-259.	
10 августа	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.243-245.	
16 августа	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.245-246.	
2 сентября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.246-248.	
7 сентября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.4. С.269.	
28 сентября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.248.	
23 октября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.248-249.	
28 октября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.249-250.	
начало декабря 1891 (?)	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.4. С.578.	несохр.
2 декабря	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.250.	
3 декабря	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.250-252.	
10 декабря	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.252-253.	
10-12(?) декабря	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.4. С.580.	несохр.
13 декабря	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.253-254.	
24 декабря	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.254.	
<i>1892 год</i>				
11 января	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.254-255.	
17 января	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.255.	
18 января	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.255-256.	
23 февраля	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.4. С.364-365.	
25 февраля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.256-257.	
28 февраля	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.4. С.368.	
21 марта	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.5. С.29-31.	
4 апреля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.257-258.	
14 апреля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.258-260.	
15 мая	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.260.	
9 июня	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.5. С.76-77.	
11 июня	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.5. С.77.	
19 июня	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.260.	

29 сентября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.260-261.	
21 октября	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.5. С.120-121.	
27 октября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.261-263	
<i>1893 год</i>				
14 января	г. Петербург	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.5. С.153.	отрывок
17 января	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.263.	
1 февраля	г. Петербург	А.П.-Ал.П.	Письма, с.264.	
2 февраля	г. Петербург	А.П.-Ал.П.	Письма, с.264-265.	
6 февраля	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.5. С.165-166.	
26 февраля	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.5. С.175.	
1 марта	г. Петербург	А.П.-Ал.П.	Письма, с.266-267.	
10 марта	г. Петербург	А.П.-Ал.П.	Письма, с.267-268.	
12 марта	г. Петербург	А.П.-Ал.П.	Письма, с.268-270.	
16 марта	г. Мелихово	Ал.П.-А.П.	ПССП, т.5. С.188-190.	
20 марта	г. Петербург	А.П.-Ал.П.	Письма, с.270-272.	
31 марта	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.272-273.	
4 апреля	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.5. С.197-198.	
между 5 и 13 апреля	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.5. С.199.	
15 апреля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.273-276.	
26 апреля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.276-277.	
30 апреля	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.5. С.206-207.	
3 мая	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.277-278.	
4 мая	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.279.	
12 мая	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.5. С.208-209.	
14 мая - 15 мая	г. Обухово	Ал.П.-А.П.	Письма, с.279-282.	
июнь (до 15 числа)	Лопасня	Ал.П.-А.П.	Письма, с.282-283.	
28 июля	г. Обухово	Ал.П.-А.П.	Письма, с.283-286.	
4 сентября	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.5. С.233.	
17 сентября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.286-287.	
28 сентября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.287-288.	
28 сентября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.288.	
14 октября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.288-289.	
21 октября	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.5. С.237-238.	
24 октября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.289-291.	
29 октября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.5. С.240-241.	
2 ноября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.291-292.	
11 ноября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.292-294.	
16 ноября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.294.	
22 ноября	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.5. С.248-249.	
28 ноября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.5. С.251.	
30 ноября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.294-295.	
<i>1894 год</i>				
2 января	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.5. С.259.	
9 февраля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.295-296.	
8 марта	г. Ялта	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.5. С.277.	
15 апреля	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.5. С.291-292.	
18 апреля	Саблино	Ал.П.-А.П.	Письма, с.296-298.	
22 апреля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.298.	
24 апреля	Саблино	Ал.П.-А.П.	Письма, с.298-300.	
16 мая	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.300.	
21 мая	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.5. С.299.	
конец августа (?)	г. Таганрог	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.5. С.613.	несохр.
12 сентября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.301.	
18 сентября	г. Вена	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.5. С.614.	несохр.
23 сентября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.301-302.	
3 декабря	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.302-303.	

21 декабря	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.303.	открытка
30 декабря	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.5. С.349-350.	
<i>1895 год</i>				
2 января - 3 января	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.303-306.	
8 января	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.306-307.	
19 января	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.6. С.16-17.	
22 января	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.307-308.	
6 февраля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.308-309.	
27 и 29 марта	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.6. С.42-43.	
1 апреля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.309-310.	
25 апреля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.311-312.	
29 апреля	скорый поезд Николаевской ж/д, 1 класс	Ал.П.-А.П.	Письма, с.312.	открытка
5 или 6 (?) июля	г. Троица	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.6. С.668.	несохр.
17 июля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.312-313.	
начало августа	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.6. С.669.	несохр.
9 августа	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.313.	
11 августа	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.6. С.68-69.	
24 августа	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.314.	
3 сентября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.314-315.	
19 сентября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.315-316.	
22 или 23 сентября	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.6. с.77-78.	
19 октября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.316-317.	
5 ноября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.317-320.	
12 ноября	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.6. С.95-97.	
<i>1896 год</i>				
17 января	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.320-321.	
2 февраля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.321.	
2 марта	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.321-322.	
8 марта	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.6. С.127-128.	
8 апреля	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.6. С.138.	
10 апреля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.322-323.	
18 апреля	г. Киев	Ал.П.-А.П.	Письма, с.323.	
26 июля	Удельная	Ал.П.-А.П.	Письма, с.324-325.	
29 июля	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.6. С.167.	
21 сентября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.325.	
23 сентября	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.6. С.182-183.	
23 октября	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.6. С.204.	
4 ноября	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.6. С.213-214.	
11 ноября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.325-326.	
14 ноября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.326-327.	
16 ноября	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.6. С.226-227.	
между 18 и 21 ноября	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.6. С.228-229.	
ноябрь (?)	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.6. С.688.	несохр.
23 ноября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.327.	
2 декабря	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.327-328.	
31 декабря	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.328.	
<i>1897 год</i>				
3 января	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.6. С.262.	
16 января	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.328-329.	
20 января	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.6. С.275-276.	
1 февраля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.329-330.	
24 февраля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.330-331.	
конец февраля	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.6. С.296-297.	
27 февраля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.331.	

1 марта	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.331-334.	
2 марта	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.6. С.299.	
4 марта	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.334-335.	
11 марта	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.6. С.303-304.	
20 марта	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.335.	
31 марта	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.335-336.	
2 апреля	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.6. С.323.	
12 апреля	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.6. С.329.	
15 апреля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.336-337.	
16 апреля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.337-338.	
20 апреля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.338.	
22 или 23 апреля	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.6. С.337.	
29 или 30 апреля	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.6. С.344-345.	
17 мая	Удельная	Ал.П.-А.П.	Письма, с.339-340.	
20 мая	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.6. С.360-361.	
26 мая	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.6. С.366.	
28 мая	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.6. С.368.	
31 мая	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.341.	
31 мая	Удельная	Ал.П.-А.П.	Письма, с.342.	открытка
27 июля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.342.	
29 июля	поезд Москва- Лопасня	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.7. С.29.	
29 июля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.342.	
5 августа - 6 августа	поч.поезд,приб.в Москвуб-го	Ал.П.-А.П.	Письма, с.342-343.	
30 августа	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.7. С.43-44.	
22 сентября (4 октября)	г. Биарриц	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.7. С.56.	
27 сентября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.343-344.	
3 (15) октября	г. Ницца	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.7. С.64-65.	
7 (19) октября	г. Ницца	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.7. С.70-71.	
11 октября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.345-346.	
11 октября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.346.	
14 октября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.346-347.	
23 октября (4 ноября)	г. Ницца	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.7. С.80-81.	
28 октября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.347.	
21 ноября (3 декабря)	г. Ницца	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.7. С.103.	
12 (24) декабря	г. Ницца	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.7. С.119.	
17 (29) декабря	г. Ницца	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.7. С.126.	
18 декабря	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.347-348.	
28 декабря (9 января 1898)	г. Ницца	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.7. С.137.	
30 декабря	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.348-349.	
<i>1898 год</i>				
1 января	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.349-350.	
4 (16) января	г. Ницца	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.7. С.144.	
8 января - 9 января	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.350-352.	
12 января	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.352-353.	
14 января	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.353-354.	
27 января	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.355-356.	
между 9(21) и 12(24) фев (?)	г. Ницца	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.7. С.722.	несохр.
13 февраля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.356-357.	
16 февраля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.357.	
20 февраля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.357-358.	
23 февраля (7 марта)	г. Ницца	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.7. С.174-175.	

1 марта	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.358.	
14 марта	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.359.	
26 или 27 апр (8 или 9 мая)	г. Париж	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.7. С.208.	
28 апреля (10 мая)	г. Париж	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.7. С.209.	
май - начало июня	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.7. С.727.	несохр.
3 июня	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.360.	
1-я половина июня	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.360.	
9 июня	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.7. С.222.	
12 июня	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.7. С.728.	несохр.
26 июня	усадьба Пирос, ст. Валдайка	Ал.П.-А.П.	Письма, с.360-361.	
16 июля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.361-362.	открытка
24 июля	Пирос	Ал.П.-А.П.	Письма, с.362.	
30 июля	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.7. С.246-247.	
2 августа	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.362-363.	
14 августа	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.7. С.254.	
16 августа	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.363.	открытка
8 сентября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.363.	
20-е числа сентября	г. Ялта	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.7. С.736.	несохр.
27 сентября - 28 сен	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.364-365.	
3 октября - 4 октября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.365-367.	
7 октября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.367-368.	
3 ноября - 4 ноября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.368-369.	
9 ноября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.370-371.	
16 ноября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.371.	
24 ноября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.371-373..	
28 ноября	г. Ялта	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.7. С.342-343.	
6 декабря	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.373-374.	
9 декабря	г. Ялта	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.7. С.361.	
21 декабря	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.374-375.	
26 декабря	г. Ялта	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.7. С.747.	несохр.
31 декабря	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.375-376.	
<i>1899 год</i>				
16 января	г. Ялта	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.8. С.23.	
16 января	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.376-377.	
20 января	г. Ялта	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.8. С.36.	
23 января	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.377-379.	
27 января	г. Ялта	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.8. С.55-56.	
3 февраля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.379-380.	
5 февраля	г. Ялта	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.8. С.76-77.	
11 февраля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.380-381.	
16 февраля	г. Ялта	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.8. С.93-94.	
16 февраля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.381-382.	
16 февраля - 17 фев	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.382.	
20 февраля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.382-383.	
21 февраля	г. Ялта	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.8. С.98-99.	
26 февраля	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.383-386.	
4 марта	г. Ялта	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.8. С.114-115.	
4 марта - 5 марта	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.386-387.	
16 марта - 17 марта	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.388-390.	
24 марта	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.390-391.	
30 марта	г. Ялта	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.8. С.141.	
7 мая	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.391-393.	
11 мая	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.8. С.172-173.	
14 мая	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.393-395.	

16 мая	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.395-396.	
23 мая	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.396.	открытка
28 мая	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.396.	открытка
2 июня	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.397.	открытка
4 или 5 июня	г. Мелихово	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.8. С.197-198.	
7 июня	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с. 397-398.	
11 октября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.398.	
21 октября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.398-399.	
26 октября	г. Ялта	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.8. С.290.	
3 ноября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.399-400.	
18 ноября	г. Петербург	Ал.П.-А.П.	Письма, с.401.	
<i>1900 год</i>				
24 января	г. Ялта	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.9. С.545.	несохр.
25 января	г. Ялта	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.9. С.27-28.	
17 марта	г. Ялта	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.9. С.73-74.	
20 мая	г. Ялта	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.9. С.238.	
<i>1901 год</i>				
5 (18) января	г. Ницца	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.9. С.175.	
21 июня	г. Аксеново	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.10. С.47.	
9 июля	г. Ялта	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.10. С.51-52.	
2-я половина сентября	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.10. С.88.	
<i>1902 год</i>				
17 января	Удельная	Ал.П.-А.П.	Письма, с.401-403.	
10 апреля	г. Ялта	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.10. С.225.	
17 апреля	Удельная	Ал.П.-А.П.	Письма, с.403-405.	
8 ноября	Удельная	Ал.П.-А.П.	Письма, с.405.	
<i>1903 год</i>				
15 августа	г. Ялта	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.11. С.240-241.	
21 августа	г. Москва	Ал.П.-А.П.	Письма, с.405-406.	
22 августа	Удельная	Ал.П.-А.П.	Письма, с.406-410.	
20 ноября	г. Ялта	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.11. С.310.	
25 ноября	г. Удельная	Ал.П.-А.П.	Письма, с.410-413.	
8 декабря	г. Москва	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.11. С.319-320.	
<i>1904 год</i>				
5 апреля	Удельная	Ал.П.-А.П.	Письма, с.405-406.	
9 апреля	г. Ялта	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.11. С.	
14 апреля	Удельная	Ал.П.-А.П.	Письма, с.406-410.	
19 апреля	г. Ялта	А.П.-Ал.П.	ПССП, т.11. С.	

Библиографический список

1. Письма А.П. Чехову его брата Александра Чехова// Подготовка текста, вст.ст. и коммент. И.С. Ежова. М., Соцэкгиз,1939.
2. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти тт. Письма в 12-ти тт. М.: Наука, 1974-83 гг.
3. Александр и Антон Чеховы. Воспоминания, переписка. Москва: Захаров, 2012. 960 с.

References

1. Letters to A. p. Chekhov of his brother Alexander Chekhov/ / Preparation of the text, VST.article and comment. I. S. Ezhova. M., Sotsekiz, 1939.
2. Chekhov A. p. Complete collection of works and letters in 30 тт. Letters in 12 тт. M.: Nauka, 1974-83.
3. Alexander and Anton Chekhov. Memories, correspondence. Moscow: Zakharov, 2012. 960 p.

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО ON THE 200-TH ANNIVERSARY OF F.M. DOSTOEVSKY

УДК 811.161.1
10.36622/AQMPJ.2021.29.92.001

*Липецкий государственный
педагогический университет им.
П.П. Семенова-Тян-Шанского
Канд. филол. наук,
доцент кафедры русского
языка и литературы Института
филологии
Кондратьев А.С.
Россия, г. Липецк,
тел. +7(905)682-79-82
e-mail: sir.kondratiev2016@yandex.ru*

*Lipetsk State Pedagogical University
Candidate of Philology,
PhD, Associate Professor
of Russian language and Literature of the Institute
of Philology
Kondratyev A.S.
Russia, Lipetsk,
tel. +7(905)682-79-82
e-mail: sir.kondratiev2016@yandex.ru*

*Студент 3 курса Института
филологии,
Меринов К.А.
Россия, г. Липецк,
тел. +7(904)688-35-01
e-mail: klikovic123@gmail.com*

*3rd year student of the Institute
philology
Merinov K.A.
Russia, Lipetsk,
tel. +7(904)688-35-01
e-mail: klikovic123@gmail.com*

А.С. Кондратьев, К.А. Меринов

ИВАН ХЛЕСТАКОВ, ИВАН КАРАМАЗОВ И ИВАН БЕЗДОМНЫЙ: ДУХОВНЫЙ ОПЫТ И ХРИСТИАНСКАЯ АКСИОЛОГИЯ

В контексте христианской аксиологии Гоголь, Достоевский и Булгаков отслеживают духовное становление своих героев – Ивана Хлестакова, Ивана Карамазова и Ивана Бездомного, ровесников и сочинителей, прошедших через испытания сатанинскими искушениями и свернувших с предначертанного им смысловым полем апостольского имени пути. Гоголь являет Хлестаковым нарождающийся новый психологический тип личности, способный сокрушить, пока что в планах и грезах, жизненные устои, а посему автор и отпускает его странствовать по Святой Руси после неожиданной ревизии, проведенной в уездном городке. Достоевский, продолжая заявленную Гоголем тему деформации безверием аксиологических доминант человеческой природы, вскрывает в духовном опыте Ивана Карамазова трагический итог переосмысления иерархии Закона и Благодати, ознаменовавшийся едва ли преодолемым помрачением ума. Иван Бездомный, преуспевший более Хлестакова и Карамазова на сочинительском поприще и вышедший на уровень столичной знаменитости, тогда как герои Гоголя и Достоевского обретались и позиционировали себя в уездных городках, после встречи с нечистой силой уясняет, что в мире властвует не только человек и выходит из плена своих заблуждений, признавая благодатное и спасительное влияние Святого Духа. Обращение писателей к коллизиям духовного опыта своих героев расширяет представления о незыблемости устоев мира Божьего и духовных первооснов человеческой природы.

Ключевые слова: Достоевский, Толстой, Булгаков, «Братья Карамазовы», «Мастер и Маргарита», «Ревизор», христианская аксиология, духовная традиция.

A. S. Kondratiev, K. A. Merinov

IVAN KHESTAKOV, IVAN KARAMAZOV AND IVAN HOMELESS: SPIRITUAL EXPERIENCE AND CHRISTIAN AXIOLOGY

In the context of Christian axiology, Gogol, Dostoevsky and Bulgakov trace the spiritual formation of their heroes, Ivan Khlestakov, Ivan Karamazov and Ivan Bezdomny, peers and writers who have passed through the trials of satanic temptations and turned away from the path of the apostolic name that was destined for them by the semantic field of the apostolic name. Gogol shows Khlestakov a nascent new psychological type of personality that can crush, so far in plans and dreams, the foundations of life, and therefore the author lets him wander around Holy Russia after an unexpected revision carried out in a county town. Dostoevsky, continuing Gogol's theme of the deformation of the axiological dominants of human nature by lack of faith, reveals in the spiritual experience of Ivan Karamazov the tragic result of rethinking the hierarchy of Law and Grace, marked by an almost insurmountable confusion of the mind. Ivan Bezdomny, who succeeded more than Khlestakov and Karamazov in the field of writing and reached the level of a metropolitan celebrity, while the heroes of Gogol and Dostoevsky were found and positioned themselves in county towns, after meeting with evil spirits, realizes that not only man rules in the world, and comes out of the captivity of his delusions, recognizing the gracious and saving influence of the Holy Spirit. The writers' appeal to the collisions of the spiritual experience of their heroes expands the ideas about the inviolability of the foundations of the world of God and the spiritual foundations of human nature.

Keywords: Dostoevsky, Tolstoy, Bulgakov, "The Brothers Karamazov", "The Master and Margarita", "The Inspector", Christian axiology, spiritual tradition.

Погружаясь в тему редактирования человеческого нарратива, Гоголь выражает тревогу по поводу углубляющейся под влиянием антихристианской аксиологии деформации духовных доминант культурной традиции православного самосознания: «Много развеивается холодного, безнравственного по белу свету. Много порывается всяких пропаганд, грызущих, по-видимому, как мыши, его твердые основы. Но как вспомнишь, что над нами всеми Бог <...> так станет вдруг ничтожно и низко все то, чем мы смущаемся!» [1, т. 9, с. 493-494] Прозревший в грядущем расчеловечивающие испытания русской души, Гоголь в предсмертных записках молил: «Помилуй меня, грешного, Господи. Свяжи вновь сатану таинственной силою неисповедимого Креста» [1, т. 6, с. 392], что и дало основание богослову и филологу И.М. Андрееву подвести итоги своих наблюдений над творческими исканиями писателя: «<...> полагал, что мы уже живем в апокалиптические времена» [2, с. 249].

Достоевский, вошедший в литературу как «новый Гоголь», отрекомендованный Н.А. Некрасовым для представления В.Г. Белинскому, последовательно отслеживает изощренные планы нигилистов по стяжанию общего блага, начиная с «Двойника», когда Голядкин спросонья воспротивился надвигающейся угрозе *обезличенности*: «Не будет же этого!» [3, т. 1, с. 18], а Разумихин в «Преступлении и наказании» вскрывает тайные смыслы навеянных падшими ангелами сочинений: «<...> социальная система, выйдя из какой-нибудь математической головы <...> устроит все человечество и в один миг сделает его праведным и безгрешным» [3, т. 6, с. 197], так что, в понимании Коли Красоткина, «религия и все законы как кому угодно» [3, т. 15, с. 473]. К.А. Трутовский вспоминал, как Достоевский, еще служащий Инженерного департамента, говорил с ним о произведениях Гоголя: «<...> просто открывал мне глаза и объяснял глубину и значение» [5, с. 173]. Достоевский в статье «"Свисток" и "Русский вестник"», оспаривая суждения М.Н. Каткова о художественной несостоятельности отечественной литературы, вводит Гоголя в контекст «большого времени»: «<...> вовсе уж не такая мизерная <...> совсем не скудная: у нас Пушкин, у нас Гоголь» [2, т. 19, с. 120].

Булгаков, как преемник своего учителя Гоголя, грезивший обрести покой под его «чугунной шинелью», и духовный сподвижник Достоевского, коль даже Бегемот из свиты Воланда уверен, что Достоевский бессмертен, продолжил освоение проблемы человеческой самонадеянности по созданию гомункула, или нового человека, о чем с одержимостью в «Бесах» Достоевского грезил Верховенский – «перевоспитать поколение, чтобы сделать достойным свободы» [2, т. 10, с. 463]. Булгаков завершает-таки в чудовищной истории «Собачье сердце» физиологически успешный эксперимент доктора Преображенского *расчеловечиванием* созданного им «исключительного прохвоста» – Полиграфа Полиграфовича. Булгаков по выходе в свет книги В.В. Вересаева «Гоголь в жизни» сообщил 2 августа 1933 г. автору о своих впечатлениях: «<...> просидел две ночи над Вашим Гоголем. Боже! Какая фигура! Какая личность!» [4, т. 8, с. 295]. Булгаков видел Гоголя как своего современника: киносценарии «Ревизора» и «Похождения Чичикова, или Мертвые Души» по поэме Гоголя (кстати, сохранено каноническое заглавие) и сатирическая повесть «Похождения Чичикова» наглядно об этом свидетельствуют. Не только пристальное внимание классиков к пониманию и художественному освещению в координатах христианской аксиологии становления совращенного с праведно пути человека сближает их в контексте культурной традиции национального самосознания, но и коллизии их творческого становления на избранном поприще.

Духовная константа «Рукописи не горят» нашла свое подтверждение в истории воплощения замыслов писателей: сожженный второй том поэмы преломляется в авторской стратегии Булгакова, воспринявшего Чичикова в послереволюционных реалиях, и предавшего огню черновые варианты романа «Мастер и Маргарита», преодолевшего *хребты безумия* и прошедшего по *тропам страданий*, и в творческих исканиях Достоевского, уничтожившего в писательском озарении черновую версию «Преступления и наказания», первой части своего Великого Пятикнижия, подобно Гоголю, истерзанному творческими муками, как он сообщал 18 февраля 1866 г. А.Е. Врангелю: «В конце ноября было много написано и готово; я все сжег <...> мне не понравилось самому. Новая форма, новый план меня увлек» [2, т. 282, с. 150]. Особое значение в плане уяснения феноменальной соприродности воплощенных авторами итогов духовной биографии человека, уверовавшего в свое *безверие* и безмерное *всемогущество*, такие герои, как Иван Хлестаков, Иван Карамазов и Иван Бездомный, при всех различиях социального статуса: ровесники – им всем по 23 года – и сочинители, прельщенные соблазном власти над умами и сердцами других.

Предвосхищая сведение «Ревизора», имевшего весьма шумный успех, к обличительной тенденции, Гоголь в «Замечания для господ актеров» противопоставляет безобидного с виду недотепу Хлестакова: «<...> несколько приглуповат и <...> без царя в голове – один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими. Говорит и действует без всякого соображения», – и пересидевшего трех губернаторов городничего: «<...> очень неглупый по-своему человек <...> ведет себя очень солидно; довольно сурьезен» [1, т. 3-4, с. 205]. Сокрушительное поражение предприимчивого и осмотрительного Антона Антоновича Сквозника-Дмухановского, вознамерившегося получить генеральский чин, когда лошадей «на станциях никому не дадут, все дожидаются <...> а ты себе и в ус не дуешь» [1, т. 3-4, с. 271], от взбалмошного «елистратишки», вмиг дослужившегося до *заоблачных* высот *земного* преуспевания, коль и «живешь, чтобы срывать цветы удовольствия» [1, т. 3-4, с. 237], – не укладывается в строго очерченные стереотипные рамки усвоенного опыта общественно-социальной самореализации индивида. В сцене первой встречи городничего, подготовившегося к знакомству с высокопоставленным чиновником, из Петербурга, а на самом деле – с задолжавшим чинушей, грозившим трактирному слуге: «<...> я не шутя это говорю» [1, т. 3-4, с. 223], дают о себе знать *внутренние* импульсы поведенческих мотивов и парадоксальных поступков героев, поэтому авторские ремарки и невербально указывают на сокрытые в их подпольном сознании, в намеренно подавляемых душевных сферах, личностные характеристики. Если городничий, преуспевший по службе, во избежание осложнений на тепленьком местечке *робеет* перед нагрянувшим проверяющим и, «*вытянувшись и дрожа всем телом*» и молит, хотя наделен немислимой для Хлестакова властью, о снисхождении к нему: «Помилуйте, не погубите <...> не сделайте несчастным человека» [1, т. 3-4, с. 227], то незадачливый пустомеля *храбрится*, а затем и вовсе «*стучит кулаком по столу*»: «Я прямо к министру!» [1, т. 3-4, с. 227]. Ситуация словно вывернута наизнанку: психологические штрихи к портретам персонажей поданы в обратной перспективе, восходящей к соглашению Хлестакова, не выдержавшего испытания голодом с сатаной по первому искушению: «<...> скажи, чтобы камни сии сделались хлебами» (Мф. 4:3).

На приеме у городничего, в домашних апартаментах, ведь свой же: и не впервой – обрабатываем в свою пользу, Хлестаков взметнулся на недостижимую для провинциальных служак высоту. Он, принявший знак бесовской власти из преисподней, так что у Булгакова в сценарии по гоголевской комедии тросточка в его руках «превращалась в волшебный жезл» [6, с. 116], с Пушкиным, признавшим, что он «покорный общему закону, / Переменился» [7, с. 515] как ни странно, но, по его словам, все-таки «на дружеской ноге». Кроме сообщений о доверительном разговоре с Пушкиным, властителем дум русского народа, Хлестаков козырнул перед собравшимися вокруг него авторством романа «Юрий Милославский» М.Н. Загоскина о победе над смутой начала XVII века, написанного им якобы в 16-летнем возрасте, и комедии Бомарше «Безумный день, или женитьба Фигаро», а дальше – вплоть до рыцарского романа XIII в., но и тем, что именно он – барон Брамбеус, хотя это псевдоним О.И. Сенковского, и правит всем статьи, за что Смирдин платит ему сумасшедшие деньги. Предусмотрительно усадив чиновников, стоявших перед ним, перед полетами фантазии насчет неоспоримой власти над умами, Хлестаков пускается во все тяжкие с рассказами о собственной величавости: графы и князья ожидают от него аудиенции, на пакетах его именуют «Ваше превосходительство», а это уже обращение к высшим государственным служащим, и поэтому в ужасе вскочившая свита городничего вместе с ним начинает трястись от страха. Да еще Хлестаков в придворном кругу принят!

Произведенный Хлестаковым ужасающий эффект невозможно объяснить расхожими человеческими понятиями. Городничий, чиновник 8 класса по «Табели о рангах», признается супруге, очарованной светскими манерами и образованностью пожаловавшего к ним столь высокопоставленного гостя: «До сих пор не могу очнуться от страха» [1, т. 3-4, с. 244], когда «не знаешь, что и делается в голове; просто как будто

или стоишь на какой-нибудь колокольне, или тебя хотят повесить» [1, т. 3-4, с. 244]. Артемий Филиппович, надворный советник, в чине 7 класса, после всего произошедшего на его глазах не может прийти в себя и доверился титулярному советнику Хлопову: «Страшно просто. А отчего, и сам не знаешь <...> Ну что, как проспится да в Петербург махнет донесение?» [1, т. 3-4 с. 243] По наивности, пытаясь подкупить таинственного и непонятого юнца, проговорившегося о беспрецедентных полномочиях, чиновники, постепенно восходившие по карьерной лестнице, не могли взять в толк, что это у них не пройдет, поскольку Хлестаков – совершенно иной тип личности, который еще в передалке с трактирщиком позиционировал себя весьма неожиданно для народного ока: «<...> я, брат, не такого рода! Со мной не советую...» [1, т. 3-4 с. 225]. Иван Хлестакова, выстроившего в сознании несуетный мир и готового определиться со стратегией управления судьбами, нельзя просчитать: он все возьмет, что ему заблагорассудится, и его никак не остановить и не воротить, потому что ускакал он на лучшей тройке – с предписанием наперед, о чем лишь только мечтал городничий, но это когда его произведут в генералы, а тут такая честь заурядному «елистратишке». Хлестаков провел своеобразную ревизию русской провинции: хозяева города списаны со счетов истории неприметным удалцом, занявшим их место с притязаниями на последнее слово в земных делах по бесовскому наваждению. Пряткие и верткие, городничий и его свора в «Немой сцене» превратились в истуканов, напоминающих о завершающейся эпохе законо- и чиновничества.

В «Позднейших дополнениях к “Ревизору” (1846-1847)» Гоголь актуализировал мистическую составляющую образа Хлестакова: «Сцена, когда он говорит о себе как о государственном человеке, способна, точно, смутить чиновника. Особенно в то время, когда он рассказывает, как распекал всех до единого в Петербурге, является в лице важность» [13, т. 4 с. 451]. Преодоление навязанных стереотипов восприятия Хлестакова на пути к пониманию духовного смысла «Ревизора» наметилось и в отечественном литературоведении. В.А. Воропаев, высказывая суждение, почему Николаю I, благоволившему к Гоголю, понравилась комедия, как бы невзначай оброненным замечанием выходит на уровень освоения духовных сфер художественного мира захрестоматизированного произведения: «Хлестаков уже шапку Мономаха на себя примеряет, и император не мог этого не почувствовать» [8, с. 125].

Проведя в уездном городе духовную ревизию, Хлестаков отправился строить планы корректировки магистрального вектора отечественной истории. Н.А. Любимов, профессор Московского университета и публицист, из круга Н.М. Каткова, в своей книге «Против течения», печатавшейся в «Русском вестнике» одновременно с «Братьями Карамазовыми» Достоевского под псевдонимом Варфоломей Кочнев, отмечал хлестаковские черты своих современников: «Как изумился бы автор “Ревизора”, увидев воочию, что в наше время Иваны Александровичи действительно играют в вист с французским посланником, дают направления делам и пишут передовые статьи в газетах <...> представьте себе царство гоголевских городничих <...> замененных усовершенствованным Хлестаковым. Можно было бы считать это значительным прогрессом?» [9, с. 621] и, действительно, усовершенствованный Хлестаков, Иван Карамазов, согласившийся со вторым предложением сатаны: «<...> бросься вниз <...> да не преткнешься о камень ногою» (Мф. 4:6), с помраченным гордыней умом сочиняет не только газетные статейки, но и религиозно-философские легенды: еще семнадцати лет – о философе вольнодумце, начавшем с богоборческого *искушения*, а закончившем свой путь в квадриллион километров *осанной*, «Геологический переворот» и «Великий Инквизитор», в которой высказана мысль об изуверской подмене из побуждений о Золотом веке человечества христианских первооснов мира, *истины, добра и красоты*, станинскими доминантами – *чудом, тайной и авторитетом*. По прибытии в Скотопригоньевск, где он сподвигнет своими просветительскими речами сводного брата Павла Смердякова на отцеубийство, внимательно отслеживает единодушные отзывы церковников и атеистов о вызвавшей интерес статье о церковно-общественном суде, отвергающей духовную иерархию Закона и Благодати, когда церковь становится государством, лишая спасения Святым Духом.

Рассуждая о казуистическом лабиринте слов и мыслей в атеистической статье Карамазова, иеромонах Иосиф пронизательно заметил: «<...> кажется, идея-то о двух концах» [3, т. 14, с. 56]. И раздвоение Ивана неминуемо: его двойник – черт, явившийся к нему как раз в тот момент, когда Смердяков, прозревший от содеянного, вынеся приговор своему наставнику: «Ан вот вы-то и убили, коль так» [3, т. 15, с. 59], сводил счеты с жизнью. Иван тяготеет проявившейся в его природе двойственностью от власти прельстившего его демона-искусителя в разговоре с братом Алексеем:

– И ты твердо уверен, что кто-то тут сидел? – спросил Алеша

– Вон на том диване, в углу <...> я бы очень желал, чтоб он в самом деле был *он*, а не я! [3, т. 15, с. 87]

Да и Алеша после признания Ивана видит в нем лик совратителя и об этом прямо говорит брату: «<...> *не ты!* Слышишь! <...> и это Бог положил мне на душу тебе сказать» [3, т. 15 с. 40]. Представший перед Кара-

мазовым черт считает себя уже гораздо значительней Хлестакова, а значит, и Карамазова, коль его двойник - черт, превосходит Хлестакова: «Ты, кажется, решительно принимаешь меня за поседлого Хлестакова <...> судьба моя гораздо серьезней» [3, т. 15, с. 76]. Конечно, куда как серьезнее Хлестакова, состоявшего в дружеских отношениях с Пушкиным: грезы – не грезы, а все-таки реальная и осязаемая перспектива. Но если Иван Александрович всего-то лишь пока грезит о духовной власти над всем миром, обещанной ему сатаной, то Иван Федорович подступает к обоснованию подмены христианской идеи – инквизиторской, в плане радения обо всех *униженных и оскорбленных*. Об этом Достоевский писал в «Дневнике писателя» за 1876 г.: «<...> с самого появления “Ревизора” всем хотя и смутно, но как-то сказалось, что беда тут не от людей <...> добродетельный городничий <...> ничего не изменит» [3, т. 24, с. 307]. Все беды от деформации духовных доминант, прописанной 23-летним Иваном Карамазовым в считанной чертом с его памяти легенде «Геологический переворот», в которой прослеживается тенденция к утверждению принципиально иной, нежели христианская, аксиологической парадигмы: «<...> новому человеку позволительно стать человеко-богом, перескочить всякую прежнюю нравственную преграду прежнего раба-человека» [3, т. 15, с. 84]. Так благодатная свобода объявляется рабством, а сатанинские соблазны, получается, раскрывают его извращенную человеческую природу во всей полноте.

Благие побуждения Ивана Карамазова, продолжающего духовную биографию Хлестакова, предстают в сознании адресатов его же «благодеяний» полной разнузданностью стихийных настроений, хотя у черта, а стало быть и самого Карамазова, модератора духовного апокалипсиса, от природы, как он сам себя аттестует, доброе и веселое сердце: «водевильчики пописывает – разные», как и Хлестаков умилялся причастностью к богемной среде. Смотритель острога, где содержался безвинный Дмитрий Карамазов и куда навещаются братья, благодушный Михаил Макарович, выделял Алешу, а Ивана – «даже боялся, главное, его суждений» [3, т. 15, с. 25], подобно тому, как Хлестаков наводил страх на чиновников. Проникая в сокровенные тайны поврежденного сознания Ивана Карамазова, Достоевский пророчески предостерегает от греховных соблазнов, во имя земного преуспеяния, сойти с праведного пути: «Жизнь, так тщательно просчитанная Иваном наперед, опрокинула все его расчеты, любитель интеллектуального экспериментаторства стал жертвой своего эксперимента» [10, с. 310].

Признанный на антихристианском поприще поэт, не то что едва ли не самиздатовский сочинитель Карамазов, Иван Бездомный в «Мастере и Маргарите» Булгакова на Патриарших прудах, подобно Хлестакову и Карамазову, не решившись отвергнуть сатанинские соблазны, ведь «люди-то <...> слабое бунтующее племя <...> и неужели ты в самом деле мог допустить хоть на минуту, что и людям будет под силу подобное искушение» [3, т. 14, с. 233], как пытался в совершенных преступлениях *оправдаться* в законнических параметрах перед Христом инквизитор, - безапелляционно отвечает на вопрос о движущих силах мира Божьего стоящему перед ним сатане: «Сам человек и управляет» [4, т. 8, с. 130]. Однако высказанную незадачливым резонером идейной беспочвенности, и неспроста псевдоним стихоплета – Бездомный, сентенцию опровергает Иешуа, выведенный в парафрастическом повествовании романа Мастера об итогах духовной биографии Понтия Пилата, уверовавшего, подобно Ивану Карамазову, в собственную вседозволенность: «<...> в этом ты ошибаешься <...> перерезать волосок уж может наверное тот, кто подвесил» [4, т. 8, с. 142]. Так Булгаков определяет вслед за Гоголем в «Ревизоре», в художественном мире которого взаимно исключают друг друга аксиологические координаты человека, с его слабостями и прегрешениями и демоническое самоуправство Хлестакова, воспарившего над суетной обыденностью, извечный конфликт искушительной *самоуверенности* и спасительной *смирности*. Замысел романа «Мастер и Маргарита» укоренен в опыте подвижнического служения Гоголя сохранению и укреплению духовной традиции национального самосознания: «<...> нужно заглянуть в те мины, где готовятся близкие взрывы» [1, т. 9, с. 415].

Третье испытание (верой) злого духа – признать сатану в обмен на власть над мирозданием: «<...> все это дам <...> если падшим поклонись мне» (Мф. 4:9), - никак не удастся пройти в чем-то преуспевающему в богоборческой схоластике совратителю душ с праведного пути. Задание просвещенного и образованного Берлиоза, своенравно верховодившего в МАССОЛИТе, не выполнено: в поэме Бездомного Иисус как живой, несмотря на безумные установки возобладавшего в Москве, Третьем Риме, атеистического режима:

Кричу: «Мария, Мария, кого вынашивала! –
Пыль бы у ног твоих целовал за аборт!»
Зато теперь на распеленутой земле нашей
Только Я – человек горд [11, с. 20].

Еще Хлестаков не сомневался в собственной человекобожеской природе, не раскрывшейся в полной мере: «<...> я шутить не люблю <...> я такой! Я не посмотрю ни на кого... Я говорю всем: “Я сам себя знаю, сам”. Я везде, везде» [1, т. 3-4, с. 242]. Черт же считывает с сознания Ивана Карамазова уже квинтэссенцию его духовного опыта из «Геологического переворота»: «Человек возвеличится духом божеской, титанической гордости и явится человеко-бог» [3, т. 15, с. 83]. И в тот момент, когда Берлиоз наставлял на соглашательство с сатаной строптивного бузотера-поэта, печатавшегося на первой странице «Литературки», перед ним как раз и появился сатана, которого по их расчетам никоим образом не должно-таки быть. Ассоциация массолитовского дирижера, *адского шабаша* («Адский шабаш» вошел в «Фантастическую симфонию» Гектора Берлиоза) в центре Москвы с французским композитором Гектором Берлиозом вполне очевидна и обоснована: поэт Богохульский лихо отплясывает под грибоедовский джаз и пьяные завывания «Аллилуйя!!» - во славу сатане. И в этот момент является *прозревший* Бездомный, правда, в непотребном для бесноватых виде после очистительного купания – крещения на месте снесенного храма Христа Спасителя: «Он был бос, в разодранной беловатой толстовке, к коей на груди <...> была приколоты бумажная иконка <...> В руке <...> нес зажженную венчальную свечу» [4, т. 8, с. 176]. Свеча с иконкой не могли остаться незамеченными куролесящими массолитовцами, когда после Всесоюзного съезда Воинствующих безбожников на Святой Руси читают акафист Марксу и распевают «Гимн безбожников» С. Городецкого, и поэтому его отправляют в «психиатрическую!», как последователь гоголевского уездного лекаря Гибнера из «Ревизора», Крестьян Иванович, упекает в «Двойнике» Достоевского в желтый дом Голядкина, посмеявшегося сохранить себя как человека, в отличие от *вахромеевых*, поверженных поработавшей *законнической* аксиоматикой.

Раздвоение Ивана Бездомного после встречи с нечистой силой и разговоров с Мастером приводит героя к иным итогам духовного опыта, в отличие от сумасшествия Ивана Карамазова, – к отрешению от сатанинских предложений власти над человечеством и пониманию чудовищной сущности своих бездуховных сочинений: «<...> окончательно преодолевает ограниченность разума в познании мира (*Закон*) и, подобно Пилату, идущему по “лунной дороге” к мудрецу Га-Ноцри, открывает путь сердечного проникновения в суть бытия (*Благодать*). Процесс духовного преображения Ивана, ознаменовавшийся его внутренним перерождением и обретением нравственной твердыни – Дома – души [12, с. 146]. Так Бездомный превращается в профессора истории Ивана Николаевича Поньрева.

Обращение Гоголя, Достоевского и Булгакова к освоению духовного опыта героев – Ивана Хлестакова, Ивана Карамазова и Ивана Бездомного, нареченных апостольским именем *Иван* и отступивших от предначертанного им праведного пути, обусловлено укорененностью авторского сознания в православной традиции отечественного миропонимания. Гоголь не ответил В.Г. Белинскому после его открытого письма о пристрастиях русского народа. Критик откровенно признавался в переписке с В.П. Боткиным в симпатиях к радениям Марата о судьбе человечества: «<...> чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, (что-то все-таки сдерживает. – АК, КМ), огнем и мечом истребил бы остальную» [13, т. 9, с. 468-469]. Однако Гоголь оставил завещание «Моим друзьям»: общество тогда только поправится, когда всякий частный человек займется собою и будет жить как христианин, служа Богу теми орудиями, какие ему даны, и стараясь иметь доброе влияние на небольшой круг людей» [1, т. 6, с. 392]. Таковым орудием было для Гоголя писательство. Достоевский, прошедший испытания отступничеством, также был не склонен доверять планам бездуховного обустройства человечества: «*Я хочу не такого общества научного, где бы я не мог делать зла, а такого именно, чтоб я мог делать всякое зло, но не хотел бы его делать сам*» [3, т. 24, с. 162]. Достоевский, знавший В.Г. Белинского лично, свидетельствует о его антихристианских настроениях: «Учение Христово <...> необходимо должен был разрушать, называть его ложным и невежественным человеколюбием, осужденным современною наукой» [3, т. 21, с. 10]. А, кроме того, он считал, что «человеку невозможно не делать злодейств», прямо как гоголевский городничий: «<...> нет человека, который бы за собой не имел каких-нибудь грехов. Это уж самим Богом устроено» [1, т. 3-4, с. 309], - или Иван Карамазов: «<...> эгоизм даже до злодейства не только должен быть дозволен человеку, но даже признан необходимым, самым *разумным* (курсив наш. – А.К., К.М.) и чуть ли не благороднейшим исходом в его положении» [3, т. 14, с. 65]. Налицо не что иное, как переосмысление духовной иерархии Закона и Благодати, обрекающее отступников на едва ли посильные испытания. Воплощение духовной мощи в творческих исканиях Гоголя, Достоевского и Булгакова, а значит, и величественной державности Отечества, объясняет расположение к писателям земных владык: Николая I, Александра II и Сталина.

Гоголь, проведя Ивана Хлестакова через сатанинский соблазн земным преуспеянием, еще немислимым в русской жизни, всего лишь *представил* в плане пророческого предостережения зарождающийся под

влиянием безверия новый тип личности и потому отпускает его колесить по белу свету. Иван Карамазов, совращенный безумным, при апелляции к научному кругозору, искушением сатанинской гордыней, приходит к закономерному итогу – сумасшествию, которое и выявляет неколебимость духовной матрицы человеческой природы: нет власти, кроме Божьей. Однако единственный здравомыслящий среди спятивших масолитовцев Иван Бездомный, а ему ставят диагноз «шизофрения», восстанавливает в своем сознании распатанную духовным опытом иерархию Закона и Благодати и углубляется в прежде сокрытые от него закономерности эпохи Понтия Пилата и Иешуа.

Библиографический список

1. Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 9 т. Т. 1 – 9. М.: Русская книга, 1994.
2. Андреев И.М. Русские писатели XIX века. М.: Русский паломник, 2009. 249 с.
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 1 – 30. Л.: Наука, 1972 – 1990.
4. Булгаков М.А. Собр. соч. в 8 т. Т. 1 – 8. М.: Центрполиграф, 2014
5. Трутовский К.А. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. С. 171 – 175.
6. Булгаков М., Каростин М. Необычайное происшествие, или Ревизор // Искусство кино. 1983. №9. С. 112 – 134.
7. Пушкин А.С. Собр. соч. в 5 т. Т. 1. СПб.: Библиополис, 1993. 600 с.
8. Воропаев В.А. Нет другой двери...: О Гоголе и не только. М.: Белый город, 2019. 448 с.
9. Против течения: беседы о революции. Наброски и очерки в разговорах двух приятелей. Варфоломея Кочнева // Русский вестник. 1880. №8. С. 612 – 690.
10. Кузьменко Е.О. Место сочинений Ивана Карамазова в структуре романа «Братья Карамазовы» и их роль в реализации идейно-художественного замысла Ф.М. Достоевского // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Вып. 4 (120). С. 306 – 311.
11. Мариенгоф А.Б. Неизвестный Мариенгоф. Избранные стихи и поэмы. 1916 – 1962. СПб.: Лань, 1996. 214 с.
12. Урюпин И.С. Идея «Живого Бога» в философии русского религиозного ренессанса и в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2005. 169 с.
13. Белинский В.Г. Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1982. 863 с.

References

1. Gogol N. V. Sobr. op.: in 9 vols. Vol. 1 – 9. Moscow: Russkaya kniga, 1994.
2. Andreev I. M. Russian writers of the XIX century. Moscow: Russky Pilgrim, 2009. 249 p.
3. Dostoevsky F. M. Full collection. op.: in 30 t. T. 1-30. L.: Nauka, 1972-1990.
4. Bulgakov M. A. Collection. op. in 8 t. T. 1-8. M.: Tsentrpoligraf, 2014
5. Trutovsky K. A. Memoirs of Fyodor Mikhailovich Dostoevsky // F. M. Dostoevsky in the memoirs of contemporaries: in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Fiction, 1990. pp.171-175.
6. Bulgakov M., Karostin M. An extraordinary incident, or the Inspector // The Art of Cinema. 1983. No. 9. pp. 112-134.
7. Pushkin A. S. Sobr. op. in 5 vols. Vol. 1. St. Petersburg: Bibliopolis, 1993. 600 p.
8. Voropaev V. A. There is no other door...: About Gogol and not only. Moscow: Bely Gorod, 2019. 448 p.
9. Against the current: conversations about the revolution. Sketches and essays in the conversations of two friends. Bartholomew Kochnev // Russian Bulletin. 1880. No. 8. pp. 612-690.
10. Kuzmenko E. O. The place of Ivan Karamazov's works in the structure of the novel "The Brothers Karamazov" and their role in the implementation of the ideological and artistic plan of F. M. Dostoevsky // Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities. 2013. Issue 4 (120). pp. 306-311.
11. Marienhof A. B. Unknown Marienhof. Selected poems and poems. 1916-1962. ST. PETERSBURG: Lan, 1996. 214 p.
12. Uryupin I. S. The idea of a "Living God" in the philosophy of the Russian Religious Renaissance and in M. A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita". Yelets: I. A. Bunin YSU, 2005. 169 p.
13. Belinsky V. G. Sobr. soch.: in 9 vols. t. 9. M.: Fiction, 1982. 863 p.

УДК 811.161.1
10.36622/AQMPJ.2021.51.92.002

*Воронежский государственный
технический университет
доктор филологических наук, доцент,
зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации
Скуридина С.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(920)404-04-48;
e-mail: saskuridina@ya.ru*

*Voronezh State Technical University
Doctor of Philology, associate
professor, department chairman,
the chair of Russian language and cross-cultural
communication,
Skuridina S.A.
Russia, Voronezh, +7(920)404-04-48
e-mail: saskuridina@ya.ru*

*кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Бугакова Н.Б.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru*

*The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Bugakova N.B.
Russia, Voronezh, tel. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru*

С.А. Скуридина, Н.Б. Бугакова

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КАМНЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И А. ПЛАТОНОВА:
КУЛЬТУРНО-ОНОМАСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В предлагаемом исследовании представлены ономастические параллели, возникающие при введении в тексты своих произведений мотива камня, в творчестве Ф.М. Достоевского и А. Платонова. Актуальность данной статьи обусловлена тем, что до настоящего времени вопрос о существовании параллелей в восприятии камня Ф.М. Достоевским и А. Платоновым не поднимался. Известно небольшое количество работ, посвященных феноменологии камня в произведениях Ф.М. Достоевского, исследования семантики камня в творчестве А. Платонова практически отсутствуют. Единичны работы о репрезентации специфики восприятия камня в ономастических единицах. Проанализировав семантику камня у Ф.М. Достоевского и А. Платонова, мы пришли к следующим выводам: в творчестве Ф.М. Достоевского мотив камня нередко вводится с помощью ономастических средств: имя *Петр*, включаемое в антропоним персонажа, указывает на «последыша» Петра Первого, оторвавшегося и оторвавшего народ, по мнению писателя, от почвы. В творчестве А. Платонова мотив камня возникает в одном из его ранних рассказов «Лунные изыскания» («Рассказ о “кирпиче”»), созданном в жанре научно-фантастической литературы, и продолжает функционировать в рассказах «Юшка», «Такыр». Для произведений А. Платонова также характерно введение мотива камня при помощи вариаций имени *Петр*. При помощи этого онима автор подчеркивает «каменный» характер героя, его твердость. Полагаем, что обращение к семантике камня у рассматриваемых писателей обусловлено некой схожестью их судеб, так как и Ф.М. Достоевский, и А. Платонов хотели стать инженерами. Камень, рассматриваемый как один из важных элементов мироустройства и включенный в оппозицию *живой-мертвый*, воплощаясь в имени героев и определяя их мировоззрение, играет тексто- и сюжетообразующую роль в художественных текстах обоих авторов.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, А.Платонов, семантика камня, ономастика, мифопоэтическая константа.

S.A. Skuridina, N.B. Bugakova

**THE PHENOMENOLOGY OF STONE IN THE LITERARY TEXTS
OF F.M. DOSTOEVSKY AND A. PLATONOV: CULTURAL AND ONOMASTIC ASPECT**

The proposed study is intended to analyze onomastic parallels that arise when the stone motif is introduced in the texts of F.M. Dostoevsky and A. Platonov. The relevance of this article is due to the fact that until now the question of the existence of parallels in the perception of the stone by F.M. Dostoevsky and A. Platonov has not been raised. There is a small number of works devoted to the phenomenology of stone in the works of F.M. Dostoevsky, studies of the semantics of stone in the works of A. Platonov are practically absent. There are few works on the representation of the specifics of the perception of the stone in onomastic units. Analyzing the semantics of the stone in works of F.M. Dostoevsky and A. Platonov we came to the following conclusions: in the works of F. M. Dostoevsky the motif of the stone is often introduced with the help of onomastic means: the name Peter, included in the anthroponym of the character indicates the "lastling" of Peter the Great who according to the writer broke off and tore the people from the soil. In the works of A. Platonov motif of the stone appears in one of his early stories "Lunar Research" ("The Story of the "brick") created in the genre of science fiction literature, and continues to function in the stories "Yushka", "Takyr". The works of A. Platonov are also characterized by the introduction of the stone motif with help of variations of name Peter. With help of this onym the author emphasizes the "stone" character of the hero, his firmness. We believe that the appeal to the semantics of the stone in the writers under consideration is due to a certain similarity of their destinies, since both F.M. Dostoevsky and A. Platonov wanted to become engineers. The stone considered as one of the important elements of the world order and included in the living-dead opposition embodies the name of characters and determines their worldview, plays a text- and plot-forming role in literary texts of both authors.

Keywords: F.M. Dostoevsky, A. Platonov, semantics of stone, onomastics, mythopoetic constant.

Камень – материал, с давних времен сопровождающий человека. Используемый при изготовлении первых орудий труда, в постройке жилищ, при сооружении захоронений, камень становится элементом картины мира, поликультурным символом с амбивалентным смыслом, – камень может быть одновременно символом живого и мертвого.

Невозможно перечислить все ипостаси камня: камень – центр (пуп) земли, камень – святилище, камень – жертвенник, камень – граница иного мира, камень – указатель судьбы... В фольклорных источниках нередко встречается мотив превращения героев в камень, восходящий к славянской мифологии, для которой характерна оппозиция *живой-мертвый*: земля – живое, родящее начало, но «зимой земля каменеет и делается неплодною» [1]. В мифопоэтической картине мира горы и камни, входящие в состав земли, – это остов земли, ее скелет, позволяющий в течение тысячелетий сохранять земле форму.

Особые свойства камней легли в основу верований человека в их обладание сверхъестественной силой – многочисленные амулеты, талисманы выполняют в представлении носителей мифологического мышления не только защитную функцию, но и выступают в роли активаторов памяти: небольшие камни берут на память о значимых местах и событиях, камень используется в качестве материала при изготовлении скульптур и памятников.

В Ветхом Завете камень представлен тремя «сущностями»: камень природный (используется как опора, подставка, на камне записываются слова Закона и т.д.), камень обработанный (из него строят дома и храмы, сооружают гробницы и т.д.) и камень драгоценный (камни выступают как знак драгоценности того, что за ними стоит, или того, что они символизируют) [2]. В текстах Нового Завета актуализируется значение камень – человек: камень – человек «...ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16: 18); «Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму» (Мф. 3: 9); «Приступая к Нему, камню живому, человеками отверженному, но Богом избранному, драгоценному, и сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный» (1 Пет. 2: 4-5).

Несомненно, что древние мифологические, ветхозаветные и новозаветные представления о камне нашли свое отражение в художественных текстах, к примеру, в сюжете произведений А.С. Пушкина «Медный всадник», «Каменный гость» и С. Лагерлеф «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями», где в ночное время суток происходит оживление каменных статуй, соответственно, актуализируется мифопоэтическая оппозиция *живой – мертвый*.

Настоящее исследование направлено на выявление культурно-онимастических параллелей, обусловленных введением мотива камня, в творчестве Ф.М. Достоевского и А. Платонова. Вопрос о существовании аналогий в восприятии камня Ф.М. Достоевским и А. Платоновым до настоящего момента не поднимался. Следует отметить и небольшое количество работ, посвященных феноменологии камня в произведениях Ф.М. Достоевского [3]; [4]; [5], и практически полное отсутствие исследований семантики камня в творчестве А. Платонова, за исключением отдельных упоминаний в работе Н.М. Малыгиной, диссертационном исследовании М.А. Дмитриевской и одной из статей Н.Ю.

Абузовой [6]; [7]; [8]. Безусловно, единичны работы о репрезентации специфики восприятия камня в ономастических единицах [9]. Все это определяет актуальность предпринятого нами исследования.

Возникновение в произведениях Ф.М. Достоевского мотива камня, по наблюдению О.Д. Смилевец [10], связано с профессией писателя – инженер, обучаясь которой, Ф.М. Достоевский слушал курсы геологии и минералогии, а во время службы в Семипалатинске у него появились знакомые горные инженеры. Полагаем, что интерес к камню у А. Платонова можно также считать явлением автобиографическим, так как писателю, назначенному заведующим губернскими мелиоративными работами [11], необходимо было знать структуру и состав почв.

В произведениях Ф.М. Достоевского камень выступает в разных ипостасях. В романе «Братья Карамазовы» в эпизоде, когда мальчики и Алеша собираются вокруг «Илюшиного» камня, возле которого Снегирев хотел похоронить сына, реализуется мотив выбора пути, характерный для фольклора – «направо пойдешь –...». Камень, возле которого собираются мальчики, в контексте романа становящийся камнем-указателем на перекрестке судеб, с одной стороны, превращается в центр нового мира, открывшегося маленьким героям Ф.М. Достоевского, с другой стороны, камень, названный «Илюшиным камнем» – это памятник, то есть то, что не даст забыть события прошлой жизни и заставит помнить, что лежит в основе будущей, поэтому неслучайно кричат мальчики в финале романа: «Будем, будем помнить!» [12, т. 15, с. 196].

Камень как нечто несокрушимое и тяжелое, способное придавить своей тяжестью и превратиться в могильную плиту, представлен в романе «Бесы» в сцене убийства Шатова (каменный грот в имении Ставрогиных, камни привязывают к телу Шатова, перед тем как бросить в пруд, как будто намекая на фамилию). Интересно, что Липутин накануне убийства Шатова, после того как узнал о смерти каторжного Федьки, ощутит подобное Шатову состояние: «Липутин вдруг перестал колебаться. Толчок был дан; точно камень упал на него и придавил навсегда» [12, т. 10, с. 431]. Камень как нависшая опасность возникает в беседе хроникера и Кириллова [12, т. 10, с. 93], а также реализуется в имени персонажа романа «Преступление и наказание» – *Петр Петрович* Лужин (*Петр* из греч. *Πέτρος* – ‘камень’). В данном случае угроза в виде жениха с камнем вместо сердца и с идеями каменного города – Петербурга – в голове возникает в жизни Дуни Раскольниковой, которая собралась связать свою жизнь с Лужиным, мечтающим, что из-за своей бедности «такое-то существо будет рабски благодарно ему всю жизнь за его подвиг и благоговейно уничтожится перед ним, а он-то будет безгранично и всецело владычествовать» [12, т. 6, с. 235]. Показательно, что Петр Петрович приезжает в Петербург, в город, название которого перекликается с его именем и отчеством. Петр Петрович Лужин («камни в луже») становится олицетворением Петербурга, заложенного на болоте. Построенный из камня Петербург противопоставлялся всем другим городам России, так как существовал запрет Петра Первого 1714 года на «всякое каменное строение, какого бы имени оно ни было, под разорением всего имения и ссылкой» где бы то ни было, кроме Петербурга. Для Дуни Петр Петрович Лужиным – это каменный истукан (в романе «Идиот» встречается данное словосочетание: на «каменного истукана» похож Парфен Рогожин в момент появления у него в доме, на каменной лестнице, князя Мышкина [12, т. 8, с. 170]). В романе «Подросток» в роли каменного истукана представлен Андрей Петрович Версиков: по верному наблюдению Т.А. Касаткиной, «Андрей Петрович» – Андрей (греч.) – «муж каменный» – идол; ему и поклоняются как идолу. Аркадий напишет с изумлением: «... мать, сестра, Татьяна Павловна и все семейство покойного Андроникова, <...> состоявшее из бесчисленных женщин, благоговели перед ним, как перед фетишем» [12, т. 13, с. 17].

Как видим, в творчестве Ф.М. Достоевского мотив камня нередко вводится с помощью ономастических средств – имя *Петр*, включаемое в антропоним персонажа, указывает на «последыша» Петра Первого [13], оторвавшегося и оторвавшего народ, по мнению писателя, от почвы.

Т.А. Касаткина, рассматривая евангельское значение *камень – человек* применительно к именам героев романа «Братья Карамазовы» (Петр Александрович Миусов [12, т. 14, с. 10], Ефим Петрович Поленов [12, т. 14, с. 14], Петр Фомич Калганов [12, т. 14, с. 32]), отмечает, что имя *Петр* (в том числе и сам Федор Павлович Карамазов, которого Митя именует Пьеро) Ф.М. Достоевский дает героям, которые становятся камнем преткновения [14].

В творчестве А. Платонова, которого К.А. Баршт назвал «Достоевским XX века» [15], мотив камня возникает в одном из его ранних рассказов «Лунные изыскания» («Рассказ о “кирпиче”»), созданном в жанре научно-фантастической литературы. Герой рассказа, Петер Крейцкопф, одержим идеей завоевать космос, поскольку, как он считает, это позволит овладеть природой. Он приезжает в город, который не имеет никакой связи с природой: «... это был бетонно-металлический оазис, замкнутый в себе, совершенно изолированный...» [16]. Город притягивает Петера, поскольку воплощает близкую ему стихию – кам-

ня. Городское пространство – это пространство камня, которым покрыты улицы, набережные, из камня выстроены дома. В рассказе «Лунные изыскания» камень является текстообразующим началом. Одно из названий рассказа «Рассказ о “кирпиче”» содержит лексему *кирпич*, что означает «искусственный камень правильной формы» [17].

Интересно, что героем «Рассказа о “кирпиче”» является инженер по имени *Петер*. Имя *Петер* является немецким вариантом имени *Петр* ‘скала, камень’ (др.-греч. Πέτρος ‘камень’) [18]. Полагаем, что данное имя присваивается герою с целью подчеркнуть его твердость, например, при принятии решений. Обладатель такого символического имени, к тому же сын шахтера, инженер с каменным именем, Петер Крейцкопф чувствует родную стихию камня повсюду: «Роскошный театр из смуглого матового камня привлек взор Крейцкопфа» [16].

Вся жизнь Петера Крейцкопфа подчинена великой цели – строительству некоего изобретения, которое представляет собой шар, закрепленный на диске, для полета в газовой среде. Замысел инженера – «металлический камень полетит, брошенный, как всякий камень, но лишь в обратном падении направлении» [16] – связан не только с именем, но и с фамилией героя: *Крейцкопф* от нем. *Kreuzkopf* – деталь движущего механизма паровой машины, служащая для соединения поршневого штока с ведущим дышлом и передающая движение поршня через дышло и палец кривошипа ведущему колесу локомотива [19]. Для понимания рассказа важно, что деталь крейцкопф изготавливается из металла, соответственно, комбинация имени и фамилии дает тот самый «металлический камень», который мечтает запустить герой, в связи с чем эмблематичен финал рассказа, где Петер Крейцкопф помещается в кирпич. Так, в фамилии и имени героя, приехавшего в бетонно-металлический оазис, связываются камень и металл. Несомненно, что фамилия героя возникла в связи с профессиональной деятельностью А. Платонова: родившись в семье железнодорожника, с 14 лет писатель работал на железной дороге, а в 1921 году окончил Воронежское техническое железнодорожное училище.

Идея покорения космического пространства может быть осуществлена при помощи камня, потому что камень – это самая сильная стихия, способная преодолевать законы физики. Несмотря на то, что устройство, по замыслу инженера, имеет форму шара, именуется оно «кирпичом». Можно предположить, что А. Платонов использует лексему *кирпич*, чтобы продемонстрировать читателю важность этого устройства в жизни Петера Крейцкопфа и то место, которое отводилось ему в судьбе героя. «Кирпич» становится смыслом жизни, ему подчинены все действия Петера, ради него Петер даже расстается с женой, которая устала от однообразия и тоски, преследовавших ее, окруженную инженерами: «Петер предостерегал ее: «Не стоит уходить, Эрна, мы жили с тобой семь лет, дальше будет легче. Я поеду в центр и приступлю к постройке «кирпича» – мне дадут денег» [16]. Эрна все равно уйдет от Петера, не веря в его способности, и Петер отреагирует на это со свойственной ему твердостью: «Нельзя сохранить такое нежное устройство как любовь под кирпичами случаев» [16]. То есть кирпич в рассматриваемом произведении несет скорее разрушительную силу, и на это автор обращает внимание неоднократно: «Шоссе лежало пустым, Крейцкопф воткнул четвертую скорость, дал газ до отказа и полетел кирпичом» [16]. Так описывает А. Платонов одну из поездок Петера на машине, закончившуюся трагически – гибелью маленького мальчика, которого Петер хоронит в придорожной канаве. На это нельзя не обратить внимание, подобный поступок как нельзя лучше характеризует героя, наделенного каменной твердостью души.

Деструктивная энергия сообщается всему, что именуется лексемой «кирпич», и в первую очередь самому изобретению, над которым работает Петер. Автор подчеркивает мощь изобретения Петера, противопоставляя камень и кирпич как природное и искусственное: «во всем изобретении был скопирован камешек мальчика, который летит, брошенный слабой рукой. А тут был не камешек, а «кирпич» с тугой начинкой – коммерческим грузом или пассажирами, все равно» [16]. Камень, брошенный мальчиком, не способен причинить никому вреда, в отличие от кирпича, изготовленного человеком, в имени которого камень. Так выражается прогивоположность природного создания изобретению человека. Все, что создано природой, безвредно или направлено на созидание, в то время как все, что создается человеком, идет ему же во вред. Так, изобретение Петера Крейцкопфа, принесшее ему много неприятностей различного толка, в конце концов его и погубит: «Однако в первый же день после отлета одна газета дала статью о Крейцкопфе – «В поисках могилы», где обрекались на гибель и «кирпич», и Крейцкопф» [16]. Но Петер был согласен на такой исход событий, более того, он стремился к нему: «Я, Крейцкопф, отказываюсь от всякого денежного вознаграждения на любую сумму, – я заменяю свое вознаграждение возможностью лететь в «кирпиче» [16]. Такое решение идти на верную гибель было обусловлено стремлением Петера быстрее завершить эту жизнь: «Крейцкопф не мог доказать, что он искал не вольной жизни, а тесной могилы» [16].

Интересно, что автор обращает внимание на желание Петра оказаться под землей, в могиле, в то время как привычнее видеть камень на земле, в виде могильной плиты, например.

В рассказе А. Платонова «Юшка» с помощью камешков проверяется, живой или неживой человек: «Дети поднимали с земли сухие ветки, камешки, сор горстями и бросали в Юшку. – Юшка! – кричали дети. – Ты правда Юшка? Старик ничего не отвечал детям и не обижался на них; он шел так же тихо, как прежде, и не закрывал своего лица, в которое попадали камешки и земляной сор. Дети удивлялись Юшке, что он живой, а сам не сердчат на них» [20]. Данный эпизод коррелирует с эпизодом романа Ф.М. Достоевского «Идиот»: князь Мышкин рассказывает, как дети кидали грязью в Мари, а в него камнями: «Вот тут-то, особенно дети, всею ватагой, – их было человек сорок с лишком школьников, – стали дразнить ее и даже грязью в нее кидали»; «Дети надо мной сначала смеялись, а потом даже камнями в меня стали кидать, когда подглядели, что я поцеловал Мари» [12, т. 8, с. 58-59]. Ф.М. Достоевский отсылает читателя к словам Христа, заступившегося за грешницу: «Кто без греха, пусть первым бросит камень!». Несомненно, что в тексте Ф.М. Достоевского камень ассоциируется с позором (ср.: позднее князь Мышкин, защищая Настасью Филипповну, будет просить Аглаю: «О, не позорьте ее, не бросайте камня. Она слишком замучила себя самым сознанием своего незаслуженного позора!» [12, т. 8, с. 361]). В рассказе А. Платонова «Юшка» иное понимание камня, выражаемое диминутивом *камешек*: камень – это творение природы, как и человек, поэтому камень не способен нанести вред.

В рассказе «Такыр» А. Платонов описывает живые камни: «Заррин-Тадж села на один из корней чинары, который уходил вглубь, точно хищная рука, и заметила еще, что на высоте ствола росли камни. Должно быть, река в свои разливы громила чинару под корень горными камнями, но дерево вьело себе в тело те огромные камни, окружило их терпеливой корой, обжило и освоило и выросло дальше, кротко подняв с собою то, что должно его погубить. "Она тоже рабыня, как я! – подумала персиянка про чинару. – Она держит камень, как я свое сердце и своего ребенка» [21]. Дерево и камни, которые оно «вьело» в себя, связаны с образом Мирового древа. Интересно наблюдение Н.М. Малыгиной о расположении каменной башни в центре земли во многих произведениях А. Платонова, в том числе в рассказе «Такыр» [7].

Для А. Платонова, как и для Ф.М. Достоевского, характерно особое почитание Матери-сырой земли [22]. В рассказах А. Платонова воспроизводятся представления славян о том, что камни – это скелет, кости земли («Со скоростью молний ведется титанический обвальный пушечный труд, обдирающий землю до глубокой белизны ее каменистых, материковых пород, до самых твердых костей ее тела» [23]), а человеческое тело платоновских героев уподобляется Матери-сырой земле и держится на «каменистых» костях («Вощев сел у окна, чтобы наблюдать нежную тьму ночи, слушать разные грустные звуки и мучиться сердцем, окруженным жесткими каменистыми костями» [24, с. 170]) и имеет «каменистые» бугры («Однако жизненное вещество, отступив от этих телесных ущербов, собралось под целой кожей в кучи жил, в тесноту спекшейся силы и обнажалось наружу в виде каменистых бугров и трудных предметов – поэтому тело присутствующего человека походило на вскопанную нежилую землю, и его невозможно было погладить или обнять как-либо» [25]). В рассказе «Дерево Родины» с образом камня связан переход героя в другой мир: он попадает в немецкую тюрьму, представляющую собой каменный колодец [26].

Как видим, в творчестве Ф.М. Достоевского и А. Платонова мотив камня нередко вводится с помощью ономастических средств, но писатели воспринимают камень по-разному: в творчестве Ф.М. Достоевского камень всегда деструктивен, так как олицетворяет собой материал для преобразования человеком природы. Данный мотив восходит к деятельности Петра Первого, построившего для заточения стихии воды город с каменным именем – Петербург. В творчестве А. Платонова камень – это природный материал, который, даже когда его бросают в человека, не причиняет ему боли. Связано это с тем, что в понимании А. Платонова, все, что сотворено природой, живое, поэтому возможен переход энергии от человека к камню, как показано в повести «Котлован» («Истомленный Козлов сел на землю и рубил топором обнажившийся известняк; он работал, не помня времени и места, спуская остатки своей теплой силы в камень, который он рассекал, – камень нагревался, а Козлов постепенно холодел. Он мог бы так весь незаметно скончаться, и разрушенный камень был бы его бедным наследством будущим растущим людям» [24, с. 182]) и романе «Чевенгур» («Оттого и гроблю в камень свою силу, что иначе тоскую и плачу в лопухи!» [27]).

Кирпич же, напротив, являясь изобретенным человеком строительным материалом, в связи с чем противопоставляемый камню, в творчестве А. Платонова выполняет деструктивную функцию, несмотря на свое истинное предназначение – созидать. Таким образом, можно сказать, что в художественном мире Ф.М. Достоевского люди, для характеристики которых вводится мотив камня (например, героям выбира-

ются каменные имена), «каменеют», а у А. Платонова, образ камня амбивалентен: с одной стороны, «настоящие» камни могут «оживать», с другой, – созданные человеком, камни становятся причиной разрушения естественного природного мира.

Библиографический список

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3-х тт. СПб., 1869.
2. Федотова Е.Я. Лексический облик камня в Ветхом Завете // Материалы симпозиума «Живой камень: текст / словарь. Прелиминарии». Режим доступа: <http://nrgumis.ru/articles/1952/> (дата обращения – 27.03.2021).
3. Карасев Л.В. О символах Ф.М. Достоевского // «Вопросы философии», 1994, №10, с. 90-111.
4. Касаткина Т.А. Камни в романе «Братья Карамазовы» // «Новый Мир» 2011, №10.
5. Ветловская В.Е. «Если господь не созиждет дома...» (Мотив камня в «Братьях Карамазовых») // «История и культура» 2013, №11(11). С. 81-100.
6. Дмитровская М.А. Язык и мирозерцание А. Платонова. Дисс...доктора филол. наук: 10.02.01, Москва, 1999.
7. Малыгина Н.М. «Рассказ о многих интересных вещах» в контексте творчества А.Платонова // Андрей Платонов: Мир творчества, Москва 1994, с. 185-186.
8. Абузова Н.Ю. Мифопоэтика повести А.П. Платонова «Котлован» // «Культура и текст», 2016 (27), №4, с. 74-85.
9. Скуридина С.А. Каменные имена у Ф.М. Достоевского // «Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация», 2014, № 15 (15). С. 72-78.
10. Смилевец О.Д. Загадочный мир камней (к 200-летию Ф.М. Достоевского) // «Недра Поволжья и Прикаспия», 2012, с. 61-65.
11. «Губмелиоратор тов. платонов»: По материалам Наркомата земледелия. 1921-1926 гг. // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Выпуск 3. Москва 1999. С. 476-508.
12. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л.: Наука, 1972–1988.
13. Альтман М.С. По вехам имен. Саратов, 1975. С. 187-189.
14. Касаткина Т.А. Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. Москва 2015. С. 379.
15. Баршт К.А. Достоевский 20 века: лекция о творчестве Андрея Платонова. Режим доступа: <https://новокузнецк400.pf/news/743-professor-barsht-s-lektsiej-o-tvorchestve-andreja-platonova.html> (дата обращения – 30.03.2021).
16. А. Платонов, Лунные изыскания (рассказ о «кирпиче») Режим доступа: <http://platonov-ap.ru/novels/lunnye-izyskaniya/> (дата обращения – 24.03.2021).
17. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка, СПб. 1998, С. 356.
18. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. Москва, 1998, С. 268.
19. Технический железнодорожный словарь. Москва, 1941.
20. Платонов А. Юшка // Платонов А. Избранные произведения. Москва, 1983. С. 75.
21. Платонов А. Такыр // Платонов А. Избранные произведения. Москва, 1983. С. 521.
22. Скуридина С.А. Мать-сыра земля как мифопоэтическая константа творчества Достоевского // Вестник славянских культур, 2016, т. 42, № 4. С. 143-150.
23. Платонов А. Бой в грозу // Платонов А. Одухотворенные люди: Рассказы о войне, Москва 1986. С. 202.
24. Платонов А. Котлован // Платонов А. Взыскание погибших. Москва, 1995. С. 170.
25. Платонов А. Семейство // Платонов А. Счастливая Москва: Роман, повесть, рассказы, Москва, 2011. С. 312.
26. Платонов А. Дерево Родины // Платонов А. Одухотворенные люди: Рассказы о войне. Москва, 1986. С. 90.
27. Платонов А. Чевенгур // Платонов А. Ювенильное море: Повести, роман. Москва 1988. С. 535.

References

1. Afanasyev A. N. Poetic views of the Slavs on nature. In 3 tt. St. Petersburg, 1869.

2. Fedotova E. Ya. The lexical appearance of a stone in the Old Testament // Materials of the symposium "Living stone: text / dictionary. Preliminaries". Access mode: <http://nrgumis.ru/articles/1952/> (date of application-27.03.2021).
3. Karasev L. V. About the symbols of F. M. Dostoevsky // "Questions of Philosophy", 1994, No. 10, pp. 90-111.
4. Kasatkina T. A. Stones in the novel "The Brothers Karamazov" // "New World" 2011, No. 10.
5. Vetlovskaya V. E. "If the Lord does not build houses..." (The motif of the stone in the Brothers Karamazov) // "History and Culture" 2013, No. 11 (11). pp. 81-100.
6. Dmitrovskaya M. A. Language and worldview of A. Platonov. Diss....doctor of philological Sciences. Sciences: 10.02.01, Moscow, 1999.
7. Malygina N. M. "The story of the many interesting things" in the context of the work of A. Platonov // Andrey Platonov: the World of art, Moscow 1994, pp. 185-186.
8. Abasova N. Yu. Mythopoetics of the novel of A. P. Platonov, Kotlovan // "Culture and text", 2016 (27), №4, p. 74-85.
9. Skuridina S. A. Stone names of F. M. Dostoevsky // "Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and Intercultural Communication", 2014, № 15 (15). Pp. 72-78.
10. Smilevets O. D. The mysterious world of stones (to the 200th anniversary of F. M. Dostoevsky) // "The bowels of the Volga region and the Caspian Sea", 2012, pp. 61-65.
11. "Gubmeliorator tov. Platonov": Based on the materials of the People's Commissariat of Agriculture. 1921-1926 // "The Land of Philosophers" by Andrey Platonov: problems of creativity. Issue 3. Moscow 1999. pp. 476-508.
12. Dostoevsky F. M. The complete collection of works in 30 volumes. L.: Nauka, 1972-1988.
13. Altman M. S. On the milestones of names. Saratov, 1975. pp. 187-189.
14. Kasatkina T. A. The sacred in the everyday: A two-part image in the works of F. M. Dostoevsky. Moscow 2015. p. 379.
15. Barsht K. A. Dostoevsky of the 20th century: a lecture on the work of Andrei Platonov. Access mode: <https://новокузнецк400.рф/news/743-professor-barsht-s-leksiej-o-tvorchestve-andreja-platonova.html> (accessed on 30.03.2021).
16. Platonov, Lunar exploration (the story of the "brick") Access mode: <http://platonov-ap.ru/novels/lunnye-izyskaniya> Russian Russian Dictionary/ (accessed 24.03.2021).
17. Kuznetsov S. A. Big explanatory Dictionary of the Russian language, St. Petersburg, 1998, p. 356.
18. Superanskaya A.V. Dictionary of Russian personal names. Moscow, 1998, p. 268.
19. Technical Railway Dictionary. Moscow, 1941.
20. Platonov A. Yushka // Platonov A. Selected works. Moscow, 1983. p. 75.
21. Platonov A. Takyr // Platonov A. Selected works. Moscow, 1983. p. 521.
22. Skuridina S. A. Mother earth as mythopoetic constant of Dostoyevsky // Bulletin of Slavic cultures, 2016, vol. 42, No. 4. P. 143-150.
23. Platonov A. Battle in the storm // Platonov A. Soulful people: stories about the war, Moscow 1986. P. 202.
24. Platonov A The Foundation Pit // Platonov A. Recovery of the dead. Moscow, 1995. p. 170.
25. Platonov A. Family // Platonov A. Happy Moscow: Novel, novella, stories, Moscow, 2011. p. 312.
26. Platonov A. The Tree of the Motherland // Platonov A. Spiritual people: Stories about the war. Moscow, 1986. p. 90.
27. Platonov A. Chevengur // Platonov A. The Juvenile Sea: Stories, novel. Moscow, 1988. p. 535.

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

1) УДК;

2) сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;

3) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);

4) название статьи на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);

5) аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);

6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);

7) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);

8) библиографический список на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки [1; с. 54–67], [2; т. 3, с. 4–6]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в порядке упоминания работ в тексте статьи по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 811.161.1

*Гуманитарный институт филиала
Северного (Арктического) федерального
университета имени М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск,
тел. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

*Institute of Humanities of Northern
(Arctic) Federal University named after M.V.
Lomonosov
The department of linguistics
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk,
tel. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег... (200-250 слов).

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, признаки образа, ...

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, ...

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небесполуночной страны* [1]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания его современники и исследователи творчества, в т. ч. Л.Я. Гинзбург [2].

Текст, текст, текст.....

Библиографический список

1. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/> (дата обращения – 15.05.2019).
2. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.

References

1. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/> (accessed – 15.05.2019).
2. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 3(42) 2021

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Дата выхода в свет: 08.10.2021. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 16,7. Усл. печ. л. 17,2. Тираж 500 экз. Заказ №
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84